

ЧЕТ ВЪН...

СТРЕМЛЕНИЕ К ХАОСУ

18+

Чес Цин

Стремление к Хаосу I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70616713

SelfPub; 2024

Аннотация

В мире, где профессию и место работы человека определяет Оракул, Далая вышла из Системы, стала независимой журналисткой и вынуждена перебиваться случайными заработками. Но очередное неудачное свидание оказалось на редкость многообещающим. В мире, где голоса несогласных с каждым днём звучат все тише, Безликие, радикальное ядро Сопrotивления, члены которого скрывают личности даже друг от друга, терпят одно поражение за другим. Но очередная неудачная миссия помогла Феликсу обрести новую цель, а Безликим – новую надежду. В мире, где жизнь человека ничего не стоит, Оракул выявляет предполагаемых нарушителей, а эмпаты вынуждены выбирать, кого из них отправить на смерть. Но все меняется, когда на станцию прибывает Шани, сильнейшая эмпатка в истории Системы, которая не способна смириться с последствиями своих решений. Они родились на разных планетах и никогда не встречались, но их объединяет одно – стремление к хаосу.

Содержание

Миссия Тассин	4
Миссия Тассин. Паранойя	22
Новый Оракул	41
Новенькая	52
Вырвавшийся с Дамарака	70
Миссия Три Дня	85
Эгоистка	105
Дрянь	127
Миссия Деанонимизация	144
Создатель Нового Оракула	165
Неодинокая	184
Последний Танец	201
Шивартанский Поцелуй	228
Миссия Любой Ценой	250
Лицемерка	266
Миссия Импровизация	290
Неслучайная Жертва	314
Бесчувственная	332
Последний Луч Надежды	351
Миссия Семнадцатый Этаж	369
Об авторе	392

Чес Цин

Стремление к Хаосу I

Миссия Тассин

Завод по производству имплантов “Тассин”.
Теошарт, Шивартан.

– Похоже, они знали о нашем прибытии. – защитное поле Децима вспыхнуло, вверх и вниз от места попадания пробежала рябь, завернула тело в синий бутон, такой огромный, что в него легко вместились бы два, а то и три мужчины средних размеров.

Децим спрятался за угол.

Поежившись, Феликс согнул ствол плазменной винтовки под девяносто градусов и высунул в коридор. Камера показала, что там никого. Охранники стреляли из-за угла, что совсем не удивительно. Какой смысл охране рисковать собой?

Из кабинета только один выход. Нужно всего лишь дождаться, пока Безликие, не выдержав пытки бездействием, выбегут в коридор, и тогда... Остатки защитных полей не выдержат того шквала, что обрушится на них, и, если броня вдруг каким-то чудом не разлетится к чертовой матери, раскалившийся от плазмы воздух внутри поля с удовольствием

полакомится подрумянившейся кожей.

– Ла, ты еще долго? – спросил Феликс, в отчаянии перебирая варианты.

Лаура невнятно выругалась себе под нос, но не ответила. Вариантов не было. До лифта в конце коридора каких-то двести метров, но, чем больше времени проходило, тем непреодолимее казалось расстояние, словно чья-то гигантская лапища вцепилась в лифт и потащила в бесконечность, растягивая коридор.

В каждом кабинете по правой стороне уже пряталось по несколько охранников, Феликс видел их дрожащие в нетерпении стволы. Весь коридор был похож на длинного ошетилившегося таллана.

Двери лифта распахнулись, и на этаж вбежали еще двое. Феликс выстрелил, окрасив защитное поле одного из них в синий. Бесполезно, но стоило попытаться.

На самом деле, пора экономить. Плазменных зарядов осталось штук десять, огнестрельных и того меньше. Энергия в поясе давно уже опустилась ниже пятидесяти процентов, а ведь ее придется делить между силовым полем и лазером, когда патроны закончатся...

– Данные стерты. – голос Лауры прозвучал прямо над ухом.

Феликс вздрогнул от неожиданности. Еще недавно стоявшая возле интерфейса на другом конце кабинета, девушка вдруг стекла по стене, задев Безликого плечом.

– Какого хрена, опять?! – прорычал Децим и метнулся в коридор.

Феликс хотел было броситься за ним, укрыться от выстрелов за его могучей спиной, а там будь что будет, но, вспыхнув несколько раз от серии попаданий, Децим вернулся обратно, лишь впустую потратив драгоценную энергию.

В воздухе пахло озоном. Резкий запах высушивал нос до ломоты, вселяя первобытный ужас. Должно быть, именно это чувствуют животные во время лесного пожара. Загнаны в угол. Заперты в клетке, как какие-то...

Срочно нужен план. Децим и Лаура не должны погибнуть здесь.

– Что будем делать? – спросил Децим.

– Какая разница? Мы снова ничего не добились. – Лаура сжала кулаки.

– Добились или нет, если не выберемся, это не будет иметь никакого значения. – пробормотал Феликс, наблюдая, как еще двое охранников вбежали в самый дальний кабинет. Как будто тех, что уже обосновались внутри, было недостаточно.

– Нас все еще трое, в то время как охранников уже человек десять. – Децим стукнул кулаком по стене, и с потолка, как земля на крышку гроба, посыпалась штукатурка. – Если ты не заметил, они продолжают прибывать.

– Поэтому, чем скорее мы выберемся, тем выше будут шансы выжить. – Феликс посмотрел на Лауру в надежде, что она выдаст хоть какую-то идею, но в безвыходных ситуациях

девушка всегда растворялась.

– Какого хрена они не идут на штурм? – пробурчал Децим, – У каждого все еще полная батарея.

– Ни броня, ни поле не защитят их в ближнем бою с тобой.

– Что верно, то верно, но в ближнем бою может произойти все, что угодно. Их слишком много. Кто-нибудь успеет всадить нож в спину. – Децим посмотрел в сторону Безликих, и даже сквозь шлем его мысли отлично читались.

Феликс содрогнулся, представив, как его лапищи, каждая размером с голову, смыкаются на шее. Он извивается от бессилия... С каждой миссией параноя Децима доставляла все больше проблем.

Феликс откинул голову. По переносице стекала надоедливая капелька пота, мешая сосредоточиться, и Безликий не мог справиться даже с ней. Абсолютное бессилие. Фел почувствовал, что цепенеет.

Ждать больше нельзя. Феликс мысленно активировал магнитное защитное поле. Воздух вокруг помутнел от рассеянных микроскопических частиц. Безликий глубоко вдохнул, задержал дыхание, вскочил на ноги и вылетел в коридор.

– Идиот, что ты делаешь?! – кричит Лаура, но ее голос тонет в треске защитного поля.

Вокруг начинается настоящий пожар. Частицы вспыхивают и плавятся от попаданий плазмы. Сливаются воедино и снова каплями разлетаются от новых выстрелов. Глаза умоляют прикрыть их хотя бы на миг...

Феликс петляет от одной стены к другой и обратно. Слезы, смешиваясь с потом, лавиной катятся по щекам. Пересохший язык противно скребет по верхней губе, жадно впитывая соленую массу. Со стен и потолка капает раскаленный металл, добавляя новое и новое вещество в магнитный барьер... Как нельзя кстати.

Несколько человек выбегают из дальнего кабинета и занимают позицию у лифта, осыпая Безликого пулями и лазерными лучами. Пули отскакивают, оставляя на идеальной зеркальной поверхности брони выбоины, которые тут же затягиваются, постепенно истончая защиту.

От каждого попадания лазера вещество в воздухе ослепительно вспыхивает синим. Некоторые лучи прорываются сквозь редеющий от попаданий плазмы барьер, покрывая броню копотью. Каждый выстрел может стать последним. Мощность поля падает до двенадцати процентов.

До первого кабинета остается пара метров, и Феликс в очередной раз резко отклоняется в сторону, уходя от возможного выстрела в упор, изнутри барьера. Два торчащих из кабинета ствола втягиваются внутрь. Нужно время, чтобы выпрямить их.

Воспользовавшись заминкой, Феликс врывается в комнату. Щеки обдает волной холодного воздуха. В стороны разлетаются застывшие капли металла: выключилось поле. Отключись оно хотя бы на мгновение ранее...

Винтовка одного из охранников краснеет, начиная разгон

плазмы. Другой готов к выстрелу, но на миг замирает. Феликс не медлит ни мгновения. Сокращает дистанцию.

Первый охранник пятится назад, спотыкается и выводит второго из равновесия, отчего тот стреляет в сторону, оставляя в стене внушительную дыру. Феликс настигает обоих и делает два выстрела из винтовки в упор. Один охранник валится на пол, другой вскрикивает, стаскивает шлем и смотрит на дыру у себя в груди. Недоуменно пялится на Феликса и падает следом за первым.

– Чокнутый ублюдок, только не говори, что на тебе опять ни царапины! – в комнату ворвался воодушевленный крик Децима.

– Если снова хочешь в чем-то меня обвинить, приходи и скажи это в лицо. – ответил Феликс, осознавая громкость голоса только на уровне ощущений. После пережитого ада уши почти ничего не слышали.

– Я бы с радостью, но у меня осталось только двадцать три процента.

– Какая удача. У меня тут как раз есть почти нетронутый пояс.

Феликс отстегнул свой и сбросил на пол. Хотя батареи на поясе уже и так были пустыми, Безликий все равно почувствовал себя беззащитным. На выжженных адреналином ногах кое-как опустился на корточки, отстегнул пояса с охранников и нацепил один на себя.

– Хорошая попытка, парень, но я не самоубийца.

Осмотрев броню, Феликс принялся тереть черные следы от попаданий лазера и полировать остатки царапин от пуль. Повреждения затянутся сами, но Безликому было некомфортно находиться в грязном.

– Будешь сидеть там, пока охрана не решится пойти на штурм? – спросил Феликс, с удовлетворением отметив, как разгладилась очередная царапина, хотя в этом и не было его заслуги.

– Или пока у нас не появится новый план.

– И чем тебя не устраивает мой? Мы стали на один кабинет ближе к лифту.

– Ты – да. Но мы остались там же, где и были: в отчаянии. – крикнула Лаура.

– Другого плана не будет. А мне без вас не продрачься дальше. Сколько у тебя энергии, Ла?

– Семьдесят восемь.

– Мне хватило пятидесяти. – Феликс согнул ствол винтовки и высунул в коридор. Охранников, стрелявших от лифта, видно не было, видимо, вернулись в кабинет. – Децим, она может стать твоим щитом, но тебе придется ужаться раза в два.

– Кто поставил тебя главным, парень? – выкрикнул было Децим, но Лаура уже рванула из кабинета, и Децим, зарывав, бросился следом.

Всполохи разорвали полумрак коридора в клочья. Когда находишься внутри купола, все выглядит иначе, но смотреть

со стороны – невыносимо. Лаура превратилась в гигантский раскаленный шар. Часть охранников снова выскочила к лифту и открыла огонь из пистолетов.

Окруженная сливающимися и вновь разлетающимися сегментами металла, Ла, тем не менее, регулярно получала пули. Плазма оставляла дыры в скорлупе, открывая дорогу лазерным лучам. Копоть расползлась по броне, как ржавчина.

Когда Лаура петляла, попадания получал Децим, который не всегда успевал за ее перестроениями. Вдобавок, он был на две головы выше и в два раза шире, а его поле стало совсем редким, практически без вещества.

За метр до кабинета Лаура вскрикнула, схватилась за ногу и повалилась вперед. Феликс активировал свое свежее поле и выскочил наружу, чтобы закрыть Децима и позволить ему затащить девушку внутрь.

Снова ослепляющие вспышки. Перед глазами побежал обратный отсчет: девяносто пять, девяносто два, восемьдесят девять... Гигантская ладонь сдавила плечо и втянула Феликса обратно в кабинет.

– Пустоголовый кретин, у нас получилось! – Децим встряхнул Фела как тряпичную куклу, пространство свернулось в точку и на мгновение перестало существовать.

– Рано радуешься. До лифта еще метров тридцать. – Феликс вцепился в руки Децима, пытаясь вырваться из капкана, но ладони, беспомощно соскальзывая, не могли обхватить предплечья даже наполовину.

Хотя гигант и выглядел воодушевленным, Феликс боялся, что в любой момент его настроение может качнуться в другую сторону, и тогда эти руки...

– Только не говори, что позволишь ему снова что-то планировать! – прохрипела Лаура.

Пробоина в броне на ее голени уже затянулась, но тело так, к сожалению, не могло. Скорее всего, попадание – лазерное, в противном случае повреждения были бы серьезнее, но, даже если кость не задета, бежать нормально девушка уже не сможет. По крайней мере, потеря крови ей не грозит: лазер запаивает края раны.

– Плохой план лучше, чем его отсутствие. – хмыкнул Децим.

Наконец поставив Феликса на землю, он подошел к телам охранников и поменял свой пояс на свежий. Осмотрев винтовки, гигант переставил в свою свежий магазин, и еще один прицепил на пояс.

– В таком случае, ты не откажешься до следующего кабинета побыть нашим щитом. – сказал Феликс.

– Щитом?! Мальчишка, когда я стал Безликим, твой отец еще не знал ни одной женщины, кроме собственной руки. У нас есть два других кандидата на эту роль.

Децим закинул тела охранников на плечи с такой легко-

стью, словно находился в невесомости.

– Фел, встанешь за мной, Лаура в конце. До следующего кабинета бежим прямо.

Феликс кивнул. Сказать по правде, он обрадовался, что когда Децим говорил про двух других кандидатов на роль щита, он имел ввиду не их с Лаурой. Дойдя до выхода, Децим сбросил тела с плеч и, перехватив под мышками, заслонился ими. Кивком скомандовал выдвигаться и выбежал в коридор.

В его движениях было ровно столько грации, сколько должно быть в движениях человека, несущего в руках перед собой тела двоих далеко не маленьких мужчин. Тем не менее, он перемещался довольно быстро.

Находиться за Децимом было не страшно, Феликс слышал скрежет защитного поля, даже ощущал жар, но абсолютно ничего не видел. Только могучую спину, кажущуюся непробиваемой.

Интенсивность выстрелов значительно снизилась, видимо, никто из охранников не хотел стрелять по своим, даже мертвым. Дойдя до входа в кабинет, Децим сделал еще несколько шагов дальше по коридору, позволив Феликсу и Лауре ворваться в комнату.

– Не стреляйте! – подняв руки вверх и бросив винтовку болтаться на шее, затараторил единственный охранник, находящийся в комнате.

– Сними шлем. – скомандовала Лаура.

Охранник опустил трясущиеся ладони на голову и сделал несколько неуклюжих попыток подчиниться, но шлем не поддавался.

– Тебе помочь? – ехидно спросил Децим, наконец вошедший в кабинет.

Сложив тела друг на друга возле входа, он двинулся в сторону охранника, и тот затряс головой из стороны в сторону, как взбесившаяся стрелка навигатора. От резких движений шлем соскочил с головы, выскользнул из рук и с грохотом покатился по полу.

– Молодец. А теперь медленно отстегни винтовку и положи на пол. – Лаура отпустила свою и вытащила пистолет, нацелив охраннику в голову. Его кадык подпрыгнул, мужчина опустил руку на корпус винтовки...

Раздался выстрел, и на пол посыпались куски потолка. Охранник вскрикнул и снова вскинул обе руки вверх, натянувшись как струна.

– Рехнулась? А если наверху гражданские? – Децим шагнул в сторону Лауры, и девушка перенаправила пистолет на него, но Безликий хлестким ударом выбил оружие из рук. – Еще раз направишь на меня ствол, и это будет последним, что ты сделаешь в жизни.

– Знал бы ты, как часто мне такое говорили.

– Ну и время для разборок вы выбрали. – вынув пистолет, Феликс взял охранника на мушку.

– Тоже хочешь поучаствовать? – спросил Децим и, повер-

нувшись к охраннику, добавил. – Ты ее слышал, чернявый. Снимай винтовку.

– Пожалуйста, у меня семья... – прошептал мужчина.

– Делай, что говорят, и все будет в порядке.

– Они почти не стреляли по телам. Из него выйдет отличный щит. – сказал Феликс.

– Вашу мать! – воскликнула Лаура. – Сколько нужно Безликих, чтобы обезоружить одного обоссавшегося от страха охранника? Кто следит за дверью, Фел?

– Вот черт... – прошептал Феликс, развернувшись за мгновение до того, как из-за дверного косяка выглянули два согнутых ствола.

Рванув в сторону, Феликс подставил Децима под двойное попадание, но выстрелы пришлись в защитное поле. Схватив один из стволов, Феликс, упершись в стену, что есть силы дернул его на себя, заставив одного стрелявшего кувырнуться через другого, стоящего на коленях.

Оба охранника показались в проеме. Феликс выстрелил из винтовки, пригвоздив одного из них к полу. Подоспевший на помощь Децим втащил в кабинет второго, и, вырвав из его рук винтовку, несколько раз всадил кулаком в голову.

Охранник рухнул как мешок. На его шлеме красовалась настолько внушительная вмятина, будто тот, как минимум, попал под неудачно приземлившийся шаттл. Феликс пожегил, представив, что это вполне могла быть и его собственная голова.

– С тобой, Фел, мы тоже поговорим, когда выберемся – буркнул Децим. – Уходим, пока сюда не ворвалась еще одна группа.

– Ты его слышал, вперед! – встав за спиной у охранника, Лаура пинком направила того к двери.

– Они сразу же выстрелят... – пролепетал тот.

– В таком случае, тебе стоит как можно громче предупредить их о возможных последствиях. – усмехнулась девушка.

Дойдя до двери, охранник схватился обеими руками за стены, чтобы не дать Лауре вытолкнуть себя из кабинета раньше времени, но вряд ли это спасло бы его, если бы Феликс не остановил девушку, преградив ей путь. Шумно вдохнув, охранник закричал:

– Парни, это Нан! Умоляю, не стреляйте. Они используют меня как щит!

– Хороший мальчик. – сказал Децим и, схватив Нана за талию, поднял в воздух и вышел в коридор.

Охранник извивался, как пойманный тантар, но вряд ли можно придумать занятие бесполезнее, чем соревноваться с Децимом в физической силе. Зажмурившись, вжав голову в плечи, Феликс вышел в коридор следом, но на этот раз снаружи было тихо. Ни одного выстрела.

Феликс слышал каждый шаг каждого ботинка, обратный отсчет до последнего кабинета перед лифтом. Никаких гарантий, что заложник поможет. У обосновавшихся внутри охранников было достаточно и времени, и ресурсов, чтобы

превратить помещение в неприступную крепость.

Децим шагнул внутрь... Ничего снова не произошло. Трое находящихся в комнате охранников уже стояли с поднятыми руками.

– Что встали? Раздеваемся, парни. – устало бросила Лаура.

– Девочка моя, их трое. У тебя нигде не треснет? – рассмеялся Децим.

Двое охранников, стоящие по краям, медленно сняли винтовки и положили на пол. Отстегнули пояса с пистолетами и бросили следом. Немного посомневавшись, стоящий в центре последовал их примеру.

– Разве я приказала остановиться? Продолжайте раздеваться.

– Кабинет запирается? – крепко сжав винтовку, Феликс подошел к мужчинам и отпнул сброшенную амуницию в сторону.

– Да. – ответил Нан.

– Ла, ты сможешь перекодировать замок?

– Дай мне минут десять.

– Десять минут любоваться их сморщенными болтами? – возмутился Децим. – Нельзя как-то побыстрее?

– Если что-то не нравится, сделай сам! – огрызнулась Лаура.

– Ладно... Парни, сейчас я зажмурюсь, и когда снова увижу вас, вы уже будете стоять голые вдоль стены и держать

шлемы перед собой, прикрывая сами знаете что. Фел, что бы ни случилось, не спускай с них глаз!

– Какой же ты все-таки идиот. – вздохнул Феликс.

Как ни странно, охранники подчинились. Комнату заполнил стук падающих элементов брони. Еще недавно казавшиеся уверенными в себе, теперь мужчины тряслись от унижения и холода. Их плечи ссутулились, грудные клетки ввалились внутрь, а руки вцепились в шлемы такой мертвой хваткой, что, казалось, даже Децим не смог бы отобрать их. Одежда сильно влияет на поведение.

– Какое прекрасное зрелище! Аж душа радуется. – хмыкнул Децим.

Покачав головой, Феликс выкинул в коридор сброшенную броню. Собрал оружие и пояса и аккуратно сложил возле входа.

– Готово. – сказала Лаура. – Впервые вижу настолько дырявую защиту. Если вынести за скобки то, что нас чуть не убили, все получается как-то слишком легко.

– Меня тоже это смущает. – пробормотал Децим.

– Также вынесем за скобки, что мы не нашли ни графики поставок, ни координаты других заводов. – парировал Феликс. – Сколько у нас времени? Есть одна идея.

– Только не снова... – вздохнула Лаура.

Двери лифта открылись, и Безликие оказались на складе. Децим вышел первым, с опаской озираясь по сторонам, но этаж был совершенно пустым, не считая сотен, если не тысяч контейнеров, заполненных коробками с имплантами.

– И это твой план? – присвистнул Децим, оглядывая десятиэтажные нагромождения ящиков.

– Лучше так, чем полное поражение. – Феликс скинул на пол захваченные у разоруженных охранников винтовки и по-яса.

– В здании могут быть люди. Как минимум, мы заперли нескольких на пятом. Если начнется пожар...

– Огонь не уйдет с этажа. – осматривая потолок, сказала Лаура. – Склады обычно делают огнеупорными.

– Уверена? И как ты на глаз определила температуру горения? – Децим попробовал опрокинуть один и стеллажей, но тот не поддался даже гиганту.

– Здесь должна быть система пожаротушения. – сказал Феликс. – Ла, сможешь отключить ее и включить, когда все пойдет слишком далеко?

– Думала об этом, но не вижу никаких признаков ее наличия. Ни единого спринклера на потолке.

– Может кислородная? И порошок, и вода могут испортить импланты.

– Кончайте болтать, у нас мало времени. – голос Децима донесся откуда-то из-за стеллажей. – Мы с Фелом свалим коробки в кучу, а ты пока разберись, что можно сделать.

Вернувшись к лифту, Децим поднял с пола две винтовки, одну оставил себе, а вторую бросил Феликсу. От неожиданности Фел чуть не выронил ее, чем вызвал презрительный смешок гиганта.

– Ты берешь правые, я левые. – сказал Децим. – Встречаемся в центре. Стреляй по ножкам, старайся свалить контейнеры поближе к середине. И смотри, чтоб ничего не загорелось, до того, как Лаура не разберется с системой. Не хватало еще и здесь все запороть.

– Мне казалось, ты больше любишь работать руками, чем стрелять. – хмыкнул Феликс.

– Нажимать на спуск – это тоже работа.

Феликс мог бы с ним поспорить, но решил промолчать. Пальцы Децима, да еще и в перчатках, с трудом пролезали в спусковую скобу, а винтовка в руках походила на детскую игрушку.

Дойдя до края помещения, Феликс выстрелил в крайний стеллаж, за мгновение до того, как со своей стороны то же самое провернул Децим. Ножка исчезла, превратилась в жидкость, лужицей растеклась по полу. Стеллаж накренился и повалился вбок, толкнув следующий, запустив необратимый механизм.

Коробки поползли вниз, сбивая друг друга и другие на соседних полках, посыпались на пол. Чтобы ускорить падение, Феликс испарил еще несколько ножек, пропуская примерно по два стеллажа до тех пор, пока не встретился с Децимом.

Центральные стеллажи наткнулись друг на друга, образовав кривую перевернутую букву “V”. Коробки на их полках так и не достигли пола, зависнув в шатком подобие баланса. Примерно половина контейнеров, особенно из тех, что стояли сверху, так и остались в воздухе, где-то – зажатые между стеллажами, а где-то – упертые друг в друга.

– Не слишком кучно, да? – спросил Децим.

– Надеюсь, достаточно.

– Не пойму, на что вы рассчитывали. Между рядами было от силы метра по два. – усмехнулась Лаура. – Я отключила систему. Можно поджигать.

Безликие принялись палить по контейнерам. Все новые и новые возгорания разрастались и сливались воедино, вспыхивая все ярче и выше с каждым слиянием. Наконец, пламя поглотило большую часть зала, и Безликие попятились к лифту. Феликс кожей чувствовал нарастающий жар, казалось еще немного, и броня даже начнет плавиться.

Коснувшись интерфейсной панели на стене, Лаура вызвала лифт, и сделала несколько жестов по левому предплечью. Из пола повыврастали стены, запирая огонь в ловушке. Раздавшееся шипение возвестило об откачке кислорода изнутри камеры.

Безликие вошли в открывшийся лифт.

Миссия Тассин. Паранойя

– Все-таки, все слишком легко. – сказала Лаура. – Мы проторчали в здании слишком долго. Когда лифт откроется, будьте готовы к радушному приему.

Феликс активировал защитное поле и положил оцепеневший от нетерпения палец на спусковой крючок, хоть в этом и не было смысла. Стрелять изнутри защитного поля можно только из пистолета, огнестрельными патронами, но уж никак не из винтовки.

Лифт остановился. Двери медленно двинулись в стороны. Феликс инстинктивно прищурился...

Тишина. На проходной, переминаясь с ноги на ногу, толпились рабочие, все в выглаженных серых костюмах, оттенок и фасон которых, скорее всего, незначительно отличались, но шивартанская мода всегда казалась Феликсу мучительно однообразной. Одно то, что Безликий называл шивартанский аскетизм модой, способно было вывести из себя любого шивартанца. А они, мягко говоря, не слишком эмоциональны.

– Где вся охрана? – пробормотал Децим.

Феликс осторожно вышел из лифта, и остальные скользнули за ним. Слишком тихо. Только отдаленный утробный рокот магистрали и плохо разборчивый гул испуганных голосов рабочих.

– Довольны собой?! – немного осмелев, выкрикнул кто-то из толпы.

– Кто оплатит нам час простоя? Вы?! – рявкнул другой.

– Что вы там делали?!

– Оборудование в порядке?! У меня трое детей, мне нужна эта работа!

– Как обычно, никакой благодарности. На кой черт мы вообще этим занимаемся? – пробурчала Лаура себе под нос.

– Сохраняйте спокойствие! – выкрикнул Феликс. – Пострадали только последние несколько дней вашей работы!

Гул вырос, как волна, приближающаяся к берегу.

– Что б вы сдохли!

– Снимите маски! Хватит прятаться!

– Моя зарплата привязана к количеству выпущенных имплантов!

– Лучше бы ты молчал... – прошептал Децим.

Гигант выстрелил из бластера в пол. Люди закричали и бросились в рассыпную, спотыкаясь и толкая друг друга.

– Даже не знаю, кто из вас двоих больший придурок. – вздохнула Лаура, и, повысив голос, закричала: – Вам ничего не грозит! Сейчас мы уйдем, и этот кошмар закончится!

Ее крик не помог, Стало даже хуже. Казалось, точка невозврата пройдена и беснующаяся толпа разорвет Безликих в клочья, не спасут ни оружие, ни броня, но шум внезапно стих.

Расступаясь перед кем-то, рабочие разбивались на две

одинаковые группы до тех пор, пока толпа не выплюнула женщину лет пятидесяти с убранными в строгую прическу светлыми волосами. Безупречный свободный серый костюм со стрелками настолько острыми, что можно порезаться, делал худую андрогинную фигуру гармоничнее, но вряд ли женщина стремилась к этому.

– Госпожа, пожалуйста, отойдите в сторону, – мягко сказал Феликс.

– У меня есть для вас кое-что. – ответила женщина.

– Это же Ранея Тассин! – рявкнул Децим, направляя на женщину ствол.

Феликс бросился наперерез, но только в собственных мыслях. Медлительное, неповоротливое тело было не способно развить нужную скорость, он не мог успеть. За желанием успела лишь рука...

– Какого хрена ты творишь! – Лаура толкнула Децима, но ее веса не хватило, чтобы сдвинуть гиганта с места.

Рука Безликого дернулась прямо в момент выстрела, и Луч ушел в толпу. Какой-то мужчина вскрикнул и рухнул на землю, схватился за ногу. Люди снова бросились в стороны...

Хлопок. Лаура пальнула в воздух, и рабочие замерли, словно контуженные звуковой волной. Покачав головой, Госпожа Тассин посмотрела Феликсу в глаза, и от пронзительного взгляда не могли защитить ни шлем, ни маска.

– Так это ты?! – Децим вцепился в плечи Лауры и затряс

девушку так сильно и часто, что, казалось, ее голова вот-вот оторвется. – Как давно ты работаешь на них?!

– Могу. Задать. Тебе. Тот. Же. Вопрос. – Безликая потянулась к винтовке, но Децим перехватил ее руки. – Тассин хотела нам помочь, а ты без раздумий стреляешь в нее?!

– Отвали от Ла и следи за толпой! – подоспевший Феликс изо всех сил дернул Децима за руку, но тот сдвинулся лишь на шаг.

– Шуруй отсюда, парень, и запускай капсулу. – Децим отпустил Лауру и оттолкнул Феликса в толпу. Рабочие расступились, и Фел едва не грохнулся на спину. – Я догоню тебя, когда со всем разберусь.

– Притащишься один – я пристрелю тебя.

Каким-то образом угроза сработала, и Децим вернулся к лифту. Ранея подошла к Феликсу и сунула в ладонь что-то по форме похожее на датакуб. Безликий, не глядя, запихал его в карман на поясе и рванул к парковке, краем глаза успев заметить, что госпожа Тассин что-то рассказывает Лауре. Добежал до поворота, за которым по плану должна была находиться капсула...

Должна была. Черт, ну что за безумный день? Феликс помчался обратно, на бегу выкрикнув в общий канал:

– Плохие новости.

– Ну что еще? – недовольно спросил Децим.

– Капсулы больше нет.

– Твою мать. Значит сядем в обычную.

– Ее мгновенно выследят. – парировала Лаура.

Феликс инстинктивно попытался вытереть пот, застилающий глаза, но пальцы скользнули по стеклу шлема. Выходит, полиция не только знала, что Безликие нападут на завод, но и остальные подробности плана? Как такое возможно? Почти никто не был в курсе, Феликс сам узнал о капсуле только час назад. Да на парковке даже нет ни одного полицейского! Как им удалось так быстро вычислить нужную капсулу?

Лаура права, уйти на чужой не получится. Если только...

– Капсула на крыше, на которой мы прилетели. – задыхаясь, протараторил Феликс.

– Будет там еще пять минут. Ты гений! – воскликнула Лаура.

– Нужно. Послать их. По ложному следу.

– Можно отправить пустую капсулу на магистраль. Но времени мало. Не уверена, что успею взломать.

До лифта оставалось метров двадцать. Рабочие окончательно успокоились. Децим и Лаура демонстративно смотрели в разные стороны и не разговаривали.

– Госпожа Тассин, прошу простить меня за наглость, но мне нужен ключ от вашей личной капсулы, – на бегу прокричал Феликс.

Ранея усмехнулась и вытянула вперед правую руку. Едва успев перевести дыхание, Феликс коснулся ее, попытавшись скопировать ключ кольцом на указательном пальце. Сквозь перчатки контакт всегда срабатывал плохо, но с третьего ра-

за получилось. Перед глазами загорелась надпись: “Доступ получен”.

– Благодарю за содействие. – улыбнулся Феликс, а затем, обращаясь к рабочим, добавил: – Господа, у вас ровно две минуты, чтобы убраться на второй этаж. И если кто-то выйдет оттуда раньше, чем через полчаса – вините только себя.

Люди нехотя двинулись в сторону лифта, и, чтобы ускорить их, Феликс выстрелил в пол. Госпожа Тассин покачала головой и, прежде чем толпа снова сошла с ума, крикнула:

– Успокойтесь, живо! Заходим в лифты по одному. Уложимся за две поездки. Атт и Кего, на вас правый и левый лифты соответственно. За один раз берем ровно по тридцать человек. Поднимаете всех на этаж и спускаетесь за следующей группой.

Натянутый как стальная струна голос госпожи Тассин связал рабочих по рукам и ногам. Как марионетки в руках умелого кукловода, они принялись выполнять полученные инструкции.

Феликс подошел к Безликим и передал Лауре ключ. Заметно прихрамывая на раненую ногу, девушка побежала в сторону парковки.

– Я все еще ей не доверяю, парень. – пробурчал Децим.

– Сейчас она нужна нам.

Первые партии людей скрылись в лифтах.

– Свою роль она выполнит и так. Я не собираюсь ее дожидаться. Вопрос лишь в том, со мной ты или нет.

Феликс сжал кулаки, но ничего не ответил. Только третья совместная миссия, но он успел привязаться к девушке, да и не в его правилах бросать своих, особенно, если учесть, что Безликих и так осталось слишком мало. Феликс почувствовал укол вины.

Как только вторая партия рабочих погрузилась в лифт, Феликс сорвался с места. Ранея в последний раз сверкнула пронзительно-синими глазами прямо перед тем, как двери захлопнулись, и Безликий почувствовал, будто его окатили ледяной водой.

– Ла, ты еще долго?! – в канал выкрикнул Феликс, вызывая лифт. Девушка не ответила.

Когда двери открылись, Децим, оттолкнув Фела, первым протиснулся в кабину и потянулся к кнопке последнего этажа. Феликс схватил гиганта за руку, навалился всем весом, но смог лишь слегка замедлить движение.

– Она нужна нам. – выдавил Фел. – У нее то, что передала Тассин.

Децим шумно выдохнул, но, все-таки, остановился.

– Уже... здесь... – задыхаясь прокричала Лаура, залетая в кабину.

Феликс нажал на кнопку. Повисло молчание, прерываемое лишь равномерным шорохом лифта.

Второй этаж.

Только бы никто не заметил, что лифт едет вверх... Рабочие должны думать, что Безликие ушли на капсуле Ранеи.

Пятый этаж.

Охрана все еще в комнате? Феликс нервно улыбнулся, вспомнив, в каком виде Безликие оставили охранников.

Лифт остановился. Не дожидаясь, пока двери полностью откроются, Феликс вылетел наружу и бросился к лестнице на крышу.

Ноги предательски подгибаются. Сколько он уже пробежал за сегодня? Ступенька. Ступенька. Ступенька. Мышцы немеют. Феликс хватается за поручень, втаскивая себя вверх. Ударяет плечом в дверь. Острая боль как от пули прошибает тело насквозь. Глухой стон. В глазах темнеет.

Отброшенный запертой дверью, Фел валится на лестницу, чудом удержавшись за поручень. Децим с воплем перепрыгивает его. Бьется в дверь...

Оранжевый свет Аэрдена лупит по глазам. Децим влетает на крышу вместе с дверью. Чьи-то руки обхватывают плечи и толкают вверх...

– Фел, вставай! Осталось двадцать секунд! – крик с трудом пробивается сквозь туман в голове. Феликс цепляется за голос, с трудом поднимается на ноги, и, спотыкаясь, держась за ушибленное плечо, бежит следом за Децимом.

Лаура отстала. Нет времени обернуться назад. Децим спотыкается и падает за пару метров до цели. Капсула закрывает дверь и начинает отрываться от земли. Обогнав гиганта, Феликс прыгает...

Хватается за еще не закрытую дверь. Механизм натужно

трещит. Зацепившись за кресло другой рукой, Феликс тягивает себя внутрь. В ушибленное плечо вонзаются тысячи игл. Из глаз стреляют слезы. Рассудок мутнеет от боли.

Феликс хрипит, обхватив кресло обеими руками. Ноги самовольно дрыгаются снаружи. Безликий тянется к приборной панели, но дверь опускается на спину, пытаясь перекусить пополам.

Фел сбрасывает перчатку. Касается панели кончиком пальца. Перед глазами вспыхивает интерфейс управления капсулой, и Феликс мысленно вопит: “Отключить автопилот!”.

Дверь ослабляет хватку. Капсула уходит в штопор. Феликс судорожно шаркает пальцами по панели, пытаясь вернуть контроль...

Удар. Грохот. Землетрясение. От столкновения с крышей кресло пинает Феликса в грудь, голова с хрустом отскакивает назад....

– Ну какой же ты везучий, парень! – Децим подхватил его безвольное тело и усадил в кресло.

– Живой? Шея, ребра целы? – спросила Лаура, и Феликсу даже показалось, что в голосе мелькнуло беспокойство. Скорее всего, Фел слишком сильно ударился головой.

– Вроде бы... – выдавил Фел, и горло сжалось в приступе острого кашля.

Двери капсулы закрылись, но вместе с ними закрылись и глаза. От резкого взлета желудок провалился в пустоту.

– Нас ждали. Данные были стерты. Охраны почти не было. – громкий рык Децима выдернул Феликса из забвения.

– К чему ты клонишь? Такое происходит постоянно, в том числе на миссиях, где нет ни одного из нас.

Феликс открыл глаза. Он сидел в пещере, прислоненный к камню. Где-то вдали шумел Черный Океан, звал Безликого в свое теплое, почти горячее, лоно, манил обещанием свободы и безопасности. Справа, в глубине пещеры, тускло отблескивала неактивная порталная рама.

– Другие миссии меня не волнуют. Почему ты защищала эту высохшую шалаву? Она член Верховной Ассамблеи, черт тебя дер!

Порыв ветра гулом пронесся по стенам пещеры, и, хотя Феликс не мог в полной мере ощутить его прикосновение сквозь броню, в памяти вспыхнули приятные воспоминания. Феликс обожал ветер.

– Тассин передала что-то Фелу. Возможно, графики поставок, которых не оказалось в системе, но ты пытался помешать ей. Не затем ли, чтобы предотвратить передачу?

– Фелу?! Значит, мелкий ублюдок наврал?! Только из-за его слов я тебя дождался!

– Сколько можно обвинять друг друга? Это уже не просто подозрения. Это паранойя... – сказал Феликс.

– Только посмотрите, кто очухался! На твоём месте я бы прикусил язык и не отвечивал.

– ...Давайте вернемся на базу, и пусть Август решает, что дальше. – как ни в чем ни бывало продолжил Фел. Сил на страх не осталось.

– Кто сказал, что Августу можно доверять? – Децим принялся наматывать круги, периодически резко встряхивая головой. – Я хочу сказать... Я знаю Августа много лет, и в последнее время его как будто подменили. Он размяк. Не выходит с базы. Планирует все более и более мелкие операции. Если подумать... Август знает обо всем, знает каждую мельчайшую деталь каждого плана...

– Создатель, и как я не замечала! – воскликнула Лаура. – Да ты же окончательно рехнулся.

– Как ты меня задрала! – рывкнул Децим и бросился на девушку...

Скрежет.

Огромное тело Децима обмякло и рухнуло к ногам девушки.

Феликс активировал защитное поле, неуклюже вскочил на ноги и направил на Лауру винтовку. В глазах помутнело, но даже сквозь почти непроницаемую завесу Безликий видел, что Ла тоже нацелилась на него.

– Уверен, что справишься? Ты еле стоишь на ногах.

Феликс не ответил, лишь крепче сжал винтовку. В глубине души он понимал Лауру, он и сам боялся параноидальных

вспышек Децима, но вряд ли смог бы выстрелить так легко.

– Я защищала себя. – на мгновение голос Лауры дрогнул, но девушка тут же взяла себя в руки. – Опустит ствол. Я могла убить тебя, пока ты еще не активировал поле.

– Довольно слабый аргумент, не находишь?

Винтовка в руках Лауры дернулась, но Феликс не решился нажать на спуск. Видимо, он только что получил свой ответ: он бы не смог выстрелить в Децима. Осталось убедить себя, что винтовка Лауры качнулась от сильного порыва ветра.

– Пока ты был в отключке, я заказала портал.

– Пожалуй, уступлю его тебе и вызову новый.

– Батарея почти на нуле. Хватит только на одно открытие.

Очередной порыв ветра на мгновение проредил вещество в силовых полях, сделав картинку чуть более ясной. Вся поза Лауры говорила о том, что девушка не хочет стрелять, но Феликс всегда был склонен к самовнушению. Безликий бросил взгляд на все еще неактивную порталную раму: вряд ли удастся помешать Лауре проследовать за собой.

– Ясно. – сказала Ла. – Отдай куб, который передала Тассин, и вали, куда хочешь.

– Видимо, у нас проблема. – усмехнулся Феликс.

Ветер завывал так громко, словно пытался предупредить о чем-то, но за несколько лет Феликс разучился понимать его язык. Желто-оранжевое пламя, вспыхнувшее в центре рамы, на миг залило пещеру светом, обычно сопутствующий открытию портала металлический скрежет утонул в шуме вет-

ра и океана. Феликс сделал осторожный шаг в сторону портового окна.

– Можем вместе посмотреть, что на кубе.

– После того, что ты сделала? Я не могу позволить тебе узнать: я тебе не доверяю. – Феликс сделал еще один шаг, и Лаура двинулась параллельным курсом.

– Тогда у нас действительно проблема.

– Я не хочу в тебя стрелять.

– Я тоже, но тебе придется пойти за мной на ту сторону. – сказала Лаура. – Ни один из нас не проверит куб. Доставим его на базу вместе.

– Заманчивое предложение, но мне, почему-то, хочется отказаться.

– Кончай клоунату, Фел. Или устраиваем перестрелку, и как минимум один из нас погибает, или идем на корабль вместе.

Другого выхода и правда не было. Феликс, все так же боком, но гораздо быстрее, направился к порталу. Лаура не спускала с него глаз, но двигалась с отставанием, видимо, чтобы заставить его пройти первым. Не позволить остаться снаружи.

Феликс прошел сквозь окно. Неровный камень под ногами сменился решетками пола. Лаура вбежала следом и, коснувшись интерфейсной панели, начала закрывать портал. В последний момент, когда по поверхности окна уже побежала мелкая рябь, Феликс хотел выскочить наружу, но остано-

вился. Слишком опасно.

Портал погас. На месте, где сквозь вход в пещеру только что переливалось серое небо, теперь находилась стена. Внутренние органы противно взмыли в воздух, вызвав острый приступ тошноты, ноги начали отрываться от пола, и Феликс мысленно активировал магнитные ботинки.

На свете существовало не так много вещей, которые Фел ненавидел так же сильно, как невесомость. Пожалуй, только убивать. И, если подумать, был еще один человек.

Феликс сел на скамью, продолжая держать Лауру на мушке. В невесомости не было особой разницы, сидишь ты или стоишь, но сидеть – легче психологически. Лаура обосновалась напротив, и принялась водить пальцами по правому предплечью, заказывая следующий портал, второй рукой все так же сжимая винтовку.

– На еще одно окно энергии не хватит. – сказала она. – Мы слишком далеко.

– И сколько ждать?

– Часа три.

– Черт. – буркнул Фел. Несмотря на невесомость, винтовка тяжелела с каждой секундой. – У меня уже отнимается палец.

– Сочувствую твоим девушкам. – хмыкнула Лаура. – Просто убери его с курка и расслабься.

– Только после вас.

– Положи куб на скамью так, чтобы я видела, и я уберу

винтовку.

Феликс засомневался, но все-таки выудил куб из кармана.

– По крайней мере, ты взял его с собой. Я боялась, что ты оставишь его в пещере. Думаю, можно заключить перемирие.

Взяв винтовку обеими руками, Лаура провернула ремень так, чтобы та осталась болтаться под мышкой, но силовое поле не отключила. Феликс последовал ее примеру.

Вспышка и скрежет. Фел с трудом удержал глаза открытыми, руки снова вцепились в винтовку. Краем глаза Безликий заметил, что Лаура нацелилась на него, но, спохватившись, перенаправила ствол на открывшийся портал.

– Пожалуй, зайду попозже. – усмехнулась стоящая на другой стороне Безлика. Перед глазами высветился позывной: “Терция”.

– Чувствуй себя как дома. – сказал Феликс и отпустил винтовку.

– Плохо помню, каково это, но атмосфера была такая же гнетущая. – Терция перешла сквозь портал и потянулась к интерфейсной панели...

– Не закрывай! – воскликнула Лаура. – На твоём корабле хватит энергии, чтобы приблизиться к базе?

– Батареи пусты.

– Черт. Из-за твоего перехода нам теперь ждать почти сутки. – Лаура всплеснула руками.

– Ну извини. – Терция закрыла портал. – Если вам так

нужно было уединиться, стоило повесить табличку: “Не беспокоить”. Может тогда система не повела бы меня через этот корабль.

– А я рад, что ты присоединилась.

– Уверен, что справишься с обеими одновременно? – усмехнулась Терция.

– Я даже не уверен, что Ла не придушит меня среди ночи.

– Ты настолько ужасен?

– Ты даже не представляешь.

– Теперь я по-настоящему заинтригована.

Терция сняла шлем и толкнула по воздуху от себя, в сторону отсека со снаряжением. Длинные локоны разметались в стороны, образовав каштановое облако вокруг головы. Лицо осталось закрыто маской.

Девушка отстегнула наплечники. Сняла нагрудник, по поясу оставшись в одном лишь эластичном подброннике. Феликс поежился, понимая, что с такого расстояния ее прошьет обычная пуля, но Лаура выглядела расслабленной и стрелять не собиралась. По крайней мере, пока.

– Ты одна? – спросил Феликс. – Шпионишь? Куда направляешься?

Терция прошла в отсек со снаряжением.

– Да ладно тебе! – воскликнул Фел. – Назови хотя бы планету.

– Ракулай.

– Можешь помочь? Разрядить атмосферу. Нам достался

куб с важными данными...

– Ты с ума сошел! – Лаура вскочила и нацелилась на Фела.

– Если ты думаешь, что я проведу с тобой еще сутки, то с ума сошла ты, а не я. – На этот раз Феликс даже не пошевелился: силовое поле все еще активно, а Лаура вряд ли решилась бы стрелять в космосе.

– Что за данные? – Терция вернулась в порталную. Теперь на ней была черно-золотая накидка с шарфом-капюшоновым и оранжевые свободные брюки, только лицо по-прежнему оставалось под маской.

Если идешь шпионить, лучше не выделяться, но чтобы не выделяться на Ракулае, нужно одеваться как можно более броско.

– Это вторая проблема. В свете последних событий, мы с Ла не очень доверяем друг другу...

– Я заметила. – усмехнулась Терция.

– ...И не можем допустить, чтобы кто-то из нас посмотрел, что на кубе.

– Клянусь, если ты отдашь ей куб, я пристрелю вас обоих.

– Спокойно, милая. – Терция подняла руки в верх. – Я не собираюсь становиться между вами. К тому же, меня могут поймать.

– Подумай, Ла. Это единственный способ покончить с паранойей. Куб будет у Терции, мы спокойно вернемся на базу и доложим о случившемся Августу. Если согласишься, я даже готов встать на твою сторону в вопросе с Децимом.

– Вообще-то я все еще здесь, и ни на что не соглашалась. – сказала Терция.

– Энергии до Ракулая должно хватить впритык, что увеличит время нашего пребывания здесь еще часов на шесть. – Лаура отпустила винтовку и снова села на скамью. – И Терция права. Ее могут поймать.

– Перед заданием она может оставить куб в зоне передачи. Я знаю одну на станции “Тарла”.

– Я тоже. – вздохнула Терция. – Использовала как-то раз. Ладно. Не знаю, что у вас случилось, но если это единственный способ не дать вам поубивать друг друга, я согласна.

Феликс протянул Терции куб. Девушка села рядом и, сунув его в карман накидки, принялась жестами вырисовывать команды на левом предплечье.

Чтобы сохранить местоположение порталных кораблей в тайне, Безликие были вынуждены отправлять координаты ближайшего к себе портала в систему перемещения, и ждать, пока один из кораблей откроет окно с другой стороны. Однажды это ожидание стоило Феликсу слишком дорого.

Корабль дернулся, синхронизируя свое движение с движением Ракулая, и Безликие схватились за скамью, чтобы удержаться на месте. Наконец, ускорение прекратилось.

В открывшееся порталное окно ворвалась гравитация, схватив и попытавшись выдернуть нутро Феликса из тела, будто толпа беспризорников из шахтерского городка на Дамараке. Снаряжение в ящиках в соседнем отсеке с грохотом

ударилось о дно.

Терция встала и прошла сквозь портал в маленькую темную комнату на другой стороне.

– Не закрывай! – крикнула Лаура и вскочила на ноги.

Терция кивнула и одернула руку от интерфейсной панели. Не оборачиваясь, сдернула маску, через спину швырнула назад, на корабль, и направилась к выходу из помещения.

– Куда-то собралась? Сядь на место, Ла. – процедил Феликс.

Если бы не броня, ремень, от постоянного хватания винтовки, давно бы уже протер кожу на шее до позвоночника.

– У меня не осталось причин торчать здесь с тобой. Если хочешь – стреляй, но мы оба знаем, что ты не сможешь.

Феликс вздохнул, но уставшему пальцу действительно не хватило бы силы нажать на спуск. В мире существовало не так много причин, чтобы убить человека.

Лаура прошла сквозь окно и закрыла портал.

Новый Оракул

Ресторан “Аэлай”.

Нантан, Ракулай.

Удивительная штука – время. Оно неуклонно убегает, сжирая все хорошее, что есть в жизни, оставляя после себя лишь жалкие объедки. Тебе было хорошо в прошлом: на той неделе, вчера, секунду назад, но никогда не бывает хорошо прямо сейчас. Время уже вырвало приятное мгновение из скользких от пота ладоней, и несется вперед, злорадно смеясь, а ты, как помешанная дура, гонишься за ним, вытягиваешь руку, хватаешь...

– Как тебе музыка? Тебе же нравится эмбиент? Чтобы свидание прошло идеально, я подбирал программу целую неделю. – Карот подмигивает, самодовольно ощерившись. Его и без того мелкие глазенки схлопываются, рискуя совсем исчезнуть с непропорционально огромного лица. – Извини. Прозвучало, будто я маньяк и следил за тобой... То есть, я, конечно, разузнал о тебе все, что мог, но пользовался для этого только открытой информацией.

– Это все меняет. – Далая закатывает глаза.

Еще вчера ей было пятнадцать, будущее манило, обещая столько интересного! Сегодня ей двадцать один, и она сидит в чертовом ресторане на очередном унылом свидании. Чет-

верть жизни пролетела за какой-то миг. События в прошлом будто произошли одновременно, а впереди ждет лишь пустота и неясные перспективы.

– Так здорово, что ты согласилась на общую программу. Мы одиноки потому, что даже находясь вместе, не слышим друг друга, а без этого никогда не зазвучать в унисон. Ха-ха! – лающий смех, похожий на кашель, вырывается из огромного рта Карота, следом вылетает туча слюней. Обнажив мелкие крысиные зубенки, Карот сверлит Далаю взглядом. – Угадаешь, чья цитата? Моя! Ха-ха!

Создатель! Сегодняшнее свидание нельзя назвать просто очередным. Оно навсегда займет первое место в топе худших. Почему в такие моменты время останавливается? Девушка чувствует, что попала на орбиту унылой черной дыры, мерзкие щупальца присосались к телу, отвратительные губищи тянут энергию...

Душно. Далая смотрит на голосцену, где медленно парят голограммы трех милостивых девиц. Обтягивающие скафандры, но шлемов нет. Цветные волосы разметались в стороны, закрыв лица. Еще одна черная дыра посреди сцены лениво притягивает девушек к себе, тела становятся все ближе, вот-вот коснутся друг друга. Сольются в кольцо.

Играет эмбиент. Далае нравится эмбиент, но не сегодня. Вокруг девушек мерцают звезды, золотистое полотно сияющей пыли лентой закручивается вокруг тел. Голограмма вращается. Гипнотизирует.

Невыносимо скучно. Слов не разобрать. На орбите Карота и так медленная музыка практически останавливается, превращается в какофонию. Далая вычленяет отдельные звуки, но паузы так велики, что мотив не уловить.

Иногда для счастья нужно совсем немного, достаточно, чтобы время снова пошло. Краем глаза Далая замечает, что Карот молчит и пялится на нее.

– Извини, отвлеклась. – отрешенно произносит она.

– Рад, что тебе нравится. Ты указала, что любишь эмбиент, и мне удалось найти малоизвестного амбициозного продюсера с Дамарака. Для визуальной части я решил выбрать девушек, чтобы ты не сильно отвлекалась, но, видимо, не сработало. Ха-ха! Вот только никто из них, конечно же, не сравнится с тобой.

Далая с трудом сдерживает рвотный позыв. Возле Карота даже самый энергичный трек зазвучит как эмбиент. Стоило все-таки остаться дома, но вероятность совпадения с Каротом была выше девяноста пяти процентов!

Впрочем, удача никогда особо не жаловала Далю. Если бы после конца света в Системе остались только два человека, вместе с Далаей выжил бы отец. Или другая девушка.

Кольцо из танцовщиц сжимается плотнее. Тела обвиваются, губы приоткрыты, руки тянутся в сторону Карота, но тот продолжает сверлить Далаю взглядом. Сальный блеск в глазах невыносим. Определенно, маньяк.

– Расскажи о себе. Над чем работаешь? Говорят, девушек

перотом не корми, но дай поболтать о себе. Ха-ха!

Перотом. В животе предательски урчит. Далая из последних сил борется с желанием уйти, но тогда придется остаться голодной. Последний материал снова не набрал просмотров, на продвижение нужны деньги, а где их взять, если едва хватает на аренду? Нужно терпеть, но время тянется так мучительно!

Далая отворачивается от голосцены и в очередной раз скользит по Кароту взглядом. Скучно. Девушка читает его как открытую книгу. Длинный черный жилет распахнут – хочет показать, что серьезен, и, в то же время, раскован. Свободная трапециевидная рубашка с принтом “Восход Аэрде-на” Альбара Дюро призвана подчеркнуть тонкую загадочную натуру. Пошло.

Будь сверху нечто более закрытое, чем тонкий жилет, смотрелось бы выигрышнее. Сейчас он просто швыряет картину в лицо, распушив хвост, как напыщенный ниат.

Альбар Дюро – самый попсовый художник. Желтоватые цвета полотна придают лицу Карота нездоровый землистый оттенок. Возможно, пошлость лишь отвлекающий маневр, но даже пестрая свободная рубашка не в силах скрыть вываливающееся пузо.

– Кажется, ты и так уже все обо мне знаешь. – Далая притворяется смущенной и снова отводит взгляд.

Незнакомец за столиком напротив томно смотрит на нее. Шелковистые каштановые волосы до плеч. Черные, как без-

дна, глаза с игривыми золотыми отблесками голосцены. Полные мягкие губы с прямыми, словно вычерченными по линейке, контурами. Впервые за вечер Далая улыбается. Незнакомец отвечает тем же, но тут же отвлекается на сцену.

Широкие плечи. Рельефные, но не слишком огромные руки. Девушка продолжает украдкой оценивать незнакомца, и взгляды снова пересекаются, цепляются друг за друга. Внезапно возникшее притяжение не позволяет прервать контакт.

– Ты знала, что это первый ресторан на Ракулае? Когда-то здесь ужинала вся Верховная Ассамблея. Надеюсь, наш союз выйдет таким же вечным. Ха-ха! Три огромные лампы на потолке символизируют три солнца Системы, а семь столиков – семь планет. Наш – кстати, самый большой в зале – это Ракулай. Присмотрись к узору на столешнице...

Далая демонстративно закатывает глаза. Незнакомец продолжает раздевать девушку взглядом. Полы его гладкого оливкового блейзера расходятся в виде перевернутой буквы “V”, едва доходя до солнечного сплетения. Телесная футболка из толстой грубой ткани в полумраке ресторана почти не различима. Кажется, что под блейзером незнакомец совершенно голый. Уверенный и открытый.

Из-под широкого ворота футболки выглядывает красно-черное полотно татуировки. Похоже на “Гибель цивилизации” Калия Тоссе, но Далая хотела бы увидеть работу целиком, прежде чем делать выводы.

Девушка бросает беглый взгляд на Карота. Тот все так же напыщенно о чем-то рассказывает, указывая в сторону соседних столиков. Неужели все еще об истории ресторана?!

– Извини, мне нужно отлучиться. – небрежно кидает Далая.

Девушка встает из-за стола и движется в сторону уборной. Проходя мимо незнакомца, слегка, будто бы случайно, касается ладонью его плеча. Украдкой смотрит назад...

Тот уверенно встречает взгляд. Далая подходит к двери. Кольцом касается интерфейсной панели. Короткий звуковой сигнал, слышимый только ей, и дверь открывается. Снова ждать...

...Двойной стук. Время ускорило. Сердце вскарабкалось куда-то в область шеи. В животе свело каждую мышцу. Дрожащей от нетерпения и страха рукой девушка открыла дверь, и незнакомец скользнул внутрь.

Робко дотронулся до ее открытого левого плеча. Медленно, едва касаясь кожи, провел пальцами вниз, к сгибу локтя, оставив на коже покалывающие, будто наэлектризованные, дорожки. Другая рука легла на косые мышцы ее живота, выглядывающего из-под черной асимметричной майки, и тело воспламенилось от жара шершавой ладони.

Далая жадно прильнула губами к губам. Незнакомец растегнул высокий воротник ее одноручной глянцевой куртки. Девушка попыталась изящно сбросить куртку на пол, но взмокшая от волнения кожа вцепилась в ткань. Серия нелов-

ких движений плечом едва не добила и так тающую с каждым мгновением уверенность в принятом решении.

В порыве раздражения Далая оттолкнула незнакомца. Тот замер, будто шивари перед прыжком, оставив добыче ровно столько пространства для маневра, чтобы она не поняла, что в ловушке.

Девушка, наконец, справилась с курткой, хотя вышло не слишком грациозно. Сгустившийся воздух холодным языком пробежался по коже освобожденной из плена руки.

Незнакомец стряхнул с себя блейзер, и тот, шурша, скатился по бархатной смугловатой коже. Далая притянула его за пояс, стянула с него дурацкую майку и улыбнулась: “Гибель цивилизации”. Никакая, даже самая строгая цензура, не сможет скрыть от нее правду.

Оранжевые всполохи взрывов. Летящие во все стороны обломки последнего корабля колонистов. Слепящее пятно Аэрдена ореолом вокруг затвердевшего левого соска. Ледяная чернота космоса вокруг, почти такая же черная, как его бездонные глаза.

Подхваченная руками, Далая взмыла в воздух, и все нутро, от неожиданности, устремилось вниз. Незнакомец усадил ее на раковину. Дошел руками до юбки...

Твою мать, ну что ты возишься?! Слегка подпрыгнув, девушка задрала юбку повыше. Его зрачки, и так едва различимые на фоне черной радужной оболочки, разлились до краев.

Далая отвела взгляд, уставилась поверх его плеча в беспристрастное зеркало, показывающее самую суть вещей, какой бы отвратительной она ни была. Незнакомец и знакомка. Ее рот приоткрылся, будто от недостатка кислорода. Черно-сиреневые пряди выбились из заплетенной на виске косы и разметались по лицу.

Волны напряжения одна за другой катились по его спине от краев к середине. Ударяясь друг о друга, устремлялись в стороны, вызывая сокращения рук и бедер. Завораживающе, но не ново.

Далая видела такое уже множество раз. Слышала шипение сбивчивого дыхания. Чувствовала липкое тепло, растекающееся по телу, и щекотливое предательство капельки пота, ползущей между грудей. И каждый раз ненавидела себя.

Каждый раз чувствовала себя виноватой и грязной, но надеялась таким образом сохранить контроль. Свобода – это всего лишь возможность делать себе больно по собственной воле. Тогда боль хотя бы становится терпимой.

Незнакомец издал сдавленный стон...

Удивительная штука – время. Оно кажется бесконечным, когда томишься в ожидании, и мимолетным, когда весело. Было волнительно, неуклюже, неловко, горячо, приятно и неправильно, и весь этот спектр уместился в какие-то десять... пять минут?

По ощущениям, не больше двух. Сложно сказать точнее: события в прошлом происходят одновременно. Возможно,

стоит довериться ощущениям. Возможно, кто-то слишком быстро кончает.

– Извини. – прошептал незнакомец.

Далая отпихнула его и поправила юбку. Почему-то на этот раз она не испытала ни разочарования, ни отвращения к себе. Помогла незнакомцу одеться, открыла дверь и вытолкнула наружу. Больше они никогда не увидятся.

Далая вышла из уборной. По мере приближения к Кароту время снова начало замедляться. Девушка бросила последний взгляд в сторону столика, где сидел незнакомец... Конечно, его уже не было.

– Мне кажется, ты не слишком заинтересована в продолжении.

– Интересно, с чего ты так решил? – безразлично спрашивает Далая, продолжая буравить взглядом пустое кресло за столиком незнакомца.

Высокий черноволосый мужчина средних лет отодвигает его для своей дамы. Та садится, стирая последнюю память о незнакомце, заставляя усомниться в реальности произошедшего.

– Если бы я был тупым, я бы не добился того... чего добился! – лицо Карота наливается краской, белки глаз разрезает паутинка сосудов. – Я распинаясь весь вечер, а все, чего мне удалось добиться – это пара сдавленных улыбок и закатанные глаза.

– Возможно, ты и не тупой, но в биологии разбираешься

отвратительно: ты трахаешь не ту часть моего тела. – Далая ухмыляется и наклоняется к Кароту.

Парень с ужасом отшатывается. В глазах мелькает смещение. Далая, теперь уже в роли шивари, а не добычи, с интересом наблюдает за ним. Встает и перегибается через столик. Слегка касается губами его уха и шепчет:

– Дело в том, что ты мерзкий самодовольный девственник, думающий лишь о том, куда бы пристроить свой крохотный член. Даже если я разденусь, ты не сможешь найти нужную дырку и так и продолжишь ковырять мне мозги через уши. Ума не приложу, как вероятность нашего совпадения могла быть столь высокой.

По щекам Карота, как от пощечины, разливается краска. На лбу набухает вена. Парализованный, он тарашится, как Далая откидывается на спинку и, уперев обе руки перед собой в кресло, медленно разводит ноги.

– Я создатель Нового Оракула! – взвизгивает Карот, и другие посетители поворачивают головы в его сторону. – Я подделал свой профиль, чтобы вероятность была выше.

Щелчок, будто кто-то снял видео с паузы. Карот потупил взгляд. Зрачки Далаи расширились. Какофония голосцены ускорила и действительно стала похожа на эмбиент.

– Почему ты молчал? – девушка коснулась его сжатой в кулак ладони.

Официант принес еду, и приятный аромат еще сильнее распалил аппетит. Даже ресторан перестал казаться душ-

ным. Невозможно представить живого официанта в местах, которые Далая могла себе позволить.

– Про то, что подделал профиль?.. Так кто же о таком расскажет...

– На это мне наплевать. Если подумать, это даже романтично. – девушка улыбнулась и, положив руку ему на подбородок, повернула лицо к себе. Заглянула в испуганные глаза. – Почему ты молчал про свою работу?

– Ну... я не думал, что такое может быть тебе интересно...

– А говоришь, что разузнал обо мне все. – Далая повернула кольцо и включила запись. Поднесла к губам бокал, окропив стекло сиреневатыми бликами собственных линз. – Приятно наконец найти точку соприкосновения.

Далая сбросила обувь и повела ногу вверх по штанине Карота, с интересом наблюдая за метаморфозами на его лице. Черные – ровно как и белые – полосы не могут длиться вечно. Едва ли не впервые в жизни Далае повезло.

Новенькая

Космическая станция.

Местоположение неизвестно.

Бесконечный черный коридор. Черные стены. Черный потолок. Тусклые редкие светильники, подвешенные по обе стороны коридора. Черный длинноворсовый ковер, жадно пожирающий звуки шагов.

Шани кралась, шаркая ногами, боясь провалиться в одну из теней между границами света. Кьяра остановилась и открыла дверь, и Шани, не успев вовремя заметить, воткнулась прямо в девушку.

– У нас с тобой будут проблемы, новенькая? – спросила Кьяра.

– Прости, глаза никак не привыкнут...

– Откуда ты там, с Ракулая? – голос Кьяры звучал безразлично, но Шани уловила скрытые в нем агрессивные нотки.

– С Ханварона...

– Голубые пески Ханварона, значит? Жаль, что я вряд ли смогу детально рассмотреть выражение твоего милого личика, когда ты увидишь свой кабинет.

Маленькая черная комната без единого окна. Большое мягкое кресло, обтянутое велюром, как ни странно – черное. Даже если бы окно и было, в него Шани увидела бы только

бездонное око космоса и далекие ледяные звезды. Возможно, вокруг одной из них вращается Ханварон с его розовыми бескрайними морями, голубыми песками и бирюзовыми скалами.

Теперь она нигде. В месте, которое не существует. В месте без координат. В месте, которое декорировал слепой дизайнер, родившийся от внебрачной связи шахтера и черной дыры. В месте, где нет запаха. Даже вездесущий гул двигателей, ощущаемый в любом месте станции, утробной вибрацией проходящий по костям, не в силах проникнуть в этот бастион одиночества. Совершенная тишина.

– Это правда мой кабинет?.. – прошептала Шани. Говорить громче не было смысла. Звук голоса – единственное напоминание, что она все еще жива.

– Нет. Мой. Твой в шезлонге на пляже возле Большого Розового моря. Скоро ты проснешься, и, наблюдая за парящими ниатами, примешься гадать, к чему тебе приснился этот странный сон.

Шани прикусила губу. Ни одного источника света внутри, коридор, по сравнению с комнатой, сиял ярче Квердена. Девушка подошла к креслу и провела рукой по спинке, ткань в ответ бархатным языком облизала бледную кожу.

– Почему здесь так мрачно?..

– Чтобы ты ни на что не отвлекалась. – раздраженно вздохнула Кьяра.

– Но три моих чувства еще работают.

– Осязание, слух и зрение? Когда я закрою дверь, останется два...

– Но если цель – сделать так, чтобы работники не отвлекались...

– Не перебивай. Скажи спасибо, что тебя не заставляют плавать в растворе, чтобы отключить осязание. Некоторые сходили от этого с ума.

– Почему?

– Создатель! Ну что ты, как ребенок, заладила со своими "почему"? Пораскинь мозгами. Я уже потратила на тебя слишком много времени.

Кьяра вышла из комнаты и хлопнула дверью, но звук не произвел нужного эффекта, запутался в обилии акустических тканей. Теперь Шани слышала лишь непрекращающийся шепот собственных мыслей. Поморщившись, девушка потерла рукой затылок: место установки импланта все еще саднило.

В голове загудело. От неожиданности Шани подпрыгнула, в воздухе всплыло окно входящего вызова, и только теперь девушка смогла рассмотреть лицо Кьяры.

Пепельные волосы немного ниже плеч, бледная кожа и жуткие белесые глаза.

Шани по старой привычке потянулась к кольцу, но нащупала на пальце только голую холодную кожу. Закатила глаза, но принять вызов вновь не удалось. Закатила еще раз, да так сильно, что мышцы резануло от боли... Ничего.

Дверь распахнулась. Казавшийся ранее тусклым, но теперь нестерпимо ослепительный свет из коридора хлынул в комнату, слезами кристаллизовался на щеках. Шани зажмурилась.

– Новенькая, ты почему не отвечаешь на звонок?! – на этот раз, чтобы почувствовать, что Кьяра раздражена, эмпатия не требовалась.

– Прости, я не знаю, как... – пролепетала Шани.

– Создатель! Ты что, не прошла калибровку?

– Калибровку?..

– От тебя слишком много проблем. – вздохнула Кьяра, – Скажи: «Оки, запусти калибровку импланта» и следуй инструкциям.

– Спасибо...

– Как закончишь, набери меня. Я добавлю тебя в конференцию.

– Хорошо, только... как тебя набрать? – прошептала Шани, понурив голову.

– Ты издеваешься? – Кьяра картинно всплеснула руками, и две гигантские тени, две голодные птицы, ворвались в комнату, готовые разорвать Шани на куски.

– Я всю жизнь пользовалась линзами, но при переводе меня заставили установить имплант...

– Мне слышалось, что ты прилетела с Ханварона. – грустно хмыкнула Кьяра.

– Так и есть.

– Уверена?

– В смысле?

– Если ты прилетела не с Дамарака, то оправдания выглядят жалкими. Позвонить мне – твое первое задание. Создатель, это даже звучит по-идиотски!

Кьяра ушла, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

– Оки, запусти калибровку импланта, – пробормотала Шани.

– Калибровка импланта, – раздался в голове приятный женский голос, – Медленно поднимите глаза вверх до упора, затем четко произнесите: “Оки, следующий шаг”.

Пришлось повторить операцию четыре раза, поочередно скосить глаза в каждую сторону. Затем Оки попросила повторить весь цикл снова, чтобы закрепить результат.

– Отлично. Теперь выберите поверхность тела, которая будет служить манипулятором для ввода тактильных сигналов.

– Чего?

– Хотите узнать подробнее, что такое манипулятор для ввода тактильных сигналов?

– Ну конечно! – воскликнула Шани, и, сбавив голос, пробормотала – Откуда я вообще должна об этом знать.

– Прошу прощения. К сожалению, я не являюсь пол-

ноценным искусственным интеллектом, поэтому плохо понимаю ваши замечания, – безэмоционально протараторила Оки, – Наличие высокоразвитого искусственного интеллекта в импланте плохо сказывается на психическом здоровье носителя.

Шани театрально закатила глаза.

– Вы хотите прервать калибровку?

– Создатель! Нет! Расскажи про манипулятор.

– Манипулятор для ввода тактильных сигналов – это область на теле, которая станет интерфейсом для взаимодействия с имплантом. Правши, как правило, выбирают внутреннюю поверхность левого предплечья. Левши...

– Повезло, что я правша. Не придется мучиться с выбором.

– Я вас не понимаю. Проведите пальцами по коже на выбранном участке.

Шани нервно затарабанила пальцами по предплечью. Даже в абсолютной тишине, в кромешной тьме, через две плотно закрытые двери, девушка чувствовала нарастающее раздражение Кьяры. Закончив, с облегчением выдохнула: на-верное, все.

– Отлично. Мы почти закончили. Теперь я буду называть слова, а вы должны как можно четче их повторять. Начнем, как будете готовы.

Шани чуть было снова не закатила глаза, но в последний момент сдержалась. Проведя пальцами по предплечью, де-

вушка перешла к следующему этапу.

Слов оказалось около пятидесяти, но на этом калибровка, слава Создателю, закончилась. По словам Оки, имплант понимает не только голосовые, но и мысленные команды, если произносить их про себя четко и громко. Оставалась только одна проблема.

– Оки, свяжись с Кьярой! – мысленно крикнула Шани.

– Пожалуйста, уточните запрос. На станции проживает несколько человек с таким именем.

– Тогда, с ближайшей Кьярой...

Перед глазами всплыло окно исходящего вызова. Раздраженный взгляд начальницы вырвался из воспоминаний, ударил в мысленный барьер Шани, запустил по нему паутину мелких трещин. Тревога вырвалась из-под контроля.

– Шани Золтар? Мы с вами знакомы? – Спросил усталый голос в голове.

– Простите, я, наверное, ошиблась... – пробормотала Шани. – Должно быть, вы не та Кьяра.

– Насколько мне известно, я единственная.

– Но как же, мне нужна...

– А, Кьяра Гилар? Глава палачей?! – взвизгнула девушка, пожалуй, слишком заинтересовано для такой банальной ситуации.

– Палачей?

– Ну, из отдела обвинителей!

– Да, мне нужна она! – обрадовалась Шани.

– Так бы сразу и сказали! Это этажом выше.

Вызов шел мучительно долго. С каждым мгновением живот все сильнее закручивало в спираль. Чувства в депривационной комнате обострялись до предела, Шани не удавалось отвлечься ни на что, кроме нескончаемого волнения. Время застыло...

– Я смотрю, ты не сильно торопилась. – заметила Кьяра.

– Прости, я...

– Команда, это Шани Золтар. Она прилетела с... – Кьяра запнулась, но сделала это так топорно, что Шани ощутила легкий привкус фальши даже не видя лица. – Неважно, откуда. Она прилетела в никуда, и главное – непонятно зачем, но, так решил Оракул,. Кто мы такие, чтобы осуждать его выбор?

– Добро пожаловать на худшую работу на свете. – высокий мужской голос, если верить импланту, принадлежал Игану Нину. – Надеюсь, ты такой же эмоциональный инвалид, как Кьяра. С нормальным уровнем эмпатии здесь долго не протянуть.

– Не надо делать из меня монстра. Я просто выполняю свою работу, – пробурчала Кьяра, – Советую и вам этим заняться.

Ни голопроекций, ни видео, ни даже фотографий. Сложно

улавливать смысл, когда не видишь собеседников. Сложно считывать эмоции, даже если ты эмпатка. Такой теперь будет жизнь?

Губы задрожали. Глаза защипало. Шани прикрыла их, чтобы сдержать подступающие слезы, но через пару мгновений уже не могла понять, опущены ли веки. В темноте не было никакой разницы.

– У меня еще нет задач... – пробормотала девушка.

– Какая инициативная. – хмыкнул Иган. – У меня есть для тебя кое-что: девушка, двадцать лет, родилась на Лодилане...

– Ну сколько можно? Своди ее в “Три солнца”, закажи коктейли, приведи домой и хорошенько трахни. Из списка можно убрать все, кроме последнего пункта. Повторяй раз в несколько дней по мере необходимости, и проблема решится сама собой, – в разговор вмешалась Ора, последний член команды.

– Ваши версии я уже слышал. Мне нужно мнение со стороны. В общем, на Лодилане эта девушка встретила идеального парня, – Кьяра фыркнула, но Иган продолжил, будто ничего не заметил: – Втрескалась по уши и махнула за ним в никуда. Теперь самый лучший парень занят самой худшей работой, а самая веселая девушка – самой унылой. Они почти не видятся, а когда все же накатываются друг на друга, бессонно ворочаясь в постели, девушка жалуется, что ей скучно, что на станции нет развлечений...

– Нет развлечений? – спросила Кьяра. – “Черное море Шивартана”, “Голубые пески Ханварона”...

– Никогда не думала сменить сферу деятельности? – перебила Ора. В ее голосе напрочь отсутствовали эмоции, и от этого становилось еще неуютнее. – Устроиться в бар? В коктейлях ты разбираешься лучше, чем в людях.

– Таблица раскрываемости с тобой не согласится. К тому же, здесь поет только Иган, а в баре придется пропускать сквозь себя по сотне историй за день.

– Если бы это были рюмки, ты бы согласилась пропускать по сотне в минуту. – усмехнулся Иган. – Странно, что в честь тебя до сих пор не назвали коктейль. “Цирроз печени”, например. Твой роман с алкоголем – самые крепкие и гармоничные отношения, которые я знаю, но, к сожалению, из общего у вас с моей Кьярой только имя.

– Твоя девушка – Кьяра, которая работает этажом ниже? – удивилась Шани.

– Вы знакомы? Теперь я возлагаю на тебя большие надежды.

– Первый рабочий день, и уже такая ответственность... А чего хочешь ты?

– Чтобы она была счастлива.

– Этого ты хочешь для нее. А чего ты хочешь для себя? Ты не обязан ее развлекать. У тебя есть хобби?

– Хобби? – фыркнула Кьяра, – Милая, единственное хобби здесь – найти свой способ сбежать от реальности.

– Найди что-то, что будет интересно вам обоим, – продолжила Шани. – Какие-то точки соприкосновения.

– Помимо постели? – хмыкнул Иган. – Совет, в котором отсутствует бар – это так необычно.

– В моем совете бар можно было убрать. – сказала Ора.

– Спасибо, Шани, я подумаю.

Шани улыбнулась. Непринужденная атмосфера помогла немного расслабиться, поверить, что все не так ужасно, но внезапный звуковой сигнал вернул тревогу. Перед глазами появились два досье.

– Шани, ты получила? – спросил Иган.

– Что это? – выпалила девушка.

– Не пробовала разузнать хоть что-нибудь о том, чем предстоит заниматься, прежде чем свалиться нам на голову? – вклинилась Кьяра.

– Не обращай внимания, – сказала Ора. – Кьяра бесится, что одного Игана ей больше недостаточно. Надеюсь, ты приклеишь к верному лагерю.

Входящее сообщение от Оры. Таблица с тремя колонками: “Кьяра: тридцать восемь”, “Иган: тридцать пять” и “Ора: тридцать” с десятками имен в каждой.

– Пора уже сделать вот так, – продолжила Ора, и рядом с “Ора: тридцать” появилась колонка с заголовком: “Шани: ноль”. – Это таблица лидеров за месяц. Мы выбираем, кто из вариантов, предложенных Оракулом, больше подходит на роль преступника, и, если после нашего решения полиция

находит доказательства вины, заносим имя преступника в колонку к тому, кто согласился с выбором.

– Нужно выбрать из двух пришедших досье?

– На удивление проницательна. – хмыкнула Кьяра.

– Можешь пока отключить звук. Когда все сделают выбор – начнем обсуждение. – с улыбкой в голосе сказал Иган.

Стало тихо настолько, что Шани ощутила учащенное биение собственного сердца. Теперь у нее забрали слух.

Кожа привыкла к велюру, стала с ним одним целым. Девушка поерзала в кресле, чтобы удостовериться, что все еще жива, все еще существует. Ноздри защекотал сернистый запах пота. Два чувства из пяти. Так просто ее не стереть.

Шани вернулась к досье. Имена скрыты. Номер один: мужчина, двадцать три года. Работает в обеспечении наземного отделения ракулайского космопорта. Огненно-рыжие волосы и яростное пламя в светло-карих глазах, но во враждебном взгляде исподлобья есть что-то... напускное, фальшивое. Глубокая неуверенность в себе. Боится, что раскроют?

Нет. Это неудовлетворенность от бессмысленности работы. Он хотел бы добиться большего.

Встречался с девушкой, арестованной за членство в “Сопротивлении”, но Номер один слишком не уверен в себе. Слишком труслив. Шани достаточно взгляда, чтобы понять это.

Номер два. Мужчина, тридцать девять лет. Таможенник в

наземном отделении ракулайского космопорта. Работает там же, где и Номер один. Всего тридцать девять, но жизнь его не пощадила: лицо болезненно-землистого цвета обвисло и осунулось, плечи поникли, будто он слишком долго пробыл в невесомости, и даже гравитация стала для него невыносима.

Огромные, иссиня-черные синяки вокруг серых бесцветных глаз, кажущихся слишком маленькими. Глубокие каньоны морщин на лбу – отпечаток когтистой лапы прошлого. Номер два кажется слишком замученным, слишком безжизненным, чтобы решиться на нечто незаконное.

Работает таможенником девятнадцать лет: пятнадцать на Наулае и вот уже четыре года на Ракулае. Больше никаких фактов. Почему Оракул вообще выбрал его? Шани запросила малозначимые подробности.

Был женат пятнадцать лет, по всей видимости, переехал после разрыва. Шани нашла и открыла досье жены. Работала химиком на заводе по производству ядерного топлива на Наулае. Умерла пять лет назад. Несколько видео в истории семейных ссор. Шани запустила первое.

Просторная комната, чистая, но практически без декора. Белые стены. Пол цвета черного дерева. Серый диван, обтянутый грубой тканью крупного плетения. Молодая девушка, лет двадцати пяти, сидит на диване. Длинные черные волосы водопадом бьются о тонкие хрупкие плечи. Закрытая поза: руки сомкнуты на груди, носки направлены внутрь.

– Пожалуйста, не заставляй меня выбирать между тобой

и работой! – сквозь слезы выдавливает она.

– Тай, милая, Ракулай – самая развитая планета в Системе. Неужели ты думаешь, что там не найдется работы для тебя? – спрашивает чей-то голос. Шани бросает взгляд в нижний правый угол: видео с камеры в линзах Номера два.

– Мне не нужна другая работа! Здесь я чувствую себя частью чего-то большего... Здесь мои друзья, моя семья... Я не могу бросить их, чтобы... – Тай всхлипывает и закрывает лицо руками. Конец фразы тонет в слезах.

– Чтобы что?! Чтобы остаться в живых? Сколько из твоих коллег дожили хотя бы до сорока?

– Компания оплачивает лечение всем сотрудникам. Это прописано контракте!

– Я спросил не об этом.

Другие записи имели примерно такое же содержание: Номер два уговаривает Тай переехать, но та находит все новые и новые причины, чтобы остаться. Шани открыла последнюю.

Комната с белыми стенами, но пол на этот раз тоже белый. Глаза режет от белизны. Никакого декора, лишь узкая койка возле одной из стен, и тумба у изголовья, на которой расположился одинокий графин с синими цветами. Кажется, криолетами.

Тай лежит в койке. Плотные закрытые глаза тонут в черных лужах синяков, от густых волос не осталось и следа. Вокруг головы повязан белый платок. Черты лица истончились и обострились, кожа испещрена паутиной мелких морщин.

Номер два неподвижно смотрит в пустоту поверх койки, вцепившись в иссохшую ладонь жены. Кажется, что жизнь покинула и его. Криолеты в графине – единственная форма жизни в палате.

– Ты обещала, что тебя вылечат... Не просто оплатят лечение... Вылечат... – бормочет он, – Это есть в твоём контракте... Компания должна соблюдать условия контракта... Компания должна соблюдать...

Шани выключила запись, закрыла лицо руками и громко, не сдерживаясь, разрыдалась. Единственный плюс звукоизолированных комнат в том, что коллеги не увидят и не услышат ее такой в первый рабочий день.

Слезы водопадом хлестали по щекам, изо рта, сквозь плотно сжатые губы, ломился крик. Шани взглянула на себя со стороны, пытаясь, как учили, отделить свои эмоции от эмоций Номера два.

Спустя вечность девушке удалось. Меланхолия схлынула, будто перекрыли кран, осталось только опустошение. Тяжело вздохнув, девушка вернулась в конференцию.

– Трое за Номер один. Новенькую можно не ждать, – сказала Кьяра.

– Номер два... – пробормотала Шани, стараясь сохранить голос спокойным, но тот предательски дрогнул к концу фразы.

– Ты рехнулась или у тебя проблема с цифрами?

– Ну хватит уже. – сказала Ора. – Почему номер два?

Шани всхлипнула, но взяла себя в руки. Первое дело, а она уже чувствовала себя полностью разбитой.

– Мне кажется, что, номер один слишком труслив, чтобы быть в чем-то замешанным.

– Как ты это поняла? – недоуменно спросил Иган.

– По взгляду...

– По взгляду? Издеваешься? Он молод. Встречался с участницей “Сопrotивления”... – Кьяра запнулась, подавившись возмущением, – Номер два похож на труп. Оракул не выдал про него ни единого толкового факта...

– Ты не смотрела подробное досье? – на этот раз Шани решила перейти в наступление, и, удовлетворенная наступившим молчанием, в особенности немотой Кьяры, продолжила: – Он винит систему в смерти жены.

Шани затихла, превратилась в слух. Лихорадочное шуршание в голове напомнило, как приятно молчать и слушать. Слышать. Шорох, легонько щекочущий барабанные перепонки, напоминал о летнем дожде. Отчаянно захотелось снова почувствовать его запах, освежающую прохладу капель на лице...

– Компания оплатила лечение. Если он и винит кого-то, то Тай за то, что не послушала, и себя за то, что был недостаточно убедителен. – Кьяра первой нарушила тишину.

– Тай сама приняла решение остаться, – подтвердил Иган.

– Вы ждете от человека, потерявшего жену, рациональных поступков?! Если бы люди поступали рационально, Оракул

отлично справлялся бы без нашей помощи! – воскликнула Шани.

– Как быстро ты стала экспертом. – хмыкнула Кьяра. – Только что даже не знала, чем предстоит заниматься.

– У тебя есть еще доводы? – спросила Ора.

– Вы смотрели последнее видео? – пролепетала Шани.

И снова спасительная тишина. Девушка устала от нападков Кьяры, но у начальницы самый высокий процент раскрываемости. Возможно, стоит все-таки прислушаться к ее мнению?

– Я меняю решение, – вздохнул Иган.

– Издеваешься? Это самое очевидное дело из всех, что у нас было. – возмутилась Кьяра. – Значит, двое против двух. Покопаемся еще часик, а затем – переголосуем.

– Я кое-что нашла. – сказала Ора.

Входящее сообщение. Видео с линз Номера два, снято три года назад. Номер два и Номер один сидят в кафе и о чем-то непринужденно болтают. Номер один опасно озирается, проверяет правый карман своей куртки и что-то достает. Мужчины жмут руки, и Номер один, подмигнув правым глазом, уходит.

Две минуты бездействия, но Шани перестала дышать. Номер два разжимает ладонь, и, спохватившись, снова сжимает пальцы в кулак. Девушка успевает заметить в руке клочок бумаги...

Видео прерывается.

– Мы можем узнать, что там написано? – спросила Шани, чувствуя, что от стресса уже не получается усидеть на месте.

– Он выключил линзы, – ответила Ора. – Если предположить, что это инициация, я бы выбрала обоих.

– Во-первых, это видео вообще ничего не доказывает. Во-вторых, мы никогда еще так не делали. – раздраженно заметила Кьяра. – Вы пытаетесь усидеть на двух стульях. Хотя бы примите ответственность за собственное решение.

– Тогда я тоже меняю. Номер два. – сказала Ора.

– Иган?

– Номер два, я же сказал.

– Значит, трое против одной? По крайней мере, баллы вы не наберете. Надо бы начать отнимать их за ошибки. Я фиксирую выбор...

– Подожди! – жалобно воскликнула Шани. – Вдруг мы упустили что-то еще?..

– Поздно. Его зовут Харон Церра.

– И что с ним теперь будет?..

Вырвавшийся с Дамарака

Центральный городской парк.

Нантан, Ракулай.

– Какая же ты все-таки сука! – воскликнула Мала.

– Поймана с поличным! – Далая вскинула руки вверх, изображая, что сдается, вот только Мала не могла этого увидеть. Голосканер остался дома.

Ветер поднял с земли бирюзовые листья и протащил сквозь голограмму подруги, пробежался выхваченными из прически волосами по щеке Далаи, разжигая тактильный голод. Рассвело несколько часов назад, но вокруг не было ни души.

Всюду копошились дроны – маленькие шестеренки огромного Наулая, шелестели лопастями, шуршали колесами... Далая предпочитала людей.

Под куполами Дамарака никогда не было одиноко. Люди рассыпались по коридорам, растекались по ответвлениям, смешивались, и в потоках образовывались завихрения, всюду журчали голоса и пенился веселый смех...

– Как тебе мое новое платье?

Далая бросила взгляд на подругу. Ничего особенного: черное, со свободным, минималистичным кроем и принтом во всю спину.

– Зачем оно тебе? Когда в последний раз ты выбиралась из дома? – усмехнулась Дала.

– Поэтому я надела виртуальное и не выгляжу при этом как дура.

– Я бы поспорила.

Голограмма сглаживала артефакты и искажения, присутствующие в виртуальной одежде в реальности, но даже окажись платье материальным, оно бы так и осталось идиотским.

– Это Дюро. – Мала повернулась спиной и большими пальцами указала на принт.

– Я вижу.

– И ничего не скажешь?

Далая не знала название картины, и даже немного гордилась этим фактом, но полотно мало чем отличалось от других работ Дюро. Вздохнув, девушка уставилась на гудящий водопад на другом конце парка. На пенящейся поверхности искрились оранжевые лучи Аэрдена, дразнились, напоминая, что Далае не с кем разделить настоящую красоту.

– Не понимаю всеобщий ажиотаж. – сказала Далая. – Сколько ты за него отвалила?

– Тысячу.

– За виртуальное?! Ты чокнулась?

– Это Дюро-о! – пропела Мала.

– В таком случае, поздравляю. Наверное, я просто ничего не понимаю в искусстве.

– Не нужно быть поваром, чтобы оценить, как сексуально

оно на мне сидит.

– Гораздо сексуальнее оно будет смотреться скомканным на полу, когда ты, наконец, его снимешь.

– Сексуальнее мне не стать, это уже Дюро. Я теперь никогда не сниму это платье. – усмехнулась Мала.

– Слава Создателю, что платье виртуальное. Когда мы, наконец, увидимся, ты не решишься его надеть.

Мала рассмеялась и продолжила возбужденно о чем-то щебетать, но Далая уже не вслушивалась. Внимание, как и всегда, захватила “Лестница в небо”. Этажи, смещенные друг относительно друга, как ступени. Гигантские квартиры во весь этаж. Балконы, с видом на парк и водопад, засаженные редкими видами растений. “Лестница” была мечтой Далаи, тем, ради чего девушка рванула на Ракулай, но вблизи мечты зачастую разочаровывают.

Разросшиеся растения спрятались друг за друга, стыдясь собственной пошлости. Даже свет вряд ли способен прорваться сквозь насаждения, оставленный без присмотра человека дом присвоила природа. Возможно, сады на балконах – это попытка владельцев скрыть от мира свое состояние, но в парке никогда не бываетлюдно. Не слишком ли много внимания к скромной персоне Далаи, живущей в крохотной халупе в двух часах от Нантана?

– Опять ты ушла в себя?! – воскликнула Мала. – Если на свиданиях ты ведешь себя так же, то понятно, почему у тебя не клеится. Мужчин нужно слушать.

– Странно слышать советы от той, кто не выходит из дома, – хмыкнула Далая.

– Это не значит, что у меня нет отношений! Вот о чем вы говорили?

– В основном о нем. Обсудили его работу. Я прокомментировала его крохотный член...

– Я про того, который пригласил тебя на свидание.

– Я тоже.

– Это многое объясняет. – рассмеялась Мала. – Это случилось до или после еды? Стой, не отвечай! Я тебя знаю. Ты сорвалась еще до того, как села за стол. Мало того, что весь секс в моей жизни – это твои истории, так ты еще и вечно голодаешь, вынуждая меня чувствовать себя жирной!

– Так попробуй его поискать.

– Кого, секс? Думаешь, я не пробовала? Я написала заявление о краже, надеялась, что пришлют пару человек, чтобы осмотреть место преступления, разделась, даже обвязалась красной ленточкой, но, оказалось, что сейчас все заявления рассматриваются Оракулом!

– Дам подсказку: его нет в твоей квартире! – хихикнула Далая.

– Ты не сильно сузила зону поиска: моя квартира – единственное место в Системе, где его точно нет.

Далая рассмеялась и вскинула руку в сторону Малы, чтобы обнять, но ладонь прошла сквозь голограмму. Жуткое зрелище. Сложно назвать другом человека, до которого

нельзя дотронуться. По крайней мере, с Малой всегда можно было поделиться чем угодно, и подруга никогда всерьез не осуждала.

– Кажется, я нашла свой сюжет. Этот Карот...

– Карот – это тот, который красавчик, или тот, который слепой? – ехидно спросила Мала.

– Который остался и накормил меня чудесным ужином.

– После комментария о размере его прибора? Он еще и глухой? Идеальный партнер для тебя!

– Очень смешно. Он работает на “Денорен” и участвовал в разработке нового Оракула.

– Наш разговор свернул не туда. – обеспокоено пробормотала Мала. – Можешь хотя бы говорить невнятно?

– Не думаю, что это поможет. Ты уже соучастник! – заговорщически прошептала Далая.

– Теперь правда не смешно. Я тебя не слушаю, отключаюсь...

– “Денорен” собирают информацию о мозге тех, кто перешел на импланты, и используют ее для повышения точности Оракула.

– И все? Дала, это известно каждому перешедшему и каждому, кто только собирается перейти. Явно не та информация, за которую стоит трахаться. Но дело, конечно, твое.

– Плевать, что с каждой секундой нам оставляют все меньше свободы?! — воскликнула Далая и смущенно посмотрела по сторонам. Разумеется, никто не услышал.

– Опять ты за свое! На кой черт нужна эта свобода? Ты вышла из Системы, и что это дало?! Голую халупу на окраине и вечные жалобы на нищету. Хватаешься за каждый член, как за палочку-выручалочку...

– Я сама приняла решение! У меня был этот выбор. Буквально пятнадцать лет назад у некоторых не было даже его.

– Я тебя умоляю! Все разговоры лишь об одном: я бедная и несчастная, пожалейте меня: злая компания украла мое детство. У твоей матери был выбор, но она не могла больше слушать твое вечное нытье и выбрала... – Мала запнулась и резко замолчала. – Извини, не знаю, что на меня...

– Иди к черту! – Далая резко закатила глаза, чтобы прервать вызов.

Одиночество мертвой хваткой вцепилось в душу и потянуло на дно. Недовольный гул водопада, ранее заглушаемый мягким голосом подруги, полностью завладел слухом. Превратил мысли в вязкий кисель.

От непрекращающегося методичного скрежета дронов прикосновений захотелось как никогда отчаянно. Девушка закрыла глаза, вспомнила горячие шероховатые ладони на бедрах, невесомость шелковых волос и свой отсутствующий взгляд. Выбор, который сделала сама. Выбор, который есть не у каждого. Выбирай, или выберут за тебя.

Далая раздраженно отмахнулась от воспоминания и открыла ленту новостей.

– Тебе одиноко? Оставь линзы для своей бабушки. – Сим-

патичный рыжеволосый мужчина раскрывает ладонь и протягивает имплант, Далая пытается дотронуться, но рука, как и всегда, проходит насквозь. – С имплантом “Тассин” ты больше никогда не будешь одна. В отличие от линз, он способен передавать тактильные ощущения и даже некоторые запахи! Попробуй и получи полный спектр эмоций от общения, не выходя из дома!

Далая улыбнулась. И правда, для того, чтобы читать мысли новый Оракул не нужен. Девушка так и не установила имплант, но корпорации уже знают о ней все. Двинув глазами влево Далая перешла к следующей новости.

Снова реклама, но внимание привлекла пролетевшая бегущая строка: Мавар Лодия в очередной раз выиграл выборы в Верховную Ассамблею от Дамарака. Светло-серые, почти прозрачные буквы, новость, даже не пытающаяся показаться значительной, вставленная лишь для того, чтобы соблюсти формальности.

Как только Далая улетела, даже ей перестало быть интересно, что происходит на родине. В Системе не было более жалкого места. Непонятно только, каким образом скользкому тантару удастся удерживаться у власти после стольких восстаний? Далая до дрожи сжала кулаки.

– Харон Церра, член террористической организации "Сопротивление", уничтожен сегодня утром в Нантане.

Сердце екнуло. Отчего-то стало вдруг очень больно. Далая задержала взгляд на новости, и пустоту окружающего

парка заволокла, с каждой секундой становясь все насыщеннее, голограмма ракулайского космопорта. Люди в оранжево-черной полицейской форме замельтешили перед глазами, не давая ничего рассмотреть.

Высокий голос журналистки продолжил репортаж, но Далая перестала слушать. Ветер прошелестел бирюзовыми кронами лаоров и заботливо слизал со лба выступившую испарину, пощекотал две мокрые дорожки под глазами.

Девушку охватило смятение, никак не удавалось взять себя в руки. Реакция собственного тела оказалась совершенно неожиданной. Далая никогда раньше не слышала о Хароне Церра, но обычный террорист для всего мира, он вдруг показался самым близким человеком в Системе.

Далая видела космопорт лишь однажды, когда двигалась к новой счастливой жизни независимой столичной журналистки. Наивная малолетка. От желания вернуться в прошлое и придушить ее свело скулы.

Даже одного глотка свободы достаточно, чтобы раб ощутил тягу к жизни и начал бороться, но борьба не имеет смысла, если шансы на победу стремятся к нулю. Оракул предугадывает каждый шаг. Как можно сражаться, если противник видит тебя насквозь?

В итоге большинству достаточно иллюзии выбора, жалкого огрызка свободы. Возможности выйти из Системы и делать все, что заблагорассудится, но лишиться квартиры, пособия и бесплатной медицины. И, выбирая из двух зол, они

получают профессию, которую выбрал Оракул. Живут жизнью, которую выбрал Оракул. И называют Харона Церра террористом. Теперь восстания случаются лишь на Дамараке.

Раньше аресты происходили раз в полгода, если не реже, но это уже четвертый за месяц! Неужели Новый Оракул настолько эффективнее? Карот сказал, что без имплантов новая версия ничем не отличается от старой. Неужели агенты “Соппротивления” могут в здравом уме пойти на установку? Если только имплантация не является обязательным требованием при приеме на работу.

Далая обхватила свое кольцо двумя пальцами и принялась вращать вперед-назад, набирая поисковый запрос: “Новый Оракул”. Всего один результат, но девушка боялась, что не найдется вообще ничего.

– Новая версия Оракула. Кому и зачем это нужно? С вами Орфан, и сегодня мы во всем разберемся.

Напряженная музыка. По смазливому лицу Орфана стекает фальшивая гипер-реалистичная слеза.

– Создатель Нового Оракула, Карот Аэртан, расскажет о событиях своего детства, натолкнувших его на, казалось бы, абсурдную идею: нынешняя система несовершенна. Событиях, которые не оставят равнодушным никого.

Мелкие глазенки. Самодовольный оскал на гигантском лице. Далая вздохнула и приготовилась к очередной занудной истории.

– Выскажу непопулярное мнение: даже Оракул ошибает-

ся. Иногда его ошибки ломают жизни.

Карот корчит неумелую кислую гримасу. Соглашаться с ним противно, но Далая прекрасно знает цену решениям Оракула.

– Долгие годы я был одержим идеей сделать Оракул совершенным, хотя и понимал, что полностью избежать ошибок невозможно. Когда сталкиваются интересы разных людей, приходится идти на компромиссы. Решения Оракула должны одновременно учитывать как способности человека, так и нужды корпораций, которые не всегда совпадают. Забегая вперед, скажу: у меня получилось сделать Оракул намного точнее!

Уголки губ Карота стремятся вверх, обнажая оба ряда зубов. Далая чувствует, как закипает раздражение от напыщенности и неприкрытого высокомерия.

– Я родом с Дамарака. Для тех, кто там не был, а я уверен, что таких большинство, ведь обычно с Дамарака не выбираются, ха-ха!

Далая с трудом сдерживается, чтобы не закатить глаза, но от этого жеста видео прервется.

– Дамарак – это... Как бы точнее выразиться... Представьте серый пыльный булыжник вдали от цивилизации, настолько бесполезный и жалкий, что на него не ступала и никогда не ступит нога нормального человека. Нормальный человек побрезгует даже пнуть этот камень. Представили? По сравнению с Дамараком этот булыжник – настоящий брилл-

лиант, ха-ха!

Урод. Далая сжимает кулаки. Границы журналистики давно размыты, нет ничего зазорного в публикации фейков и непроверенной информации, хоть Далая и не одобряет такой подход, но ложь – это тоже искусство. Разница между откровенным бредом и ложью в том, что ложь хотя бы отдаленно похожа на правду. Красивая ложь оставляет пространство для сомнений.

Сиреневый цветок гейзера, высотой насколько хватает глаз, как по часам, оповещает о начале нового дня. Сквозь синеватое стекло купола подмигивают далекие звезды. Далая играет в парке, вокруг смеются люди...

– Жуткое место! Несколько унылых шахтерских городков и бескрайняя серая пустыня между. Непроглядно черное давящее небо... – Карот качает головой, но его глаза продолжают улыбаться. – Когда моей матери было семь, она, как и все, прошла профориентацию... Оракул признал ее непригодной для “высших” профессий и ее образование было прекращено. Так мою мать распределили в одну из шахт...

Карот многозначительно вздыхает. Далая практически ненавидит себя за эмпатию, но история до боли знакома. Классический сюжет для Дамарака.

– Помню, как день за днем тускнел ее взгляд... Мать старалась держать все внутри, ничего не показывать, но мы с отцом видели, как ее угнетает работа. Когда из-за депрессии она уже с трудом вставала с кровати, компания направила

ее к психологу... – Карот вздыхает и выдерживает неуместную паузу. С каждым словом история становится все знакомее. – К одному из этих элитных психологов откуда-то с Ракулая, Шивартана или, может быть, Ханварона. Но как может гражданин первых колоний понять проблемы простого шахтера из захолустной дыры?! Встречи не помогали. Мама нашла психолога недалеко от дома, которого могла бы посещать лично...

Карот замолкает. Трет глаза, но они настолько сухие, что Далая практически слышит скрежет от трения. Карот пытается всхлипнуть, но вырывающийся звук больше похож на хрюканье, на омерзительную жестокую насмешку. Далая со злости лупит по скамье...

– Простите... Мне сложно вспоминать об этом. Я помню день, когда мать вернулась домой после встречи с новым психологом. Помню мельком скользнувший по мне пустой взгляд, не выражающий абсолютно ничего... Мне было всего шесть, но по глазам я понял, что мама мертва. Я разглядел синяки, которые она старательно прятала в рукавах. На щеке пылало пламя пятна от ладони, такое пестрое... Мать зашла в ванную и долго не выходила. Когда приехала скорая... Если бы я позвонил отцу немного раньше... Я постоянно думаю об этом...

Чертов ублюдок! Далая затряслась и смахнула видео глазами, закричала, больше не сдерживаясь и не боясь оказаться услышанной. Вскочила со скамьи и принялась расхажи-

вать вокруг, пытаюсь взять себя в руки.

Мысли спутались. Глаза горели, но не от слез. От всепоглощающей ярости.

Остановившись, Далая открыла список контактов и нашла Карота. Голограмма выросла из воздуха прямо напротив, такая реалистичная, что отчаянно захотелось двинуть ему по роже.

– Не ожидал, что позвонишь. – Карот улыбнулся, но улыбка в свете последних событий подозрительно напоминала оскал. Мелкие желтые зубы внушали лишь отвращение, человек его положения не может позволить себе ходить с такими ужасными зубами.

– Посмотрела тут одно интервью с тобой...

– Какое из? – хмыкнул Карот. – В последнее время я довольно знаменит! Думаю нанять миленькую помощницу, которая будет отвечать звонки. Могу придержать это место для тебя, ха-ха!

– Лучше бы ты придержал язык за зубами, вот только они прогнили настолько, что язык постоянно вываливается, да? Могу помочь: как только мне удастся отыскать твой крохотный член, я сразу же затолкаю его в твою поганую глотку, чтобы ни один звук больше не вырвался...

– А, это интервью... – Карот ссутулился и сделал шаг назад. Голограмма прошла сквозь лавку напротив, застряв в текстуре. – Понимаешь, оно было еще до знакомства с тобой...

– Это должно меня волновать?! – крик Далаи утонул в негодовании водопада.

– Прости... – Карот отступил еще на шаг. – Меня так зацепила эта история... Она здорово подходила для интервью... Хочешь, я дам интервью и тебе?..

– Зацепила? Тебя зацепила эта история?! Пустоголовый, самодовольный...

Далая замолчала и сделала несколько глубоких вдохов. Прошрое не изменить. От прошлого не убежать. Всю свою жизнь Далая стремилась взять под контроль будущее.

– ...Хочу пропуск в “Денорен” и эксклюзивные права на сбор материала и репортаж о Новом Оракуле.

– Дала, ты просишь невозможное! Я уже и так сболтнул лишнего. Пропуск организовать я, наверное, смогу, но...

– О, ты действительно сболтнул лишнего! Повезло, что пока о твоём секрете знаю только я. Представь, что случилось бы с твоей репутацией, если бы правда вдруг открылась. Я, все-таки, журналистка. Раскрывать правду – моя работа. Искренне, для твоего же блага, надеюсь, что с тобой моя карьера пойдет в гору.

– Ты не посмеешь... – прошептал Карот. – Если ты все расскажешь...

– То что?! Давай, подумай еще немного! Кажется, я слышу натужный скрежет шестеренок в твоей тупой башке.

Карот засопел, дыхание стало таким напряженным и громким, что смогло пробиться сквозь шум водопада. Лицо

залилось краской. Ноздри расширились. На лбу проступила вена.

– Ты свободна завтра утром?.. – дрожащим голосом спросил он.

Миссия Три Дня

База Безликих.

Местоположение неизвестно.

– Какого хрена вы там устроили?! – Август выключил видео и замолчал, но внезапная тишина ударила сильнее предшествовавшего крика.

Сейчас Феликс видел ситуацию со стороны, не как участник событий, и без адреналинового коктейля в крови, без ударов обратного отсчета в ушах все выглядело ужасно.

– Вы двое – самое страшное, что когда-либо случилось с Соппротивлением. – вздохнул Август.

Красная подсветка, по всей видимости, включенная в переговорной для устрашения, навевала воспоминания. Крики. Кровь. Безвольное тело Децима. Феликс зажмурился, чтобы побороть наваждение, но образы уже просочились в голову.

– Но, сэр...

– Заткнись! Почему на всех миссиях, куда тебе отправляют, происходит какая-то херня?! – закричал магистр, и, повернув голову к Лауре, добавил: – Тебя это тоже касается! Он, по крайней мере, не убивает своих.

– Я...

– Не хочу ничего слышать. Вы двое для меня мертвы.

Голос Августа стал слабым и приглушенным. Феликс поймал себя на мысли, что задержал дыхание, чтобы не упустить ни единого шороха, грудь Лауры тоже замерла в оцепенении. Будь тихим, если хочешь, чтобы тебя услышали.

– Я думал, что объединив вас в команду, в два раза снижу сопутствующий ущерб. Чтобы избежать скрытых рисков, приставил к вам человека, выполнившего почти сотню заданий за четырнадцать лет... Твою мать! Ни одного серьезного косяка за все эти годы, но первое задание с вами, и он уже стреляет в толпу.

– Сэр, но он сам...

– Закрой рот, Феликс!

Услышав свое имя, Безликий поежился. Страх стал даже сильнее, чем во время миссии, но Феликс не понимал, боится магистра или ассоциаций, которые тот вызывает. Фел разгладил руками свою черную накидку, как делал всякий раз, когда волновался или чувствовал вину, хоть в тусклом свете переговорной в этом и не было смысла. Искать смысл в каждом поступке – прямой путь к безумию. Для Феликса эта дорога и так намного опаснее, чем для большинства.

– Думаешь то, что от ваших выстрелов никто не пострадал, как-то вас оправдывает?! Когда вы в последний раз видели рейтинги? О, я в курсе, что вас это не интересует! Вам просто нравится бунтовать... – Август закашлялся, и по помещению будто прокатились раскаты грома.

Феликс посмотрел на пустые трибуны переговорной. Бы-

ло странно находиться здесь втроем. Никаких растений, никаких украшений, только голые стены и деревянные лавки. Каждое возвращение на базу вгоняло в глубокую тоску. Феликс широко зевнул, и мысленно поблагодарил маску за то, что сохранила зевок в тайне.

– С каждым годом набирать рекрутов становится все сложнее, и ваши действия определенно не помогают в этом. – хрипло продолжил Август, – Уровень симпатии к Безликим каждый день пробивает дно, и перспектива такова, что мы, похоже, не можем этого изменить. Можем лишь узнать, сколько этажей в этом подвале. С каждым днем нас остается все меньше. Моя цель – сделать так, чтобы сопротивление продолжалось, чтобы надежда не угасала... Вам, молодым, лишь бы все разрушить и плевать, что будет дальше. – Август запустил пальцы под маску и устало протер лицо. – Где куб, переданный Тассин?

– Терция должна была оставить его в зоне передачи, сэр. – пробормотал Феликс.

– Создатель, как вам удалось приплести сюда еще и Терцию? Вы хотя бы просмотрели содержимое?

Феликс сжался, приготовившись к надвигающемуся цунами, Лаура втянула голову в плечи. Фел не мог посмотреть сам и не мог позволить Лауре, но объяснить причины своего решения Августу невозможно. Последствия озвученных подозрений могут оказаться хуже молчания.

– И кому из вас, гениев, пришла в голову эта чудесная

мысль?! Сложно представить, что вы пришли к этому независимо друг от друга. Способный на такое интеллект рождается раз в поколение! – Август покачал головой. – Не понимаю, что такого я натворил, что мне достались вы двое?! Вы оба отстранены. Отправляйтесь на проверку... – Август снова закашлялся, и от каждого хрипа у Феликса замирало сердце.

– Но мы уже прошли проверку при прилете... – прибор-мотала Лаура.

– Замолчи! Три дня в проверочной, без еды, воды и сна! Запнетесь хоть на одном вопросе, задумаетесь хоть на долю секунды дольше обычного... – магистр замолчал и, выведя проекцию космоса себе за спину, указал на нее рукой.

Три дня без еды?

Если подумать, не так уж и сложно, Феликс всегда был равнодушен к еде. Полезный навык, когда ты на задании и в любой момент все может пойти наперекосяк.

Куда страшнее провести целых три дня на базе. Безликий серый коридор казался бесконечным. Единственным декором здесь были блуждающие в полумраке тени от редких оранжевых ламп, пытающихся хоть как-то разукрасить действительность.

Три дня без воды?

Немного сложнее. После встречи во рту пересохло, эхо от криков Августа все еще пульсировало в ушах. На заданиях Феликс был дерзким и решительным, иногда даже безрассудным, но всегда тушевался перед магистром. Совещания никогда не приносили ничего, кроме стыда. Страха не оправдать надежды. Разочаровать.

Три дня без сна?

Феликс зевнул так широко, что запнулся и схватился за выступ в стене, чтобы не упасть.

– Ну и чем ты занимался? – спросила Лаура. – У тебя был миллион возможностей выспаться: я оставила тебя одного на корабле больше, чем на сутки.

– Оценивал шансы Терции выжить.

– Может, хватит? Если бы я собиралась ее убить или не допустить, чтобы она забрала куб, я бы сделала это еще на корабле. Зачем рисковать?

– У тебя готово оправдание для каждого поступка?

Лаура промолчала, но Феликс и не ждал ответа, сейчас все его мысли были заняты предстоящей проверкой воспоминаний. Он проходил ее десятки раз, при каждом возвращении на базу, в том числе сегодня, и каждый раз проверка становилась испытанием. И почему в качестве эталона он не выбрал что-нибудь хорошее? Ну, помимо того, что приятные воспоминания запрещались правилами.

Но теперь... Одна неточность, одна случайная галлюцинация... В текущем состоянии ошибка случится гораздо раньше.

ше, чем на третий день. Вероятно, уже сегодня.

Очередная лампа выхватила из темноты длинный отвратительный залом на накидке, и Феликс принялся растягивать ткань в стороны, чтобы спрятать его хотя бы от собственных глаз.

Безликие свернули за угол, в коридор, по обе стороны которого располагались депривационные камеры. Казалось, будто тени в этой части базы сгустились, уплотняясь по мере приближения к двери, из черноты выползли очертания прошлого, и, как бы Феликс не старался противиться, очертания крепили и обретали форму.

– Что, одного раза вам уже мало?

Феликс едва не подпрыгнул от неожиданного вопроса. Гней все так же, как и утром, так же, как и всегда, сидел в смотровой, одно стекло которой выходило в ангар, а другое смотрело в коридор.

– Лучше еще одна проверка, чем геморрой от непрерывного просиживания штанов. – усмехнулся Феликс.

– Я слышал, вам предстоит не одна. Но, после таких подвигов, не могу сказать, что удивлен.

– Три дня однажды закончатся. Твой дозор не заканчивается никогда. – огрызнулась Лаура.

– Август стал слишком сентиментален. – Гней покачал головой. – Однажды я провел в депривационной сутки просто за то, что выставил его не в лучшем свете.

– Не верю. Для этого тебя пришлось бы совершить невоз-

можно и вытащить тебя из смотровой. Я слышала, ты сидишь тут с начала времен. Что база была построена вокруг тебя...

– Можешь храбриться, сколько хочешь, но ты даже не представляешь, что тебя ждет. Это изменит тебя, и не в лучшую сторону. Выкинуть за борт милосерднее, справедливее и гораздо безопаснее для Сопротивления.

– Иди к черту, старик. – Лаура открыла дверь в ближайшую депривационную и скрылась в темноте. – Без меня Сопротивление обречено.

– Ты был с ней, Фел. У нее правда не было выбора?

– Не знаю. Перед смертью Децим вел себя странно. Обвинял Августа в предательстве, а потом бросился на нее.

– Ясно. – вздохнул Гней, и во вздохе было так много эмоций, что Феликс не смог бы описать их словами. – Надеюсь, ты пройдешь и останешься прежним. Главное помни, что ни в чем не виноват.

Как бы Феликс ни хотел обмануться, он всегда чувствовал вину после неудачных миссий, а последняя выделялась даже среди худших. Кивнув Гнею, он нырнул в депривационную.

Тьма ударила по глазам. Чтобы запереть дверь, Феликс по привычке дотронулся до нее кольцом, но ничего не произошло. Все персональные устройства на базе заблокированы, но касание давно уже превратилось в успокаивающий ритуал.

Заперев комнату руками и немного привыкнув к темноте,

мальчик сделал осторожный шаг вглубь. В этом месте Феликс всегда становился мальчиком. Он снял маску. Вытер пот со лба. Депривационная – единственная комната на базе, где он не был Безликим.

Феликс швырнул маску в сторону, и та глухо ударилась о стену. Следом отправилась одежда, и с каждым сброшенным предметом Фел становился все меньше. Тоньше. Слабее. Совершенно нагой и беззащитный, подошел к депривационной капсуле. Он проходил проверку столько раз, что ему не нужен был свет.

Феликс натянул висящий на бортике костюм. Залез внутрь, надел шлем и захлопнул крышку капсулы. Жидкость температуры тела раскрыла объятия, и мальчик растворился в ней. В этот момент он всегда вспоминал теплые ладони Черного океана. Единственное положительное воспоминание здесь.

Тело перестало существовать. Ни света. Ни звука. Ни запаха. Никаких тактильных ощущений. Только всплески беспокійного разума и циничное задание машины: *"Пожалуйста, вспомните, почему вы решили стать Безликим."*

Проходная центрального офиса "Денорен". Он так ждал этого момента. Ежегодная премия за самое выдающееся открытие, мероприятие, которое соберет множество богатых и важных людей в дорогих нарядах. И все они придут только ради отца.

Когда ты юн, твой мир настолько тесен, а достижения –

незначительны, что ты вынужден присваивать чужие. Достаточно малейшего сходства, и вот ты уже скользишь по связывающей вас тончайшей нити, как канатоходец. Мимикрируешь. Заползаешь в чужую кожу. Феликсу повезло: сегодня награждают отца. Что может быть крепче этой связи?

Отец в костюме. Черные узкие брюки с белыми вертикальными полосками делают его выше, могущественнее, чем обычно. Золотая рубашка здесь, под землей, сияет ярче Аэрдена. Всесильный и ослепляющий. Феликс гордится им.

– Пап, что ты изобрел? – поравнявшись с отцом, Феликс подпрыгивает, но даже в прыжке достает лишь до подбородка.

– Ну сколько можно? – вздыхает тот. – Ты спрашиваешь уже в десятый раз.

– Но это так круто звучит!

Отец снова вздыхает. Сегодня счастливый день, почему он так рассеян и напряжен?

Охранник на проходной приветливо улыбается, пропуская к лифтам.

– Мне удалось построить модель наложения одной нейронной карты на другую. – отец смотрит на мальчика, но Феликс помнит лишь световое пятно и пронзительные светлые глаза. На мгновение взгляд смягчается. – Извини, кажется, я сам вынуждаю тебя спрашивать снова и снова.

Отец тепло улыбается, но улыбку не вспомнить. Губы неразличимы на фоне пятна, а он гораздо чаще он бывает

задумчив или раздражен.

– Исследования нейронных карт позволили типизировать людей, дали возможность предсказывать их поведение. Благодаря этому существование Оракула и стало возможным. Точнее, обрело смысл...

Феликс кивает. Он еще слишком мал, чтобы интересоваться тем, что рассказывает отец, но ему нравится, каким страстным тот становится, когда говорит о работе.

– Каждая карта уникальна, поэтому полная расшифровка невозможна без непосредственного участия подопытного. Можно предсказывать поведение, но не читать мысли. Можно записывать отдельные фрагменты памяти человека, но просмотреть их способен только он сам.

Отец кладет ладонь на голову мальчика и растрепывает волосы. Феликс смеется, и, выныривая из-под руки, вбегает в открывшийся лифт.

– Я первый!

– Так было до недавнего времени. – игнорирует его отец. – Моя модель позволяет перенести данные с одной ментальной карты на другую. Впоследствии, это поможет людям быстрее учиться. Передавать накопленный опыт другим. Фактически, откроет дорогу к обретению человеком генетической памяти. Приведет к цифровому бессмертию.

Двери лифта открываются, но никакой торжественной музыки. Ни ковровой дорожки. Ни дорогих нарядов. Ни поклонников. На этаже пусто. Только потолок давит своей мо-

нументальностью: оранжевые пятна взрывов, стремящиеся в стороны обломки, ухмыляющееся лицо Аэрдена и непроглядная тьма.

Возле лифта нетерпеливо переминаются два охранника. Злая ирония. Феликс помнит каждый блик на их зеркальной броне, но совершенно не помнит лицо отца.

Какого черта они скрывают лица под шлемами, если так ненавидят Безликих?!

Вы отклонились от воспоминания.

Отрезвляющий укол где-то между ребрами. Август предупредил, что если будет допущена хотя бы одна ошибка...

Глубокий вдох. Охранники не виноваты, они всего лишь выполняют приказ. Феликс знает, кого винить.

– Мистер ***, пожалуйста, пройдемте с нами. – мямлит один из них.

– Все в порядке, сынок. Подожди меня здесь.

Феликс улыбается и снова кивает. Он терпелив. Пожалуй, даже слишком терпелив для ребенка. Иронично, но теперь он слишком нетерпелив для взрослого.

Отец не вернется. Мальчик видит его в последний раз.

Пауза!

Стоп!

Глупая машина, подчиняйся! Останови это! Дай рассмотреть получше! Вспомнить, как он выглядел в тот день...

Пожалуйста, вернитесь к воспоминанию.

Машина права. Еще не все. Хочется уснуть и прекратить

мучение, но тогда Феликс точно никогда больше не увидит отца. Каждая проверка – тщетная попытка вспомнить забытое лицо, но Фел готов испытать любую боль даже ради мизерного шанса.

Некогда гордая спина отца согнулась под тяжестью обвинений. Иссиня-черные волосы поблекли. Мальчик тысячи раз кричал, чтобы отец обернулся, надеялся увидеть лицо хотя бы в профиль, но голос не способен пробиться сквозь время. Вернуться в прошлое.

– Мистер ***, вы осознаете, в каком положении оказались? – спрашивает судья.

Его лицо Феликсу не забыть: сморщенное, испещренное бесчисленными перекрещивающимися морщинами, словно каждый осужденный отсчитывает на нем годы своего пребывания в заключении. Длинный рябой нос, похожий на кусок камня, злые серые глаза...

– Да, Ваша Честь.

– И все равно явились без адвоката?

– Ни один адвокат не взялся за мое дело, Ваша Честь. – голос отца дрожит и разваливается к концу фразы.

– Что ж, если больше вам сказать нечего... – судья делает бессмысленную паузу. Происходящее явно доставляет ему удовольствие. – Мистер ***, вы обвиняетесь в незаконных опытах, причинении тяжкого вреда ментальному здоровью испытуемых и подделке результатов экспериментов. Суд приговаривает вас к смертной казни. Вы воплощаете в себе

все худшее, что есть в науке, Мистер ***.

Отец безвольно падает на скамью. Феликс бросается к нему, но чьи-то руки крепко обвилились вокруг тела, не продохнуть. Негодование и плач смешиваются в едином оркестре.

Охрана хватается отца под руки и волочит из зала. Глаза Феликса застилают слезы, все вокруг искажается и преломляется, ничего не разобрать. Феликс вопит, но изо рта вылетает лишь хрип и фонтаны слюны. Мальчик пытается вдохнуть, но ему не удается даже это, грудь сжалась в бесконечном спазме. Абсолютное бессилие.

Вы успешно прошли проверку.

Пожалуйста, вспомните, почему вы решили стать Безликим.

Чертова машина! И это только первый цикл... Феликс кулаком ударил по крышке капсулы, и пульсация боли снова вернула ему тело. На какое-то время камера перестала быть депривационной.

Соберитесь. Эмоциональная карта отличается от эталона.

Феликс задержал дыхание и попытался утихомирить себя. Если он провалит испытание, ему уже не удастся отомстить. Не удастся уничтожить “Денорен”.

Безликий вспомнил все снова. И снова. И снова.

Три дня – это нестерпимо долго, когда ты заперт в клетке с худшими кошмарами и лишен возможности отвлечься. В попытках Безликие были даже более искушенными, чем поли-

ция.

Отвращение. Жалкий ничтожный мальчишка, который не смог защитить единственного дорогого человека. Если он не сумел даже это, на что он вообще способен? Ему никогда не стать полезным.

Каждый раз, когда близким угрожают, Фел бессилён что-либо изменить. Он даже не смог предотвратить смерть Децима, хоть они не были друзьями. Держать себя под контролем становилось труднее с каждой минутой.

Вы отклонились от воспоминания.

Феликс попытался абстрагироваться от происходящего, но сложно абстрагироваться от собственной истории. Сконцентрировался на том, чтобы внимательнее рассмотреть лицо отца, но каждый раз, когда тот смотрел на мальчика, смутный образ ускользал сквозь пальцы, как серый песок на берегу океана. Феликс вынес из того дня самое худшее, но потерял единственное важное. Очередная ирония.

Время перестало существовать. Сколько раз цикл повторялся заново? Феликс давно сбился со счета. Каждая следующая проверка стала второй, разум обессилел от непрерывной концентрации, мысли стали отрывистыми и хаотичными, но, каким-то образом, Феликс вновь и вновь слышал: "Вы успешно прошли проверку", и отсчет начинался сначала.

Что это такое?.. Воспоминание, которого раньше не было.

Мальчик забрался под стол и обхватил колени руками, спиной прижался к стволу дерева, фонтаном бьющего из пола, кроной пробивающего стол прямо по центру.

Мальчику страшно, что он пробрался в кабинет без разрешения.

Отец будет зол.

У отца нет повода для злости.

Отцу не нужен повод.

– Нельзя допустить, чтобы о нем стало известно. – Феликс вжимается в ствол так сильно, что чувствует кожей каждую борозду. Лиц не разглядеть, видны только ноги. Строгие черные туфли и узкие черные брюки.

– Несчастный случай? – спрашивает жестокий, слегка хрипловатый голос.

Мальчик уверен, что это Ишшай Кассео, глава "Денорен", но откуда он может знать, если лица не разглядеть? Мальчик выглядывает из-под стола.

Брюки цвета запекшейся крови. Пепельная рубашка с бронзовыми вертикальными полосками и v-образным вырезом, обнажающая седую кучерявую грудь. Мальчик ныряет обратно, опасаясь быть пойманным.

– Вы же знаете этих журналистов, стоит им учуять хоть каплю крови...

– Суд привлечет еще больше внимания. – Ишшай лупит

ладонью по столу, и мальчик едва не вскрикивает от ужаса. Любое укрытие слишком хлипкое, чтобы защитить от гнева Ишшая Кассео.

– Я попробую дискредитировать его. – осторожно, будто ступая по минному полю, продолжает собеседник.

– Как и всегда, не боишься испачкаться? Иногда мне жаль, что ты не мой сын, Аверен.

– Быть нужным – величайшая награда, господин.

Вы успешно прошли проверку.

Феликс задержал дыхание и приготовился к новому циклу, но продолжения не последовало. Видимо, три дня истекли.

Но, если он прошел, значит воспоминание... Почему оно никогда не всплывало раньше? Если Феликс заранее знал, что будет с отцом, то почему ничего не предпринял?! Почему не предупредил?! Конечно, в Системе не так много мест, где можно спрятаться от главы “Денорен”, но отец мог хотя бы попытаться!

Феликс чувствовал вину, но ненависть к Ишшаю Кассео за три дня выросла настолько, что теперь с трудом удавалось сдерживать ее внутри. Все желания померкли, утратили смысл, осталось лишь одно: Безликий хотел смерти этого человека.

Феликс снова ударил крышку капсулы, но на этот раз вышло слабо. Только сейчас он осознал, насколько проголодался. Что ж, хотя бы базовые потребности у него еще остались.

Сложно остаться человеком, если вся жизнь сводится к одной цели.

Еще больше хотелось пить. Феликс попытался облизнуть губы, но огрубевший язык лишь стесал с них отмершую кожу.

Собравшись с силами, Безликий откинул крышку и выбрался наружу. Стянул обтягивающий костюм, поежился от холодного прикосновения воздуха, переделся и вышел в коридор. Из глаз брызнули слезы, но Безликий попытался убедить себя, что дело в слишком ярком свете.

Уже стоящая в коридоре Лаура протянула Феликсу бутылку, и, мгновенно вырвав ее из рук, Безликий осознал, насколько одичал. Он жадно прильнул к бутылке губами, и готов был поклясться, что в жизни не пробовал ничего вкуснее.

– Сильно не налегай. Пей маленькими глотками. – запинаясь, пробормотала Лаура.

Феликс не уловил смысла сказанного. Целиком растворился в моменте. Но, в отличие от проверки, момент продлился жалкое мгновение, родник иссяк, а жажда только усилилась.

– Я не понимаю. – прохрипел он.

– Как вода может быть такой вкусной? Я задаюсь этим вопросом последние пять минут.

– В последнем цикле мое воспоминание изменилось. Я увидел фрагмент, который до этого не помнил. Фрагмент,

который меняет все, что я о себе знаю. Я надеюсь, что это галлюцинация, но раз я прошел... Значит фрагмент подлинный?

– Необязательно. Память пластична и подстраивается под внешние обстоятельства. Ты не можешь на сто процентов доверять своим воспоминаниям, поэтому при проверке не обязан воспроизводить все с абсолютной точностью. Воспоминания просто должны быть достаточно близки к эталону.

– Иногда я рад, что ты с нами.

– Всегда чувствовала, что нравлюсь тебе. К сожалению, ты не в моем вкусе.

– Ты никогда не видела моего лица.

– Мне и не нужно. – хмыкнула Лаура.

– Хоть в чем-то мы с тобой похожи. Я себе тоже не нравлюсь.

Безликие прошли мимо смотровой. С каждым шагом коридор становился все ярче, и глаза никак не хотели адаптироваться. Бездна в животе разинула зубастую пасть, и Феликсу казалось, что он целиком скользит в ее жадную глотку.

– В столовую? – спросила Лаура.

– Сегодня ты просто читаешь мои мысли.

На очередной развилке Лаура повернула в сторону столовой. Оранжевые лампы сменились синими, которые должны снижать аппетит, но бездна посмеялась и цапнула Феликса, оторвав, судя по ощущениям, внушительный кусок плоти. От боли Безликий схватился за живот, но, тем не менее, про-

должил идти.

Столовая была все ближе. Феликс настолько отчетливо представил сладковатый аромат ранты, ее дразнящую кислинку и пряность, что бездна нетерпеливо загудела. К сожалению, в наличии на базе была лишь безвкусная паста, консистенция которой вызывала рвотные позывы, но сегодня для него не существовало блюда желаннее этой белой, вязкой...

Двери столовой распахнулись. Феликс обогнал Лауру, сделав нетерпеливый шаг внутрь, но прямо перед ним выросла стена.

– Какого черта вы слоняетесь?! У нас срочное совещание! – рявкнул Клавдий и, подняв Феликса в воздух, переставил в сторону.

– Оно не может подождать хотя бы минут двадцать? – спросила Лаура.

– Полиция раскрыла Харона Церра.

– Это еще кто такой? – буркнул Феликс.

Сейчас одно полушарие отвечало за "есть", а другое за "спать", и никакие совещания не входили в планы. Наказание должно было продлиться ровно трое суток, и Безликий честно провел их наедине с собой. В Системе не было собеседника отвратительнее.

– Агент в ракулайском космопорту, – на бегу бросил Клавдий и умчался вперед.

В животе кольнуло, но на этот раз дело было не в голоде.

– Вот черт. – прошептала Лаура и рванула за Клавдием.

Счастье было так близко. Чем осязаемее мечты, тем больнее, когда они ускользают сквозь пальцы. Феликс вздохнул и поплелся за остальными.

Эгоистка

Космическая станция.

Местоположение неизвестно.

Снова темно, но на этот раз, вероятно, виноваты закрытые веки. Шани открыла глаза, надеясь, что случившееся вчера было кошмаром, но надеждам не суждено было сбыться.

Девушка включила свет, чтобы разогнать полумрак, и комната уменьшилась в размерах, хоть это и казалось невозможным. Стены сдавили со всех сторон. Низкий потолок навалился, грозясь прихлопнуть. Из мебели – только кровать, крохотный шкаф и комод, служащий одновременно еще и столом. Квадратный метр пола вокруг кровати. Маленькое зеркало над комодом вместо расширения пространства лишь подчеркивало тесноту. Что еще нужно для счастья?

Приятная бирюзово-розовая палитра комнаты, созданная специально для Шани, должна была радовать глаз, но вызывала ностальгию. Девушка до боли скучала по Ханварону.

В животе снова завертелась дурацкая спираль тревоги. Шани закрыла глаза, чтобы очистить разум, и сконцентрировала внимание на солнечном сплетении. Повлиять можно только на будущие решения. Настоящее и прошлое неизменны.

Немного успокоившись, девушка запустила интерфейс

импланта, и тут же получила входящее сообщение от Кьяры, отправленное всей команде.

– Надеюсь, вы проснулись. Порция утренней мотивации!

От тона сообщения живот опять скрутило. Дыхание участилось, тревога вернула контроль над мыслями. Не способная больше томиться в неведении, Шани запустила прикрепленное видео.

Два мужчины в зеркальной броне идут по коридору. Полиция, если девушка правильно распознала шлемы, внешне они мало отличаются от шлемов Безликих. Полицейские подходят к двери. Встают по обе стороны от прохода. Третий человек, тот, с камеры которого идет запись, громко стучит. Сердце Шани тревожно отзывается на каждый удар.

– Мистер Церра, немедленно откройте дверь.

Тишина, но им и не нужен ответ. Протокол выполнен. Полицейский касается двери рукой. Громкий щелчок замка, и полиция врывается в комнату.

Номер два стоит в одном полотенце. Мокрые седые волосы прилипли ко лбу, дряблые покатые плечи тянутся к полу, на лице дикая смесь непонимания и ужаса. Двое полицейских хватают его под руки.

– Что вы себе позволяете...

Третий прерывает мужчину на полуслове, вкалывая что-то в шею. Бесцветные глаза закатываются, наливаются молоком. Губы корежатся, то обнажая, то скрывая за ширмой желтые зубы. Тело сводит судорогой. Агония длится

несколько секунд, но Шани кажется, что проходит вечность. Тело Номера два обмякает, подбородок бьется о грудь в такт с последним ударом сердца.

Видео оборвалось, но Шани не нашла в себе сил, чтобы закрыть его. Отключить перезапуск. Из груди, смяв ментальный барьер, вырвалось горе.

Шани обнаружила себя уже в коридоре. Сколько времени она провела в таком состоянии? Поворот, лифт и снова коридор. Не за что зацепиться взглядом. Понутив голову, девушка шла, слушая шаркающие ноги, нашептывающие самоуничижительные мысли.

Почему не было суда?.. Разве правильно, что они вчетвером решают судьбу человека? Какие доказательства нашла полиция? Почему решение о ликвидации Номера два приняли так скоро?..

– Так никуда не годится.

– Что? А, Иган... Привет... – Шани едва не воткнулась в парня, лоб остановился в сантиметрах от его груди.

– Абстрагируйся, иначе долго не протянешь. Станешь такой же, как Кьяра.

– Раньше она была другой?

– Понятия не имею. При мне она всегда была такой, как сейчас. – Иган улыбнулся, и взгляд Шани скатился в ямочки

на его щеках.

У него было одно из тех лиц, которые сразу внушают доверие и оставляют теплое послевкусие. Светло-зеленые глаза. Острый, слегка вздернутый нос. Вьющиеся волосы с каштановым оттенком, едва касающиеся астенических плеч...

– Не знаешь, какие доказательства нашла полиция?.. – спросила Шани, потупив глаза.

– Я не слежу за тем, что происходит с обвиненными после приговора. Иначе не знаю, как бы я жил. Первое время было сложно.

Шани кисло улыбнулась. Даже если другого пути нет, как можно забыть о последствиях, когда отправляешь людей на смерть?! Всю жизнь девушка стремилась быть лучшей, чтобы Оракул выбрал для нее лучшую судьбу. И это она? Чем Шани заслужила такое?..

Иган свернул за угол, в последний коридор перед офисом, такой же серый, как остальные. Чтобы абстрагироваться, нужно на что-то переключить внимание. Или на кого-то... Жаль, что у него уже есть девушка. Получается, Шани не повезло вдвойне.

– Как дела у Кьяры?..

– У моей? – Иган удивленно вскинул брови.

– У нашей, похоже, всегда все отлично, – тоскливо улыбнулась Шани.

– Нормально. Вечером сходили в «Три солнца», и...

– Кажется, ты был против бара.

– К сожалению, на станции не самый богатый выбор, – вздохнул Иган. – Я хотел спеть для нее...

– Ты поешь?! С удовольствием бы послушала!

– Не похоже, что ты хороший слушатель. – Иган сощурился и отвел взгляд в сторону.

– Извини... Больше не перебиваю. Можешь рассказывать.

– Спасибо за разрешение. Нечего рассказывать. Она не любит музыку.

Иган открыл дверь и шагнул в коридор к депривационным комнатам. Темнота с молчаливым одобрением проглотила его. Шани прикусила язык: больше всего на свете сейчас не хотелось ранить единственного человека в команде, который относится к ней благосклонно. Относился... Девушка поспешила за Иганом.

– О, так вы теперь вместе? Как быстро ты меняешь стороны, Иган. А как же Кьяра? Ты готов предать любую, или дело в том, что мы тезки?

Еще не привыкшие к темноте глаза Шани с трудом разглядели смутный силуэт.

– Мы не... – Шани задохнулась от возмущения и почувствовала, как щеки залились краской. Хорошо, что в полумраке этого не разглядеть. Она закрыла глаза и представила себя на бирюзовом пляже, как розовое море игриво облизывает пятки. Впитывает раздражение. – Это было грубо.

– Встречаться с чужим парнем? – хмыкнула Кьяра.

– Присылать такие вещи. Думаешь, приятно чувствовать

себя убийцей?!

– Я думала, это называется... забыла слово... “Последствия”. Вам троим пора бы узнать его значение.

– Перестань! – воскликнула Шани. – Ты не знаешь, что полиция нашла на Номера два?

– Перестать что? И почему “Номер два”? Харон Церра. Думаешь, от того, что ты не называешь его по имени, он перестанет быть живым человеком?

– Может хватит? – раздраженно спросил Иган. – Просто ответь на вопрос.

– Можете поискать сами. Насколько мне известно, после ликвидации полицейские обыскали квартиру и ничего не нашли.

– Как это после?... – прошептала Шани.

Сердце замерло. Пальцы похолодели и скрючились. Все утро Шани корила себя за то, что отправила человека на смерть, но теперь, зная, что он может оказаться невиновным...

– Такая милая и наивная. Понимаю, что ты в ней нашел, Иган, – лукаво пробормотала Кьяра. – Подозреваемых в терроризме обычно ликвидируют до официального расследования.

– На работе тоже ничего? – разочарованно спросил Иган.

– Угу. – ответила Кьяра. – Сейчас терминал закрыт и оцеплен. Но я не знаю, как туда вообще можно что-либо пронести.

В голове прозвенело, и Шани обнаружила себя в комнате, вычленила тоненький ручеек собственной личности из ревущего потока беспорядочных мыслей. В депривационной невозможно ничего обнаружить. Девушка открыла сообщение, и перед глазами без спроса запустилось видео.

– Безликие?! – воскликнула Ора.

– Впервые вижу тебя такой заинтересованной, – ехидно заметила Кьяра.

– Мне еще никогда не попадался Безликий.

– Пару лет назад Элай... Мы раскрыли одного.

Шани зажмурилась, снова пытаюсь собраться и выключить эмоции. Больше не хотелось принимать никаких решений, хотелось плакать, нежиться в теплых объятьях и жалеть себя. Так хотя бы невозможно повторить ошибку.

Можно попробовать расслабиться, сбросить ответственность на Кьяру и всегда голосовать за ее решения, но, в случае очередной оплошности, чувство вины от этого только вырастет.

– Это Ранея Тассин? – дрожащим голосом спросила Шани.

– Ненавижу этих лицемерных ублюдков. На словах они борются за нашу свободу, а сами стреляют по толпе. – процедил Иган.

– Госпожа Тассин передала что-то Безликому? – спросила Ора, – На что мы смотрим? Какое решение нужно принять? Впервые встречаю такое задание.

– Почему нет звука?.. – пробормотала Шани.

– Судя по рукам – видео с камеры Безликого. Вероятно, дело в этом. Не хотят скомпрометировать агента. – ответила Кьяра.

– У нас есть агент среди Безликих? – удивился Иган.

– Передо мной никто не отчитывается, – съязвила Кьяра. – Какие вы все сегодня возбужденные!

– Может нужно узнать, что госпожа Тассин передала Безликим? – спросила Ора.

– Если у полиции есть агент, то я не понимаю, зачем нужны мы. – заметил Иган.

Возможно, если получится стать лучшей еще и здесь, Шани позволят перевестись. Может быть, тогда страдания закончатся раньше, чем жизнь. Девушка свернула видео, чтобы найти тот же момент, снятый из глаз...

– Почему нельзя посмотреть видео с камер госпожи Тассин?.. – спросила Шани. – У меня будто нет доступа. Система вообще не знает о ее существовании.

– Милая, есть древняя поговорка: “Перед законом все равны, но некоторые...”

– Ранея. – закончила Ора.

– Вот это прыжок! Я даже немного возбудилась. – прищипнула Кьяра. – Точно. Утром я видела, что на Шиварта-

не нашли тело Безликого.

– Тело?.. – переспросила Шани.

Не дожидаясь ответа, девушка резким жестом выключила видео и убрала звук. Два убийства за день – это слишком. Отдышавшись, с опаской запустила следующее, молясь, чтобы содержимое не было таким же шокирующим.

Огромная комната. После тесной каморки, в которой Шани теперь вынуждена ночевать, пространство захватывает дух. По меркам станции в комнату можно поселить человек двадцать. Неужели в полиции столько платят?! Надбавка за риск?

Стены увешаны полотнами так щедро, словно обоями. Не Дюро, но что-то очень известное. Оригиналы. Чтобы понять это, не нужно разбираться в живописи. Картины так рьяно сражаются за внимание, что кружится голова.

На толстой резной столешнице лежит нечто крохотное, не разглядеть. Безликий опускает взгляд: в ладони датакуб. Нетерпеливо вертит его в руке, отворачивается от стола и садится в темно-синее бархатное кресло в старом стиле. Проверяет куб... пусто.

Фрагмент закончился, но оставил множество вопросов. Чего хочет Оракул? Выяснить, что на кубе? Куб пустой, но зачем тогда госпожа Тассин передала его Безликим?

Это не важно, потому что Безликий – агент полиции. Иган прав, ни Оракулу, ни полиции не нужна помощь эмпатов, если, конечно, они не подозревают своего агента.

Что-то не давало покоя, и Шани перезапустила видео. Пересмотрела еще и еще. Вот он отходит от стола. Столешница на секунду мелькает в кадре при развороте... Стоп. На столе пусто.

Перезапуск. Девушка снова отмотала к моменту, когда Безликий подошел к к столу...

– Опять мы ее ждем! – воскликнула Кьяра.

– В прошлый раз – оправдано. – заметил Иган.

– Не слышала, чтобы полиция нашла доказательства участия мистера Церра в чем-то незаконном. – парировала Кьяра.

– На втором видео что-то странное... – пробормотала Шани.

– Мы не сомневались, милая. Ты просто не можешь не усложнять.

– Безликий подходит к столу, на котором лежит какой-то датакуб, но, когда отходит, куб исчезает.

– К чему ты клонишь? – спросила Ора.

– Может быть куб пустой потому, что Безликий подменил его на тот, что лежал на столе?

Шани отправила таймкоды Оре и Игану, но Кьяру решила проигнорировать. С самого прибытия Шани на станцию начальница только и делала, что пыталась поддеть. Пора от-

платить ей тем же.

– Безликий – тройной агент? – первым нарушил тишину Иган.

– Вы с ума посходили? Просто поверим Шани на слово?

– Почему на слово? – удивился Иган, – Она же прислала таймкоды.

Кьяра выдохнула так злобно, что выдох превратился в рык.

– Перешли мне, – сквозь зубы процедила она, и Ора, не сдержавшись, хмыкнула.

Спустя несколько секунд бесконечного молчания, Кьяра вернулась в канал.

– Куб мог просто не попасть в кадр. К тому же, если бы вы смотрели видео с Шивартана внимательно и до конца, то знали бы, что датакуб Тассин на корабле передали другой Безликой.

– Другой?.. – переспросила Шани и снова, не дожидаясь ответа, выключила звук.

Оказаться неправой, даже без последствий в виде возможной казни невинного, слишком больно. Захотелось сгореть со стыда, и Шани бы, наверное, так и поступила, разогнала бы напоследок сгущающийся мрак, если бы не входящий звонок от Игана.

– Тебе стоит посмотреть самой. Ты такое любишь.

– Что?.. – прошептала Шани.

– Думал, тебе нравятся загадки. – заговорщицки прошеп-

тал Иган, и шелест суховатого голоса мурашками скатился по телу.

– Мне нравится, когда Кьяра молчит и не пристает...

– Мне тоже. Но только не во время секса.

– Фу! – воскликнула Шани. – Может поэтому вы не можете найти общий язык? Девушки любят, когда их слушают...

– Хватит терапии, это просто шутка. – буркнул Иган. – Посмотри, наконец, видео.

– Вы только послушайте, и это я его перебиваю! – карикатурно возмутилась Шани.

Многолюдно. Душно. Похоже на станцию в центре: только там бывает столько людей одновременно. Безликий подходит к колонне, точнее, человеческая волна несет его, бросая на колонну, как на скалы.

Шестиугольное сечение. Поверхность покрыта барельефами с древними сюжетами. Ни одного повторяющегося. Шани никогда не была на Ракулае, но уверена, что это он. Безликий шарит ладонью в одном из швов барельефа и снова отдается людскому потоку.

Что он делал? Искал датакуб? Иначе, зачем бы Игану присылать видео?

Взгляд Безликого направлен только вперед. Если бы колонны были из глянцевого мрамора, как на Ханвароне, Шани смогла бы разглядеть его лицо. Или ее? В кадр попадает длинная прядь волос, и, если проанализировать угол зрения, можно заметить, что он или она максимум среднего роста.

Безликая поворачивает голову и видит идущую навстречу красивую брюнетку. Волосы, черные настолько, что не отражают свет, разметались по лицу. Асимметричная куртка кокетливо оголяет точеную руку. Графитовая юбка слишком длинная, чтобы считаться пошлой, но слишком короткая, чтобы оставить пространство для фантазии, подчеркивает длинные ноги. Шани замороженно пялится. Будь Шани так же прекрасна, стала бы жизнь легче?

– И что я должна была увидеть?

– Обычно ты легко подмечаешь то, чего не видят другие. Может помотришь еще разок?

– Может просто скажешь, на что обратить внимание?! – разозлилась Шани.

– Пересмотри фрагмент прямо перед моментом, когда Безликий...

– Интуиция подсказывает, что это девушка. У нее длинные волосы и...

– Да какая разница? Пересмотри фрагмент и увидишь, кто попал в кадр.

Шани зажмурилась и прикусила язык. Ну что за дурацкая привычка перебивать?! Перемотав до нужного момента, пересмотрела запись до конца, но снова отвлеклась на брюнетку. Вернулась к началу...

Какой-то мужчина ныряет за колонну, прямо к месту, где, предположительно, находится датакуб. Шани остановила видео. Приблизила, но кадр вышел слишком смазанным. Лица

не разобрать.

Несколько мгновений вперед... Несколько назад...

– Это Номер один?! – воскликнула девушка.

– Ради чистоты эксперимента, не хотел говорить сразу.

– Нужно сообщить в полицию!

– О чем? С этого ракурса не видно, что он делает за колонной. Нужно просмотреть другие записи в его досье за этот день. Проблема в том, что...

– Тут тысячи людей... – прошептала Шани.

– Не только. Со станции невозможно напрямую отправить сообщение. Весь исходящий трафик проходит проверку в отделе безопасности.

– Но если есть хоть малейшая вероятность, что мы все-таки ошиблись, и на “Сопrotивление” работает Номер один, а не Номер два, мы должны о ней сообщить!

– Могу попросить Кьяру пропустить...

– Думаешь, она согласится помочь?

– Мою Кьяру.

– А... Все время забываю, что у тебя есть... Что твою девушку зовут так же. Она безопасник? Давай попробуем, пожалуйста!

– Не могу устоять, когда ты так просишь.

Смущение обожгло щеки. На станции может быть не так уж и плохо. Ну почему Иган не свободен?! С другой стороны, его отношения, судя по всему, скоро закончатся, нужно лишь подождать...

Укол ревности. Злость на Игана. Шани поставила себя на место Кьяры, и ощутила боль, грязь и унижение, будто окунули в канализацию. Ледяная вода свела мышцы судорогой...

– Мне названивает Кьяра, можешь вернуться в конференцию и успокоить ее?! – выпалила Шани. – Я пока проанализирую досье Номера один.

Девушка завершила разговор и закрыла глаза. Отделила себя от чужих эмоций. Тело обмякло и растеклось по креслу. На контрасте стало спокойнее, но противное жжение в области солнечного сплетения никуда не делось. Прodelала разделение снова. И снова. Дурацкое чувство не собиралось уходить. Девушка подумала об Игане и Кьяре... Жжение усилилось.

Раздраженно вздохнув, Шани открыла досье Номера один. Отсортировала материалы по дате, долистала до нужного момента. Больше пяти тысяч записей! Девушка принялась открывать их одну за другой, выключая, как только становилось понятно, что ракурс неудачный.

Очередное выбранное наугад видео. Номер один катит по коридору стойку с таможенной формой, входит в здание таможенного терминала, приближается к проходной. Пересекает рентгеновскую рамку. Возможно, он проносит чипы в форме?

Охранник тщательно проглаживает ручным сканером каждую складку каждого комплекта. Кьяра права. Внутрь

невозможно ничего пронести.

Номер один удаляется от снимающего. Было бы гораздо проще, если бы запись велась с его глаз, но парень не допускает таких ошибок.

Шани открыла один из соседних файлов, меняющий точку зрения, по всей видимости, снятый с потолочной камеры. Номер один катит стойку к раздевалкам. Раскладывает форму, попутно что-то рассматривая... Ничего не разглядеть, слишком мелко.

Шани максимально увеличила изображение. Скорее всего, Номер один читает имена на нашивках, а затем отмечает что-то в интерфейсе.

“Харон Церра”. Нутро срывается в свободное падение. Слезы предательски процеживаются через все слои ментального барьера. Вода всегда найдет дорогу.

Номер один заносит комплект в одну из кабинок и спокойно выходит. Шани отматывает видео на назад, чтобы лучше разглядеть одежду.

Серая, абсолютно безликая. Никаких опознавательных знаков, кроме нашивки с именем и эмблемы компании. Два кармана на куртке и два кармана на брюках. Ничего необычного...

– Иди сюда, живо! – ледяной голос сквозняком ворвался в безмятежную комнату, вынудив Шани съежиться.

– Что случилось...

– Шани, тебе лучше ее послушать. – приглушенно сказал

Иган из-за спины Кьяры.

Шани вышла, стыдливо опустив голову, не понимая, что произошло. Кьяра могла быть токсичной, но еще никогда не казалась такой угрожающей. Жуткие тени порезали ее лицо на лоскуты. Глаза горели смесью ярости и ужаса. Шани попыталась найти поддержку или хотя бы подсказку во взгляде Игана, но тот избегал зрительного контакта.

– Я отправил найденное видео Кьяре, и...

– Что? Зачем?.. – пробормотала Шани. – Мы же договорились, что ты попросишь...

– Милая, сейчас тебе лучше заткнуться. Что вы двое тут устроили?! – голос Кьяры сорвался, не выдержав собственной тяжести. – Ваше счастье, что переданное наружу сначала проходит через меня!

– Но...

– Ни слова, Иган! Какого хера?! Она здесь второй день, но ты то работаешь уже второй год!

– Да что такого мы сделали?! – разозлился Иган.

– Оракул занимается расследованиями, – ледяным тоном процедила Кьяра. – Мы анализируем эмоциональный аспект человеческих поступков и корректируем выбор. Мы ничего не расследуем. Ничего не передаем наружу.

– Но почему? – жалобно спросила Шани.

– Неприкосновенность личной жизни. – пробурчал Иган.

– Какие умные слова! То есть идиотом ты только прикидываешься?! Люди не должны узнать, что кто-то просматри-

вает все, что они видят в течение...

– Но они и так об этом знают! – воскликнула Шани.

– Догадываются, но...

– Тогда в чем проблема?!

– Не думают об этом. – Кьяра демонстративно повысила голос, – Ровно до тех пор, пока какой-нибудь ушлый журналист не обратит внимание на неприглядную правду. – Кьяра выдохнула и заговорила спокойнее. – Это во-первых. А во-вторых, чрезмерная инициатива в делах, связанных с Безликими, крайне опасна. Если бы вы знали об Элае...

– Ты никогда не рассказываешь о нем, – заметил Иган.

– Не хочу вспоминать.

– Но то, что мы нашли, может помочь расследованию! – выпалила Шани.

– Я больше так не могу, ты вообще себя слышишь?! Хотя, о чем это я? Ты слушаешь только себя! – Кьяра перешла на крик. – Маленькая эгоистичная дрянь! Какое тебе дело до того, что Номер один – террорист?! Если это подтвердится, Оракул снова пришлет его досье, но тебя ведь волнует не он! Тебя волнует, что мистера Церра ты, возможно, обвинила необоснованно...

– Так ты посмотрела видео?..

– Твою мать! Ты можешь хотя бы раз в жизни прекратить перебивать и услышать то, что тебе говорят? Не пропустить мимо ушей, как ты обычно делаешь, а именно услышать меня?! Тебе плевать на Номера один, плевать на мистера Цер-

ра, плевать на судьбу Игана и Кьяры, которых ты подбиваешь на преступление... – речь Кьяры оборвалась, но на этот раз Шани не решилась вставить ни единого слова. – Если бы то, что вы собирались сделать, вскрылось, Игана и Кьяру тут же бы уволили. – Кьяра окатила Шани таким ледяным взглядом, что по телу прокатилась судорога, – Тебя уволили бы вместе с ними. Думаю, это единственное, что способно тебя напугать, ведь для тебя нет ничего дороже собственной шкуры. И, учитывая, насколько секретна станция, домой вы втроем добирались бы пешком. Ты захватила теплую одежду? Хотя, откуда она у тебя, ты же с Ханварона! Тогда, боюсь, в открытом космосе ты быстро замерзнешь.

Остаток дня длился бесконечно. Тягучие мысли превратились в кнуты, истязаяющие душу, ментальный барьер перестал работать: крайне сложно отгородиться от собственных эмоций, но Шани не особо и пыталась. Девушка слишком жалела ту часть себя, которая может остаться в одиночестве.

Наконец, она осознала, что в конференции стало подозрительно тихо, и, посмотрев на время, облегченно выдохнула. Заниматься самобичеванием лучше под одеялом, девушке не хватало объятий кого-то понимающего. Возможно, ей просто не хватало объятий.

– Ты в порядке? – Иган сидел на полу возле офиса, обхва-

тив колени руками, но, увидев Шани, неуклюже вскочил на ноги. Глаза девушки налились слезами, и он торопливо добавил: – Извини, глупый вопрос...

– Кьяра права?.. – проскрипела Шани, едва удерживая голос от срыва.

– В чем?

– В том, что я... – к концу фразы шепот превратился в сип.

Беззвучно содрогаясь, Шани спрятала лицо в ладонях. Руки Игана сомкнулись у нее за спиной, и девушка благодарно уперлась парню в грудь.

– Ты ни в чем не виновата. Это я втянул тебя, – еле слышно сказал Иган. – Ты всего лишь хотела поймать террориста, но Кьяра права в том...

– В чем я права на этот раз? – услышав голос, Иган отпрянул. Стало холодно и пусто. – Это та самая Шани? Ой, что у вас случилось? Он тебя обижает?

– Расскажу, когда доберемся до квартиры. – выпалил Иган. – Кьяра права в том, что если Номер один виновен, Оракул снова предоставит возможность выбрать его. Во второй раз мы точно не ошибемся.

– Ты думаешь, что мы ошибли... – Шани не смогла закончить вопрос. С силой толкала голос, но тот комом застрял в горле.

– Я уверен, что виновны оба. Не кори себя. Скоро отметим твое первое раскрытие!

– Я очень устала, пойдёте домой. – зевнула Кьяра, девушка Игана. – Шани, тебе на какой уровень?

– Шао...

– Значит нам по пути!

Шани не помнила, как оказалась в лифте. Там она впервые подняла глаза и посмотрела на эту Кьяру. Длинные красные волосы, похожие на языки пламени. Улыбчивая и невероятно красивая, Кьяра ни в чем не уступала брюнетке с видео. В отличие от Шани.

Когда Шани случайно ей позвонила, голос Кьяры казался безжизненным, но сейчас девушка вся светилась. От того, как она смотрела на Игана, как смеялась, то касаясь, то одергивая руки от плеч парня, Шани испытала очередной укол ревности и стыда. Отчаянно захотелось побыть на ее месте.

Они вышли из лифта. Кьяра продолжила страстно о чем-то рассказывать, Иган улыбался, но то и дело бросал озадаченные взгляды через плечо. Шани плелась сзади, шаркая ногами, как провинившийся ребенок и не могла дождаться, когда они наконец скроются в квартире, и можно будет остаться в одиночестве. Привести мысли в порядок. Меньше всего на свете сейчас Шани хотела видеть счастливые лица.

К сожалению, Кьяра жила дальше по коридору. Замерев у своей двери, Шани набрала в грудь немного воздуха, чтобы

попрощаться, но Кьяра и Иган остановились у следующей.

– Подожди, так мы еще и соседки?! – рассмеялась Кьяра, и это был самый прекрасный смех, какой доводилось слышать Шани. Искренний и свободный, обволакивающий... – Нам стоит познакомиться поближе! Иган, когда в следующий раз снова решишь выступить, возьмем ее с собой в бар, чтобы мне было не так скучно?

– Угу. – вздохнул Иган.

Кьяра уже скользнула в комнату. Иган на секунду замер и посмотрел на Шани с такой нежностью, что девушка вновь ощутила испаряющуюся тяжесть его объятий. Иган молча вошел внутрь. Дверь хлопнула как выстрел, оставив Шани одну в тишине коридора.

Дрянь

Стон.

Как можно быть такой никчемной? Всего два дня, а из-за нее уже убили человека, и Шани чуть не подставила по удар другого, единственного на станции, относящегося к ней тепло. Возможно, даже слишком тепло.

Стон. Щеки обдало раскаленным металлом.

Снова стон. Ну почему так холодно? Шани перевернулась на бок и обняла одеяло. Ненавидящий, полный презрения взгляд Кьяры вспыхнул перед внутренним взором. Шани распахнула глаза.

Стон. Бледное под коркой инея лицо Игана сквозь иллюминатор вперилось в девушку налитыми кровью глазами.

И снова хриплый стон. Ну сколько можно?! Шани отшвырнула одеяло и обхватила голову руками, чтобы не слышать...

Без одеяла стало пусто. Девушка снова потянулась к нему рукой, но оставшаяся без защиты ушная раковина поймала следующий стон. Волосы, всполохами пламени разметавшиеся по лицу, спутали черты, сделали безликим. По ту сторону стены может быть кто угодно. Шани представила себя. Кожа воспламенилась от стыда.

Стон. Маленькая эгоистичная дрянь! Кьяра права. Шани беззвучно разрыдалась, лишь бы не пропустить следующий

стон. Волны отчаяния скрутили тело в водовороте.

Волосы Игана нежно коснулись ее лица, волны стыда обрушились вниз по телу, сковав ноги и низ живота.

Стон. Шани перекинула ногу через одеяло, скомкала и плотно сжала его между бедер.

Стон. Девушка приоткрыла рот. Чуть быстрее. Всклинула, снова стиснув бедра. Ответный стон. Чуть медленнее. Нужно поймать ритм. Шани представила горячие ладони Игана на своей талии, вскрикнула, наконец попав в унисон, и тут же стыдливо закусила губу.

Каждое сокращение – все увереннее и глубже. Каждый стон – все честнее и громче. Больше не нужно подгадывать момент, они слились воедино. Девушка сжалась с такой силой, словно хотела сплавиться с одеялом. Последний стон застрял в горле, так и не сумев выбраться наружу. Тело благодарно обмякло, растеклось по простыни, только легче не стало.

Снова вина, снова стон. Да когда вы, наконец, насытитесь?! К черту самобичевание! Шани вскочила на ноги, но запуталась в одеяле и едва не упала. Отбросила одеяло в сторону, рванула к двери, в два шага преодолев комнату... и замерла возле зеркала.

Нельзя же предстать перед Иганом в таком виде! Девушка сорвала ночнушку через голову и швырнула на кровать. Лямка зацепилась за ухо, чуть не оторвала его...

Стон. Из глаз брызнули слезы. Лучше бы оторвала! Шани

схватила за больное ухо, стало чуть легче. Как минимум, вполовину.

Схватив со столика розовые брюки, девушка запрыгала по комнате, пытаясь натянуть их как можно скорее, споткнулась и снова грохнулась на кровать. Как же тесно!

Стон. Подняла с пола белую рубашку, накинула и принялась воевать с пуговицами и дрожащими пальцами. К черту!

Шани вылетела в коридор и яростно постучала в дверь, попутно пытаясь застегнуть хотя бы еще одну пуговицу. В комнате Игана стало тихо как в открытом космосе, но воющий на границе сознания стон не исчез. Продолжил пульсировать.

Черт... Зачем она это сделала? Шани дернулась в сторону своей комнаты, но было уже слишком поздно.

– Мы, наверное, не даем тебе спать... Извини. – сбивчиво просопел приоткрывший дверь Иган.

Черный, явно наброшенный наспех, халат перекосялся, обнажил поджарую грудь, как звездами испещренную капельками пота. Волосы спутались и прилипли ко лбу, щеки зарумянились. Едва приоткрытые губы подрагивали в такт дыханию, беззвучно завлекая прильнуть к ним. Лучше бы он продолжал говорить, потому что в тишине Шани могла вложить в его рот любые слова.

– Нужно сообщить обо всем в полицию! – покраснев, выпалила Шани и так сильно закусил язык, что почувствовала во рту отрезвляющий привкус металла.

– Сообщить о чем? – закутавшаяся в одеяло Кьяра открыла дверь пошире и прислонилась к плечу Игана, вцепилась ладонью в грудь парня, заявляя на него свои права.

Шани отвела глаза в пол, жар на щеках стал почти невыносимым.

– Про Номера один... И о том, что Безликая, предположительно, забрала куб и подменила на пустой...

– Безликая?! – вскрикнула Кьяра. В ее глазах вспыхнули озорные огоньки.

– Мы не нашли доказательств этому. – Иган отшатнулся как от пощечины, инстинктивно закрыв ухо рукой. – А единственная связь между Номером один и Безликой – колонна на станции.

– Ты же сам видел, что в начале на столе лежал еще один куб...

– Куб Тассин еще на Шивартане передали другой Безликой. – парировал Иган.

– Может быть, агент проследила за ней до станции, и забрала куб обратно?.. Может быть, колонна – это место передачи? Тогда все сходится!

– Нет. Это тебе хочется, чтобы сошлось. Я вижу сплошные догадки и не собираюсь рисковать...

– Замолчите, оба! Безликие?! – голос Кьяры стал живым и заинтересованным, точно как в тот раз, когда Шани случайно ей позвонила. – Ну почему у вас такая интересная работа?!

– Тяжелая... – вздохнул Иган, с тоской посмотрев на Шани.

– Тяжелая?!

– Явно тяжелее твоей.

– Сказал человек, который не может продержаться ни в одной позе дольше минуты. Попробуй сидеть, ничего не делая, двенадцать часов в сутки, умирая со скуки, а потом, когда вернешься, тебя потащат...

– Вечно ты недовольна! – воскликнул Иган.

– А ты спросил, понравится ли мне одной сидеть в этом чертовом баре и выслушивать сальные намеки, пока ты на сцене купаешься в лучах чего угодно, но точно не славы?!

Кьяра отшатнулась от Игана, красная вспышка волос опалила его кожу. Без ее объятий парень показался таким беззащитным...

– У тебя нет работы? – Шани решила прервать гнетущее молчание. – Ой, я имею ввиду...

– Единственное, что нельзя передавать со станции – это сам факт ее существования! Как часто, по-твоему, Оракул ошибается при проверке исходящего трафика?!

– Не знаю...

– Ни-ког-да. За последний год не припомню ни одной спорной ситуации, в которой потребовалось бы мое участие! Моя единственная задача – помирать со скуки и нажимать на кнопку "Одобрено"! – Кьяра резко замолчала и пристально посмотрела на Шани, вынудив снова отвести взгляд. – Изви-

ни. Ты этого не заслужила. Я хочу участвовать!

– Мы же еще не закончили... – опешил Иган. – В чем ты собралась участвовать?

– Без разницы! Давайте прямо сейчас попробемся в мой офис и повеселимся? Отправим наружу то, что у вас есть?

– Может быть, сначала закончим?..

– Когда вернемся.

– Но будет уже поздно... Мне рано вставать на работу. – еле слышно сказал Иган.

На этот раз глаза потупил он.

– Извини, но предложение Шани звучит веселее. – бросила Кьяра и, спотыкаясь, вышла в коридор.

– Так и пойдешь? В одеяле? – вздохнул Иган и злобно зыркнул на Шани.

Девушке захотелось испариться. Ну почему все, что она делает, выходит так неуклюже?

– Не нравится, как я выгляжу? – рассмеялась Кьяра. – По моему, достаточно сексуально.

Резко развернувшись, она вернулась в комнату, и, вытолкнув Игана наружу, громко хлопнула дверью.

– Извини... – Шани не смогла издать ни звука. Обрисовала слово одними губами.

Уголок рта Игана дернулся, но, возможно, Шани просто слишком хотелось в это верить. Она не успела заметить, была ли это ухмылка, или в изгибе губ мелькнуло презрение, но больше всего на свете сейчас девушка боялась равнодушия.

– Нам тоже нужно переодеться. Если впоследствии что-то случится, и кому-то придется отсматривать видео, не хочу выглядеть таким растрепанным.

Иган вернулся в комнату, оставив Шани в одиночестве. Девушка посмотрела вниз, оценивая свой внешний вид.

Пара пуговиц незастегнута, и их как раз достаточно, чтобы позволить фантазии вспыхнуть и разгореться, но оставить для нее достаточный простор. Девушка все же застегнулась и заправила рубашку в брюки, внимательно осмотрела себя еще раз. Борт топорщился и никак не хотел приглаживаться...

Создатель! Ну как. Можно. Быть. Такой. Неуклюжей! Как можно надеть рубашку наизнанку?! И какой нужно быть душой, чтобы суметь застегнуть ее на все пуговицы, прежде чем осознать это?..

Дверь в комнату Игана приоткрылась, и Шани, на бегу бросив, что вернется через минуту, рванула к себе. Хлопнув так сильно, что с потолка едва не посыпалась штукатурка, девушка, расстегнув только верхнюю пуговицу, сорвала рубашку через голову. Та запуталась в волосах и едва не сняла с головы скальп.

Чертова рубашка! Неужели мало того, что она заставила Шани стоять перед Иганом в таком виде?! Девушка судорожно вывернула ее на лицевую сторону, и натянула обратно. Застегнутая с изнанки рубашка стала выглядеть еще хуже, хотя куда уж хуже?

Глубоко вздохнув, Шани попыталась успокоиться и, договорившись с пальцами, перезастегнула пуговицы. Поправила непослушные соломенные, похожие на гнездо ниата, волосы... Выглядеть аккуратно – это максимум, на который она сейчас способна. Ее ждут. Мельком оглядев себя в последний раз, девушка выбежала в коридор.

Иган и Кьяра стояли рядом, но выглядели очень далеки. Иган был одет как обычно, в песчаную свободную футболку, заправленную в темные прямые брюки, но Кьяра...

Черные чулки с вертикальной полосой посередине. Черное облегающее платье с глубоким вырезом... Пожалуй, чересчур глубоким. Слишком короткое, чтобы скрыть рант, оно едва прятало бледную полосу кожи над чулками, кокетливо выглядывающую при каждом движении. Высокий пучок, пронзенный палочкой для волос, ярко-красные губы и бесконечно длинные стрелки...

Кьяра оделась как шпионка из древнего фильма, вот только, несмотря на общий антураж, изначально костюм служил другой цели. Шани покраснела.

– Ого... – только и смогла выдавить она, в очередной раз потупив взгляд.

– Всего три буквы, но от Игана не дождешься и этого. – буркнула Кьяра, скрестив руки на груди, демонстративно отвернувшись от парня.

– Не понимаю, куда ты так вырядилась. – покачав головой сказал тот.

– Ты же сам сказал, что на видео мы должны выглядеть идеально!

– Тебе не кажется, что это чересчур?

– Чересчур идеально? Что ж, ревность – хоть какая-то эмоция. Давайте быстрее, уже два часа ночи.

Кьяра сорвалась с места и быстрым шагом двинулась по коридору. Запрокинув голову и тяжело вдохнув, Иган оттолкнулся от стены и поплелся за ней, раздраженно качая подбородком из стороны в сторону и бурча что-то себе под нос. Шани шла рядом, но чувствовала себя одиноко.

Кьяра остановилась у поворота и осторожно заглянула за угол. Подав рукой знак на известном только ей языке жестов, двинулась дальше, держась за стену так, словно пыталась просочиться насквозь. Иган закатил глаза и попытался обогнать девушку, но та резко выставила перед ним руку и ускорила шаг.

У следующего поворота ситуация повторилась. Весь путь до лифта Иган прошел практически вслепую, беспрестанно закатывая глаза.

Двери распахнулись, как прожектором выхватив из коридора их затемненные силуэты. Сердце Шани екнуло и перешло на бег.

Лифт ехал бесконечно долго, словно, в целях экономии энергии, ночью лифты намеренно замедляют. Двери расползлись в стороны, обнажив еще один тесный коридор, будто Шани осталась на том же этаже. Будто все зря.

Высунув голову, и внимательно оглядевшись, Кьяра кивнула, снова руками описала нечто нечитаемое и выскользнула наружу. Шани показалось, что жест стал другим, но она не доверяла глазам. Движения Кьяры были слишком четкими и уверенными, да и глаза пялились не на руки.

Шани завистливо осматривала изящную высокую фигуру, надеясь впитать грацию, подражая движениям. Запутавшись в ногах, Шани едва не упала, но руки Игана тут же подхватили ее, вернули в вертикальное положение.

– Ты в порядке? – заботливо спросил он, но в ответ Шани смогла лишь нервно кивнуть.

– Тшш! – шикнула Кьяра, остановившись у очередного поворота.

– Зачем ты шепчешь? – вздохнул Иган. – У нас импланты.

– Тшш! – повторила она и скрылась за углом.

Шани ощутила, что, несмотря на очевидную тесноту коридора, расстояние между этими двумя становится все больше. Не только в физическом плане.

Чем ближе они подбирались к кабинету Кьяры, тем труднее становился каждый шаг. Уверенность улетучивалась. Гнетущая атмосфера недовольства Игана, раздражающая театральность Кьяры и осознание незаконности действий все сильнее сдавливали легкие. Не давали свободно дышать.

– Мы на месте, – прошептала Кьяра, наклонившись к сканеру сетчатки глаза.

– Я же сказал...

– Ты можешь просто заткнуться?! – прошипела она и вошла в кабинет.

Шани невольно сжалась. Она впервые видела Игана таким... Раздраженным? Подавленным? Пожалуй, все вместе. Обыкновенно беззаботный и теплый, как Ханварон, сейчас Иган излучал столько негатива, что мысленный барьер едва сдерживал напор.

Опять все катится к чертям из-за Шани...

– Включи свет. – сказал Иган. – Мы с Шани устали от темноты.

Создатель! Ну зачем упомянул...

– Вы с Шани?! Тогда нужно включить! Конечно, ты мог бы справиться и сам, но, видимо, слишком занят...

– У меня нет прав на включение света в твоём офисе! – воскликнул Иган и утопил лицо в ладонях.

Каким бы ярким ни казался зажегшийся свет, он померк по сравнению со вспышкой яростных зеленых глаз Кьяры. Девушка сидела в мягком бордовом кресле, закинув ногу на ногу и буквально уничтожала Игана взглядом. Шани едва сдержала слезы, и, чтобы никто не заметил, зажмурилась и опустила голову так низко, что подбородок ударился в грудь.

– Давайте материалы, пока никто не заинтересовался, почему посреди ночи в кабинете светло.

– Чтобы счесть наши действия подозрительными, Оракулу не нужен свет. – буркнул Иган.

– Оракул меня не волнует. Для этого у меня есть вы.

– Вряд ли нам позволят судить самих себя.

– Тогда молись, чтобы обвинителями оказались мужчины, это отвлечет их внимание. – поправляя декольте, пролепетала Кьяра. – Если женщины – мы обречены. Вряд ли в Системе найдется еще одна дура, которая клюнет на тебя.

Высоко подняв брови, Иган возмущенно покачал головой.

– У меня нет материалов. Я удалил сообщение сразу после отправки.

– Издеваешься? Не мог сказать раньше? Нахрена тогда мы сюда пришли?! – вскрикнула Кьяра и вскочила на ноги.

– Как быстро ты вышла из образа! – на этот раз Иган повысил голос. – Мне казалось, говорить можно только шепотом!

– Какая теперь разница?!

– У меня есть... – робко перебила их Шани.

Ситуация зашла слишком далеко. Девушка едва справлялась со своими эмоциями, и отгородиться от чужих уже стало невозможным.

– Что? – буркнула Кьяра.

– Материалы...

– Слава создателю! – ноги Кьяры подогнулись, и она, откинув голову на спинку, растеклась по креслу, словно из тела выпарили кости. – Хоть кто-то подготовился! Давай сюда, нужно скорее их отправить... Нет, сначала придется посмотреть, что там. Все-таки, это моя работа!

Кьяра рассмеялась, хоть Шани и не видела ничего смеш-

ного. Атмосфера стала расслабленнее, даже Иган расправил плечи и успокоился. Шани улыбкунулась и отправила материалы Кьяре. Впервые за последние дни Шани ничего не испортила, но впереди ждет еще множество шансов.

Воспользовавшись тем, что Кьяра поглощена материалами, Шани смогла задержать на ней взгляд. Красивая, сексуальная, но на контрасте с бордовым креслом фарфоровая кожа казалась бледнее, чем обычно. В свете искусственных ламп – почти прозрачной.

Если бы не едва заметные движения глаз, не шорох длинных красных ногтей, оставляющих угасающие алые дорожки на предплечье, Шани подумала бы, что каким-то образом убила Кьяру.

Внезапно пальцы Кьяры замерли, движения глаз замедлились и стали вялыми. Только не закатывай глаза... На миг Шани увидела перед собой бледное лицо Номера два.

– От чьего имени отправим? Шани? – воскликнула Кьяра.

Шани подпрыгнула от неожиданности.

– Я новенькая, вряд ли меня воспримут всерьез...

– Я сильно рискую уже из-за того, что пошел у вас на поводу. – процедил Иган, скрестив руки на груди. – Не хочу, чтобы в этом деле мелькало мое имя.

– Но Кьяра убьет меня, если узнает, что материалы отправила я...

– По-твоему, если поставить мое имя, то она не догадается, что ты замешана? – съязвил Иган.

– Я убью вас обоих, если вы сейчас же не определитесь. – пробурчала Кьяра. – Мне становится скучно! И называйте меня Чон. Надоела эта путаница.

Иган покачал головой и отвернулся. Стыд снова опалил щеки Шани: из-за нее все трое так сильно рискуют... Все-таки, Кьяра права. Шани – маленькая эгоистичная дрянь...

– Можешь отправить анонимно? – спросил Иган.

– Могу, но тогда ответ придет всему вашему отделу.

– И тогда Кьяра... – замялась Шани.

– Ответ проходит через службу безопасности?

– Хочешь перехватить ответ? – нахмурившись спросила Чон.

– Чтобы успокоить Шани. – буркнул Иган.

Конечно же, как только предоставился шанс, Шани снова все испортила. Девушка до крови закусил губу, и на мгновение стало чуть легче. Ну почему она не может быть такой, как все?

– Ну уж не ради тебя! – усмехнулась Чон. – Отправила. Присаживайтесь, ждать придется долго. Посмотрим, насколько это легко. Как скоро ты начнешь молить о пощаде костяшки на своей тощей заднице.

Иган промолчал и сполз по стене на пол, обнял колени руками, и, положив подбородок на них, уставился в сторону. Шани последовала его примеру. Под гнетом молчания девушка едва не расплакалась, и, чтобы сдержать слезы, сильно ущипнула себя за бедро. Отрезвляющие приятно.

То ли время тянулось слишком медленно, то ли они действительно просидели так вечность, но, краем глаза Шани начала замечать, что Иган елозит, никак не может найти удобную позу. Сидеть на полу столько времени оказалось неожиданно больно, но, в то же время, на удивление приятно. Боль – наименьшее из того, что заслуживает Шани.

Скучно. Чон улыбалась, пальцами подразнивая свое предплечье, но Шани показалось, что та притворяется, что интерфейс импланта выключен, а улыбка – результат страдающий Игана.

Странные отношения... Если любишь человека, зачем пытаться сделать ему больно? Шани снова ущипнула себя и блаженно улыбнулась. Кажется, она знала ответ.

– На удивление быстро! Ты только нашел удобную позу... – хмыкнула Чон. – В квартире у тебя не особо получалось. Если бы не Шани...

– Хватит! Давайте возвращаться. – Иган тяжело поднялся и принялся разминать затекшие ноги.

– Даже не хочешь узнать, что ответили?

– Это может подождать до утра?! – вскрикнул он.

– Какой ответ?... – спрятав голову в плечи, еле слышно пролепетала Шани.

– Вот она мне нравится! Несмотря на робость, в ней живет дух приключений!

– Я заметил. Вы плохо друг на друга влияете.

– Как скажешь. "Спасибо за предоставленные сведения..."

Бла-бла... К сожалению, собранных данных недостаточно, чтобы сделать выводы. Личность сотрудника засекречена"...

– Получается, все зря... – губы Шани задрожали. Девушка зажмурилась, и плотно сжала их, чтобы унять дрожь, но та, воспользовавшись случаем, охватила все тело. Слезы просочились сквозь плотно закрытые веки.

– Сначала дослушай, а потом будешь реветь. "...Понимая ваши опасения, мы предоставляем вашему отделу неограниченный доступ к камерам данного сотрудника с задержкой в три часа до поступления дальнейших распоряжений... Бла-бла... передавать все собранные сведения..."

– Серьезно?! – взвизгнула Шани и тут же сморщилась от того, каким резким получился звук.

– Хочешь увидеть своими глазами? – улыбнулась Чон.

– Хочешь... посмотреть скрывает ли что-то Безликая?

– Я уж думала, ты не предложишь!

– Вы с ума сошли?! – воскликнул Иган. – Шани, ты не можешь приводить в депривационную кого попало...

– Я теперь "кто попало"?.. – Чон наигранно скривила губы, изображая обиду.

– Не цепляйся к словам. Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Вы серьезно собрались туда прямо сейчас?!

– Ты определись: в депривационную нельзя водить кого попало, или просто прямо сейчас у тебя другие приоритеты. К сожалению, помочь не смогу. Придется справляться самому.

– Идите к черту, вы обе! Я спать.

– Ты же не расскажешь ничего Кьяре?.. – испуганно спросила Шани, но Иган лишь покачал головой, окатил девушку презрительным взглядом и вышел в коридор, напоследок хлопнув дверью.

– Не волнуйся, он ничего не расскажет. Пойдем скорее. Я сгораю от нетерпения!

Миссия Деанонимизация

База Безликих.

Местоположение неизвестно.

На этот раз в переговорной было оживленно, но Безликие сидели кучно, и крайние лавки все равно пустовали.

– Уже третий арест на Ракулае! Мы столько лет развивали агентурную сеть, но скоро придется начинать с начала! – выкрикнул кто-то из середины зала, и голос одобрительным гулом скатился к сидящему внизу Августу.

– Не нагнетай. – Клавдий присел на одну из лавок в пустующей части переговорной. Даже ссутулившись, он занимал столько пространства, что вся секция теперь казалась заполненной. – У нас десятки тайных порталов на каждой планете, десятки порталных кораблей. Арест пары человек ни на что не повлияет.

– Порталы нужны для внезапности атак и возможности срочно эвакуироваться. – говорящий из центра зала поднялся на ноги, и теперь они с Клавдием как раз стали примерно одного роста. – Как быстро мы дискредитируем их все, если начнем использовать по любому поводу?

Август молчал и покачивался в кресле. Казалось, происходящее ему совершенно безразлично, но Феликс знал, что это всего лишь иллюзия. На совещаниях магистр предпочи-

тал слушать, а не говорить, экономить силы и дожидаться, когда у остальных закончатся аргументы и энергия. Последнее слово всегда оставалось за Августом.

– Рейтинги падают много недель подряд. – продолжил Безликий. – Нам срочно нужна маленькая победа. Кто вступит в Сопротивление в нынешних реалиях?

– Некоторые вещи не меняются. – громко усмехнулась Лаура. – Безликие, как всегда, мечтают по-крупному.

– Нас слишком мало, чтобы сражаться с Системой в открытую. – заметил Клавдий.

– Огромный, как воун и трусливый, как воун. – сказал кто-то и по залу прокатились смешки.

– Кто это вякнул?! – Клавдий медленно обвел трибуны взглядом.

Смотреть, как гора разворачивается... было в этом нечто завораживающее. Все равно, что наблюдать за стихией.

– Успокойся, Клав. – Аманда пересела к Клавдию, заблокировав доступ к проходу между секциями. Шумно выдохнув, тот обнял девушку за талию. – Нужно быть очень смелым, чтобы назвать кого-то трусом и, как только запахнет жареным, прикусить язык и затеряться в толпе.

– Для этого мы и носим маски. – пробормотала Лаура, и Феликс толкнул ее локтем в бок, но девушка проигнорировала выпад.

– Испытывать страх естественно для всех живых существ. Даже для воунов. – с улыбкой в голосе сказал стоящий Без-

ликий. – У воунов особое строение глаз, которое увеличивает объекты тем сильнее, чем ближе к краям поля зрения те находятся. Чем мельче противник, тем крупнее и ужаснее для них он выглядит. Возможно, у отца Клавдия был настолько крошечный прибор, что матери приходилось удовлетворять свои потребности с...

Клавдий зарычал и, перешагнув через два ряда наверх, бросился в центральную секцию. Безликие повскакивали с мест и сжались в кучу. У Аманды не было ни единого шанса удержать Клава...

– Довольно. – рявкнул Август, и Клавдий замер в середине движения, как раз схватив за грудки кого-то попавшегося под руку. – Секст, Клавдий – по местам.

– Я убью тебя. – процедил Клавдий, обращаясь к Сексту, но Безликий, которого Клава все еще держал в воздухе, сглотнул так громко, что Феликс услышал звук через весь зал.

– Системе и правда больше не о чем переживать. – сказал Август. – С убийством своих мы справляемся сами.

Клавдий отпустил трясущегося Безликого, и тот тряпкой стек на скамью.

– Системе и без этого не о чем переживать. – буркнул Секст.

– Вам кажется, что мы терпим поражение, но это не так. – голос Августа стал тихим, каким-то образом разрядил обстановку, но сказанные слова вывели Феликса из себя. – Наша стратегия всегда была долгосрочной. Кризис – единствен-

ный убийца корпораций.

– Кризис – лучшая почва для рождения новых. – парировал Феликс, вспомнив слова отца.

Возможно, стоило проглотить язык, заодно утолить голод, но Фел хотел действовать, а не ждать. Гней был прав. несколько дней в проверочной изменят кого угодно.

– Нас слишком мало даже для того, чтобы устроить кризис. Мы всего лишь заложенные в стоимость потери. – усмехнулась Лаура.

– Ты внесла в это свой вклад, мелкая тварь. – бросил Клавдий и, наконец, вернулся на место, даже не взглянув на девушку.

– Нас до сих пор не раздавили только потому, что Безликие не представляют реальной опасности. – сказал Феликс. – Осязаемый враг полезен, неизвестный – опасен. Иронично, что мы называем себя Безликими, правда?

– Если бы знал, что мы собрались поупражняться в остроумии, подготовился бы лучше. – хмыкнул Август, и по залу снова прокатились смешки, на этот раз более уверенные. – Чтобы менять стратегию, сначала нужно продумать новую.

– Что, если она есть? – поза Лауры стала напряженной. Казалось, она вот-вот треснет и рассыпется на мелкие осколки. – Я знаю, как уничтожить Оракул.

Повисла тишина. Лагерь Безликих разделился пополам, одни в ожидании смотрели на магистра, другие взглядом прожигали Лауру. Равнодушных не осталось. Даже Клавдий,

только что отстаивающий консервативную стратегию, обернулся к Ла.

Феликс почувствовал, что от нахлынувшего волнения ладони похолодели, стали липкими. Уничтожение Оракула – неплохой способ отомстить Ишшаю Кассео, но после трех дней такая месть уже не могла полностью удовлетворить.

– Продолжишь, или тебе нужно особое приглашение? – спросил Август.

– Принято считать, что уничтожить Оракул невозможно. Якобы он существует на тысячах узлов, и система продолжит функционировать, пока из строя не будут выведены все. – робко начала Лаура, но голос звучал все свободнее и увереннее с каждым сказанным словом. – Стратегическая важность Оракула играет против него – существует всего пять-семь космических станций, на которых размещены полноценные копии.

– И какого хрена ты говоришь об этом только сейчас?! – рявкнул магистр.

– Я впервые услышала об этом... – Лаура замялась и посмотрела куда-то вверх и в сторону. – ...от Ранеи Тассин. И я бы сказала раньше, но во время последнего разговора вы не дали вставить ни единого слова.

– И давно мы считаем членов Верховной Ассамблеи надежными источниками? – спросил Клавдий.

– Ранея и Ишшай никогда не ладили. – Феликс почувствовал, как внутри разгорается нетерпение. – Тебе известно рас-

положение станций?

– Никому не известно. Только станции знают расположение друг друга и сами иницируют контакт с центральным узлом. Скорее всего, полной картиной не имеет ни одна из них. С точки зрения безопасности в этом нет смысла: каждому узлу достаточно знать координаты двух других, тогда система сможет пережить потерю любого.

– Тогда нахрена ты вывалила на нас все это?! – выпалил Клавдий.

– Раз в час, если ничего не поменялось, на станциях открываются нанопорталы для обмена данными, и станции синхронизируются. Чтобы “Денорен” могли использовать Оракул, как минимум один из узлов должен быть открытым, связанным с миром.

– И что ты предлагаешь? – Август пытался выглядеть спокойным и безразличным, но барабанившие по подлокотнику пальцы выдавали его.

– Если удастся узнать местоположение открытого узла и проникнуть туда в момент синхронизации, можно заставить подключившуюся станцию отправить свои координаты. Повторив ту же операцию на скомпрометированной станции, мы узнаем координаты еще двух...

Август взорвался хохотом.

– Прекрасный план! – сквозь смех выдавил он. – Поочередно внедриться на несколько станций, расположенных черт знает где и, наверняка, не имеющих на борту порталов,

и пробыть там достаточно долго, чтобы уничтожить их одновременно, пока в “Денорен” не спохватились и не отключили скомпрометированные узлы от системы. Нужно будет выдать вам спальники. Все-таки, путь до некоторых станций может занять недели.

– Пока это не похоже на план, но я вижу возможность. – сказал Секст.

– Единственная возможность, которая тебя интересует – это возможность занять кресло магистра. – буркнул Клавдий.

– Сэр, что если мы вдвоем проверим догадки Лауры? – от нетерпения Феликс не смог усидеть на месте и вскочил на ноги.

– Стремление к смерти абсолютно естественно для твоего возраста, но орден сейчас не в том положении, чтобы разбрасываться людьми. Даже такими... проблемными.

– Нам все равно нужно на Ракулай, сэр. – пробормотала Лаура.

– Не припомню, чтобы давал вам право самостоятельно выбирать миссию.

– Дело в том, что Терция должна была оставить куб в Нантане... И, возможно, Харон Церра, агент, которого арестовали...

– Клянусь, если ты скажешь еще хоть слово, я лично придушу тебя! – заорал Август. – Даю вам последний шанс все исправить. Если вернетесь с пустыми руками...

Причина большинства трагедий – неумение вовремя признавать поражение. Перед вылетом на шаттл зашел Гней, и слова, сказанные им в напутствие, не выходили из головы.

Иногда Гней все-таки покидал смотровую. Ошибаться в людях иной раз бывает приятно: у Безликих не было времени заскочить в столовую, но благодаря Гнею, Феликс реализовал второе из трех своих желаний.

Набив рот пастой, которая показалась даже вкуснее ранты, Безликий медленно скатывался в сон, наблюдая за застывшими на видеопроекции звездами. До портала оставалось семь часов полета.

– Ненавижу бездействие – Лаура вскочила с кресла и принялась расхаживать из стороны в сторону. – Как думаешь, Харон действительно тот самый агент, который должен был забрать куб из зоны передачи? Надеюсь, мы успеем раньше полиции.

– Невозможно повлиять на время полета. Лучше поспать пока есть возможность. – невнятно пробормотал Феликс. Жевательные мышцы, уставшие от борьбы с пастой, противно ныли, не желая участвовать в разговоре.

– Почему ты пошел со мной?

– С тобой сейчас безопаснее, чем на базе.

– В прошлый раз ты думал иначе.

– Что ты хочешь услышать? На базе не было другого шаттла, а ждать следующий – слишком рискованно.

– По крайней мере, честно. – хмыкнула Лаура. – Знаю, что Август запретил, но я все равно проверю свои догадки насчет Оракула. Нужно проникнуть в “Денорен” и попытаться узнать местонахождение открытого узла. Я не откажусь от помощи. Сказать по правде, в моем списке напарников ты на последнем месте.

– Надеюсь, в нем только одно имя?

– Мне нужен твой имплант.

– Чего? – Феликс развернулся в кресле. Дрема схлынула так быстро, будто разгерметизировали шлюз.

– Это не обычный боевой вылет. – зараторила Лаура. – Надо проверить станцию, где Терция оставила куб. Если его там не окажется – проникнуть в космопорт. Да и насчет Оракула... Я не знаю точно, что искать. Ты же не собираешься разгуливать в масках по всему Нантану?

– На корабле я планировал разделиться.

– Поодиночке у нас мало шансов на успех.

– И что ты предлагаешь? Открыть друг другу лица? Даже если не брать в расчет то, что это запрещено правилами, оставить за скобками то, что это попросту опасно, в списке тех, кому я готов показать лицо, тебя нет вообще.

– Прозопагнозия. – Лаура остановилась, кивнула сама себе и снова продолжила мельтешить.

– Что? – из-за невесомости голова Феликса и так кружи-

лась. Наблюдать за Лаурой было пыткой.

– Неспособность распознавать лица. Хочу попробовать перепрограммировать импланты, чтобы мы не могли запомнить лица друг друга.

– Кем же ты была в прошлой жизни? – Феликс развернулся обратно к панели управления и уставился в неподвижные проекции космоса. Из-за отсутствия близких объектов они казались нереалистичными, напоминающими скорее картины, чем видео с наружных камер. – Не хочу, чтобы ты копалась у меня в голове. Не уверен, что среди твоих многочисленных талантов найдется еще и медицинский. Ты слишком молода.

Лаура тихонько хмыкнула.

– Тысячи лет развития косметологии, сотни – пластической хирургии и исследований в области биogerонтологии, и все тщетно. От мужчин все еще не скрыть реальный возраст даже под маской.

– Я серьезно, Ла. Мне не нравится твоя настойчивость.

– Я справлюсь. Да и вариантов нет. – Лаура вернулась в свое кресло и развернула Феликса так, чтобы заглянуть в глаза. Как будто в масках это имело какое-то значение. – Имплант крохотный, не толще пары миллиметров в диаметре, и находится прямо под кожей. Его легко можно заменить. Он считывает электроды-стенты в твоём мозгу... Вот с ними ничего не поделать, но нам и не нужно. Они лишь передают и принимают сигналы. Интерпретацией занимается имплант.

Феликс не мог доверять Лауре, уж точно не после того, что случилось на Шивартане. Безликий снова чувствовал себя в клетке. Лишенным выбора. Он до ужаса ненавидел это чувство, которое испытывал от необходимости раз за разом повторять проверку. Еще девственные воспоминания о последних трех днях заставили содрогнуться, но, в то же время, сделали цель яснее.

– Почему ты сомневаешься? – спросила Лаура.

– Серьезно? Ну да, если подумать, у меня нет ни одной причины. Наверное, я просто боюсь, что после трех дней без сна мое лицо выглядит немного помятым.

– Не переживай. Я все равно не запомню.

– Тогда лучше начать. Если что-то неизбежно – лучше сделать это скорым.

Лаура резко оттолкнулась от кресла и поплыла к люку в грузовой отсек. Снизу раздался звон ящиков и предметов. Феликс старался не думать, о том, что будет дальше, но бездушное статичное пространство снаружи не позволяло отвлечься. Наконец, Безликий услышал тяжелое дыхание за спиной.

– Громко считай до трех.

– Раз... – начал было Феликс, но что-то вгрызлось в затылок, вырвало, судя по ощущениям, кусок плоти размером с кулак. – Твою мать! Ты же сказала до трех!

Безликий вскочил на ноги и схватился за уязвленное место. Лаура убрала имплант – продолговатую тонкую капсулу,

не длиннее ногтевой пластины, напоминающую скорее иглу – в карман и протянула Феликсу странный белый пистолет, не похожий на боевой.

Конусообразный ствол, похожий на лазерный, но слишком узкий для боевого: луч выйдет не толще миллиметра. Колено на конце, по всей видимости, позволяло двигать лучом вверх-вниз без необходимости шевелить рукой.

Лаура повернулась спиной и обеими руками подняла волосы, оголив тонкую бледную шею.

– Моя очередь. – пробормотала она.

– Что это?

– Пистолет для имплантации. Довольно древний. Направь его на затылок с небольшого расстояния – сантиметра будет достаточно – и води, пока не загорится зеленый светодиод. Зафиксируй руки крепче и нажми большими пальцами на кнопку в задней части. Пистолет разрежет кожу лазером, вытянет имплант и запаяет рану. Главное, не шевели руками. – Лаура задержала дыхание. По ее коже пробежало напряжение, скопившись в потяжелевших задрожавших плечах. – Насколько это больно по шкале от одного до десяти?

– Три. – прошептал Феликс и, одновременно, что есть силы вдавил кнопку.

Брызги крови застыли в воздухе крохотными сферами, словно время остановилось. Лаура вскрикнула и схватилась за затылок:

– Вот почему их больше не используют!

Девушка вырвала пистолет из рук Феликса и нажала на боковую кнопку. Вылетевший имплант угодил прямо в раскрытую ладонь.

– Можешь поспать пару часов, пока я ковыряюсь.

– А как же ты? – спросил Феликс, но больше из вежливости. Заветное разрешение сделало свое дело: веки стали неподъемными, а тело, казалось, держится в вертикальном положении из последних сил, даже несмотря на отсутствие гравитации.

– Мне в последнее время не спится.

Скрестив ладони на затылке, Фел откинулся в кресле. Кожа на голове и так саднила, но мысль о том, что имплант придется вернуть на место, не давала забыть о боли. Лаура уселась рядом, переложив один из имплантов в адаптер и принялась тарабанить пальцами по предплечью.

Слишком похоже на дождь. Феликс закрыл глаза.

– Думаю, можно попробовать. – задумчивый голос Лауры просочился сквозь сон и выдернул Феликса в суровую реальность.

Головная боль напомнила, что короткий сон – всегда плохая идея. Особенно – в кресле. Тем более – в невесомости.

– Надеюсь, ты не перепутала импланты? – Безликий размял затекшую шею, отозвавшемуся приятной ломотой.

– С подачи чьей-то легкой руки, мой выглядит так, будто участвовал в уличных боях.

– Извини.

– Все в порядке. При имплантации постараюсь засадить тебе как можно глубже.

– Это должна быть моя реплика. – усмехнулся Феликс.

– Размечтался. Прижми пальцами к затылку. – Лаура сунула адаптер Фелу в ладонь и встала напротив. – Сначала проверим.

Девушка коснулась маски и замерла. Мгновение спустя сорвала ее и отшвырнула в сторону, отправив скитаться по лабиринту из бесконечных столкновений, утопающих в грохоте сердца в висках.

Белые волосы разметались в стороны. Ярко-синие испуганные глаза вмерзлись в Фела, вынудив задержать дыхание. Редкие веснушки рассыпались по фарфоровой коже. Тонкая нижняя губа побелела, зажатая между рядами аккуратных зубов...

– Насмотрелся? – поморщившись, спросила Лаура.

– Дай мне еще пару секунд.

Девушка скользнула пальцами по предплечью, и наваждение рассеялось. Изысканное лицо исчезло. Перестало существовать. В точности как лицо отца.

Нет, Фел все еще различал отдельные черты: тонкий нос с едва различимой горбинкой, угловатые, чуть вздернутые, брови, но стоило только отвести взгляд, отвлечься на прямые

губы, как увиденное утекало из памяти, оставляя зудящую пустоту.

– Получилось? – робко спросила Лаура.

– Бесконечное жамевю. – пробормотал Феликс. – Я будто попал во временную петлю.

– Надеюсь, это не худший вариант петли. Осталось проверить мой имплант. А потом я, все-таки, засажу тебе.

Пару часов спустя шаттл трянуло. Феликс потер раздраженные глаза.

Лаура выглядела немного дезориентированной, по всей видимости, к концу полета ей все уже удалось уснуть. Так странно: запомнить ее лицо было невозможно, но, тем не менее, при каждом взгляде происходило узнавание. Каждый раз Фел точно понимал, что перед ним Лаура, но не потому, что кроме них на шаттле никого не было.

На случай незапланированной встречи на маршруте, Безликие все же нацепили маски. Вышли из шаттла. Самоходная батарея высотой с человеческий рост, управляемая мысленными командами Феликса, выехала следом.

На порталном корабле было пусто. Схватившись за поручень, Лаура вбила координаты пункта назначения. Корабль устремился в сторону, синхронизируясь с траекторией и скоростью движения Ракулая. Как только ускорение перестало

пытаться оторвать Феликсу руки, из середины портала к краям побежала оранжевая волна, обнажая темное помещение, гравитация потянула желудок вниз. Хуже невесомости были только моменты перехода из нее и обратно.

– Ну и где мы? – спросил Феликс.

– Зброшенный склад в пригороде Нантана.

– В пригороде? Спасибо, хоть не на Шивартане.

– Я не знаю порталов ближе к центру. – буркнула Лаура. – Да и в пригороде почти нет людей, а значит и камер существенно меньше.

– Будем надеяться, что полиция нас дождется.

– Пустить датакуб по рукам было твоей идеей. – Лаура перешла в грузовой отсек. На пол гулко посыпались элементы брони. Улыбнувшись, Феликс последовал ее примеру и отстегнул наплечники и нагрудник.

Девушка вернулась уже в городской одежде: асимметричных кремовых шортах-юбке, оголявших левую ногу, но закрывавших правую почти до самой голени, кроп-топе и черной накидке с широким горлом и воротником-стойкой, оставляющей узкую белоснежную полосу пресси.

– В таком виде лучше было высадиться поближе к центру. – хмыкнул Феликс, заходя в грузовой отсек. Наконец-то он мог избавиться от серого и надеть что-то не пытающее свести с ума.

– Мы не на Дамараке. Не знаю, как давно ты бывал в пригороде, но рабочий день уже начался, а сюда возвращаются

только чтобы поспать. Либо вообще не выходят из дома.

Когда Феликс закончил, Лаура уже ждала на другой стороне. Фел мысленно направил батарею вперед и преодолел окно следом. Лаура проверила уровень энергии, кивнула и закрыла портал.

Безликие вышли на улицу, и Аэрдэн принял их в свои оранжевые объятия. Чувствовать горячие лучи на лице было приятно, но Феликс знал, что скоро его настойчивость начнет раздражать.

Сухой воздух отдавал пылью. Лаура права: Феликс редко забирался так далеко от центра. Разбросанные посреди пустыни унылые серые коробки, почему-то называемые домами, вгоняли в тоску не хуже, чем коридоры на базе.

– До сих пор не могу поверить, что на Ракулае есть места, где живут вот так. – Лаура огляделась, и, не заметив ничего угрожающего или подозрительного, зашагала по улице. – И это всего в паре сотен километров от центра столицы.

– Чем привлекательнее фасад...

– Тем отвратительнее то, что внутри. Ну что, станция “Тарла”?

– Читаешь мои мысли. Рядом со станцией есть чудесный ресторан.

– Как ты можешь сейчас думать о еде?! – возмутилась Лаура, свернув за угол. – Гней скормил тебе тройную порцию пасты.

– Семь часов назад. – парировал Феликс. – Да и пасту

сложно назвать нормальной едой.

– Извините, что не соответствуем вашим стандартам, господин. Может вам стоит перевести на базу личного повара?

– Было бы неплохо.

Несмотря на утро, дорога раскалилась почти докрасна. Возможно, такой оттенок придавал вездесущий песок, но мозг дорисовывал то, что раздражало больше всего. Жара. Феликс ненавидел климат Нантана, терпимым он становился лишь в самом центре.

Безликий отлепил пропитавшуюся потом рубашку от спины и несколько раз встряхнул ткань, пытаясь вызвать хоть малейшее движение воздуха. Расправил образовавшуюся спереди поперечную складку, но на ее месте уже образовался тошнотворный залом.

В это захолустье даже не проложили магистраль! Корпорациям плевать на тех, кто не может позволить себе квартиру в городе. До ближайшей станции Безликие добрались только спустя час. То ли никто из местных не мог позволить себе билет, то ли все, кто хотел, уже добрались до города, но вокруг не было ни души. Ни единой капсулы. Феликс мысленно подключился к интерфейсу станции и заказал капсулу до "Тарлы".

– Что, если на станции пусто? – спросила Лаура. – Его квартиру наверняка уже перевернули вверх дном.

– Не думаю, что он хранил куб в квартире. Съездим к нему на работу.

Дорога от портала до ближайшей станции заняла час. Двести километров до “Тарлы” – считанные минуты. Поразительное неравенство.

Даже если Терция, которую с последней встречи никто не видел, и оставила датакуб на станции, больше его там не было. Безликие обыскали каждую колонну, а некоторые и по нескольку раз.

Добравшись до станции под космопортом, они вышли на улицу. Точнее, их вынесло наружу гудящим потоком людей. Феликс вынырнул из толпы и прижался к стене, задрал голову, силясь осознать высоту здания. Космопорт каждый раз поражал воображение: здание было перестроено, когда Ишшай Кассео стал членом Верховной Ассамблеи от Ракулая, а он любил пускать пыль в глаза.

Здесь воплотилось все ракулайское стремление к гигантизму. Три шпиля терминалов вспарывали небо, вонзаясь в редкие куцые облака. Облицованные камнями сложных форм, фактур и размеров стены отражали свет под разными углами, переливаясь от малейшего изменения точки обзора. Вокруг здания пылали кроны разбегающихся в стороны деревьев. Пели птицы, перекрикивая голоса пассажиров.

Станция магистрали находилась прямо под космопортом, то есть никакой необходимости подниматься на улицу, что-

бы оказаться внутри, не было, но Феликс стоял, прижавшись к стене, а обтекающие его люди заворуженно пялились по сторонам. Оценить красоту здания можно было только снаружи, а оценить по достоинству – разве что из космоса.

– Судя по новостям, нам нужен грузовой терминал "Шао". – Лаура схватила Феликса за руку и потянула вдоль здания против течения толпы. – Давай немного ускоримся, пока ты не свернул себе шею.

– И чем я заслужил такую заботу?

– Ничем. Просто мертвым ты будешь бесполезен.

Под ногами шуршали каменные плиты. Безликие свернули за угол, и толпа заметно поредела.

Терминал "Шао" оказался оцеплен. Черно-оранжевая полицейская форма, дразня, мельтешила перед глазами. Возможно, по отдельности и Фел, и Лаура могли воспользоваться связями в реальном мире и проникнуть внутрь, но Безликие точно не могли пройти вместе. Не могли дать друг другу больше информации. Они открыли друг другу лица, но полная деанонимизация – это слишком.

– Боюсь, все же придется разделиться. – словно прочитав мысли, пробормотала Лаура.

– Ты знаешь, как попасть внутрь?

– Есть одна идея.

Несколько полицейских вышли из терминала, отрицательно покачав головой. Похоже, датакуб все еще не нашли.

– А в "Денорен"? – спросил Феликс.

– Да.

– В таком случае, тянем жребий. Проигравший едет в "Денорен".

Создатель Нового Оракула

Вот угораздило же переселиться из одной дыры в другую! В мире, где путешествие через весь город длится минут пять; в мире, где дорога на противоположный конец планеты займет максимум пару часов; в мире, где, благодаря порталам, маршрут в несколько световых лет от Дамарака до Ракулая обходится в те же несколько часов, Далая была вынуждена два часа плестись от дома до ближайшего спуска к магистрали.

Аэрден буравил взглядом спину, похотливо лапал бедра, каждым касанием оставляя алые клейма. Казалось, еще несколько минут, и он вплавит девушку в дорогу. Трагичная смерть: брошена в жерло новой революции. Карот обещал заехать утром, но перенес место встречи на станцию. Да и что это, черт возьми, за утро, если Аэрден уже час как прошел зенит?!

Скучный бетон под ногами наконец закончился, уступил гулким каменным плитам. Цивилизация. Далая устало подняла голову и обернулась. Девушка любила стоять в этом месте, на границе между мирами. Позади осталась унылая бетонная пустыня, впереди – феерия красок.

Легковесные стеклянные кубы на тонких ножках, наставленные друг на друга в малоэтажные конструкции, кокетливо выглядывали из-за крон разноцветных деревьев. Даже

в полдень растений было больше, чем людей, словно они и являются истинными хозяевами Нантана. Далая нырнула в тень одного из зданий и вошла в лифт на станцию.

Стеклянная конструкция двинулась вниз. Заиграла приятная музыка, прохладный воздух ласково протер лицо от пота. Оранжевый свет Аэрдена, мягко струящийся сквозь полупрозрачную крышу, тускнел с каждым мгновением, уступая узору из картин на стенах шахты. Всюду начала мелькать реклама, и Далая выключила линзы, раздев стены до скучного бетона. Картины оказались голограммами, очередной фальшивкой. К тому же, Дюро.

Далая вышла из лифта. Карота нигде не было. Девушка поежилась, возможно, от нервов, но, вероятнее, от резкого перепада температур. По руке пробежали мурашки. Песчаные, обычно струящиеся, капри противно облепили вспотевшие ноги. Далая двинулась мимо парковочных мест в сторону остановки городского транспорта.

Несколько восьмиместных капсул набирали пассажиров, но Карота не оказалось и среди них. Чья-то рука легла на плечо, и Далая, инстинктивно отдернувшись и развернувшись, ударила туда, где должно было находиться лицо. Выпад пришелся Кароту в грудь, и девушка испытала странную смесь облегчения и разочарования. Все-таки, удар лицо пришелся бы весьма кстати.

- Думаю, я это заслужил... – Карот вымученно улыбнулся.
- Подумай еще раз. Так легко тебе не отделаться.

Далая отряхнула плечо, казавшееся теперь грязным. Карот вздохнул и отвернулся. Длинный черный жилет, тот же, что и в прошлый раз, придавал ему слегка траурный вид.

На футболке под жилетом снова был Дюро, хоть и другая картина. Массовое помешательство. Людей всегда больше интересовали сами личности, а не их реальные достижения, но о Дюро неизвестно ничего, кроме имени. Неужели в этом и есть секрет популярности?

– Я припарковался неподалеку... – пробормотал Карот.

– У тебя личная капсула? – от нахлынувшего возбуждения Далая даже немного согрелась.

– Я же сказал, что довольно знаменит. Ха-ха! Как тебе моя футболка? – Карот остановился и развел руки в стороны, отчего швы подмышками натужно заскрипели.

– Поговорим в капсуле. – Далая потеряла окоченевшую руку, но тепло от прикосновения мгновенно рассеялось.

– Я купил права на эту картину на год.

– Проще было вывести состояние банковского счета на лоб. Получилось бы более эффективно и менее безвкусно.

– Так ты все-таки знаешь Дюро?! – обрадовался Карот.

– Попалась. – Далая вскинула руки. – Как я могла забыть, что Дамарак – бескрайняя серая пустыня, куда не ступала нога нормального человека? Откуда там могут знать Дюро? Видимо, один из нас на самом деле никогда не бывал на Дамараке.

– Кстати об этом...

– Тебе не удалось получить пропуск?

– Удалось, но...

– Тогда поговорим в капсуле.

Внутри было тепло и влажно. От застоявшегося запаха пота немного закружилась голова. Два мягких глубоких дивана из бордового бархатистого велюра, стоящие друг напротив друга, поманили к себе, и Далая плюхнулась в один из них и с наслаждением прикрыла глаза. Ноги благодарно загудели.

Карот вошел с другой стороны и пристроился рядом. Раздраженно выдохнув, Далая пересела напротив.

– Вот мы и в капсуле...

– Здорово, а что это такое? – саркастично спросила Далая. – На Дамараке таких нет. Это вагонетка? Похоже на вагонетку, только с диванами. Мы передвигаемся на таких по нашим шахтам. Один едет, а двое бегут рядом и толкают вперед. Может выйдешь и начнешь толкать, или для этой цели ты держишь парочку дамаракских рабов? Я не возражаю. Главное, чтобы мы, наконец, начали движение в сторону офиса!

– Я же извинился! – воскликнул Карот.

– Как это работает в твоей голове?! Теперь ты, видимо, заслужил награду? Хочешь, чтобы я снова сделала так? – Далая забросила ноги на диван и просунула их Кароту между

бедер.

Его дыхание участилось, стало неровным. Девушка протолкнула ноги еще немного вперед, уперлась в пах...

– Х-хватит...

– Какой ты сегодня застенчивый! Давай пройдемся по списку. Пропуск в офис “Денорена”? – Далая прикусила губу и усилила напор.

– Есть, но... – голос Карота стал тонким и пронзительным, похожим на визг ратанша.

– Эксклюзивные права на репортаж?

– Я сказал, что ты моя девушка... – просипел он и вцепился в ногу Далаи.

– Чего?..

Далая смутилась и ослабила давление. Дыхание Карота выровнялось, лицо облегченно обмякло.

– Я оформил тебе пропуск для членов семьи.

– А права? – Далая постаралась звучать так же уверенно, как раньше, но с трудом сдерживала нахлынувшее разочарование. Воспользовавшись слабостью, Карот принялся поглаживать ее голень, и девушка тут же выдернула ногу.

– Извини... Я покажу и расскажу все, что знаю. – парень потупил глаза, и Далая пожалела, что слишком рано убрала оружие от его достоинства. – Не думаю, что другие откажутся рассказать о своей работе...

– Поехали уже.

Карот кивнул и застучал пальцами по предплечью. Его

глаза остекленели, а выражение лица, и так никогда не казавшегося притягательными, стало идиотским. Ну а как еще может выглядеть смотрящий внутрь?

– Создатель, у тебя еще и имплант? – Далая надула щеки и шумно выдохнула.

– Было бы странно, если бы, работая в самой инновационной компании в Системе, я все еще использовал линзы.

– Странно кичиться тем, что добровольно раздариваешь последние крупички свободы.

– Свобода – это хаос. – парировал Карот. – К тому же, импланты оставляют столько же свободы, сколько линзы.

– Я могу выключить линзы, но можешь ли ты поступить так же с имплантом? Он работает всегда. Даже когда ты...

– Буду через пятнадцать минут, господин... – внезапно затараторил Карот. Даже в полумраке капсулы Далая заметила, как побледнело его лицо. – У меня... э-э-э... важная встреча.

Девушка улыбнулась. Здорово, что он понимает ее важность.

– Не могу точно сказать, господин... Данные удаляются через неравные промежутки времени. По мере заполнения хранилища...

И без того бледное лицо Карота посерело, утратило цвет. Он вел себя так, будто на другом конце находился сам Ишшай Кассео. Далая с трудом сдержала смешок.

– П-примерно пару недель, господин... – пробормотал

Карот, еле удерживая под контролем дрожащую челюсть. – Вряд ли там найдется что-то стоящее, но я попробую поискать всех, кто с ней связан и посмотреть, нет ли у них...

Карот зажмурился и вжал голову в плечи. Замер, как прикидывающееся мертвым травоядное, но, спустя несколько секунд шумно выдохнул. Его лицо расслабилось, тело обмякло, стеклянный взгляд смягчился, ровно как в момент, когда Далая убрала ногу от его причиндалов.

– Кто это был? – стараясь звучать как можно более безразлично спросила Далая.

Карот промолчал.

Двери капсулы закрылись. Оторвавшись от земли, капсула нырнула в шахту и застыла в крошечной тьме. Спустя бесконечную минуту ожидания возобновила движение и вылетела на магистраль.

Далаю вдавило в спинку дивана. Свет от переливающегося разными цветами тоннеля резанул по глазам. Вытянулся в полосы.

Капсула бешено неслась по полосе разгона, не касаясь ни дна, ни верха тоннеля, отталкиваясь от них магнитными панелями. Набрал максимальную скорость, вылетела к центр, чудом не столкнувшись с другими капсулами. Далая знала, что за десятилетия существования магистрали не произошло ни единой аварии, но все равно зажмурилась.

Через несколько минут капсула двинулась к краю тоннеля, вышла на полосу торможения, и, практически остановив-

шись, провалилась глубже под землю, на перпендикулярную линию.

Все повторилось. Резкий разгон, пара минут безмятежности и торможение.

– Никогда к этому не привыкну. – пробурчала Далая. – Могли бы раскошелиться на портал.

– Это нерентабельно.

– Мы в Нантане. Посмотри вокруг, какая к черту рентабельность? – бросила девушка, и, дождавшись разблокировки двери, выскользнула наружу.

Деревья, фонтанами бьющие прямо сквозь черные мраморные плиты пола. Клумбы вдоль пешеходных дорожек между парковочными местами. Щebet невидимых птиц. Скорее всего, очередная иллюзия. Далая будто оказалась сразу на поверхности.

Массивные колонны с барельефами разбивали парковку на квадратные зоны. Девушка никогда еще не видела столько капсул в одном месте.

– Вам запрещают работать из дома?

– Конечно! Чем мы по-твоему здесь занимаемся?

– Не знаю. Следите за людьми? Выдаете чужое прошлое за свое?

– У меня же не будет проблем из-за тебя?.. – пролепетал Карот.

Испуганный, без идиотской высокомерной маски, парень нравился ей больше. Все-таки приятно срывать покровы, об-

нажать истинную сущность вещей. В этом всегда находится что-то удовлетворяющее.

– У тебя будут проблемы, если меня не пустят внутрь. – улыбнулась Далая. – Перешли мне пропуск.

– Он тебе не нужен. Ты моя девушка. Можешь приехать в любой момент, сказать, что ко мне, и тебя пропустят...

– Дай. Мне. Пропуск. – сквозь зубы прошипела Далая.

Эхо зловеще прошелестело по парковке. Проходящие мимо люди уставились на Далаю, но девушка не смутилась. Расправила плечи, чуть наклонила голову в сторону, постаралась принять свою самую уверенную позу, желательно, как можно более сексуальную. Далая привыкла, что на нее пялятся. Внимание подпитывало не хуже еды, тем более, что с едой в последнее время были проблемы.

– Хорошо, только не кричи... – прошептал Карот. – На нас все смотрят.

– Думала, тебе нравится внимание.

Карот застыл и несколько раз провел пальцами по предплечью. Далая покачала головой: крутить кольцо гораздо естественнее. По крайней мере, выглядишь при этом не так глупо.

– Отправил.

– Спасибо, любимый. Думаю, все пялятся не на нас, а на тебя. До сих пор не могут поверить, какая знаменитость работает с ними в одном здании.

Развернувшись на пятках, Далая двинулась в сторону по-

ста охраны, оставив Карота позади. С пропуском он больше не был ей нужен. Дорогу она способна найти сама.

Охранник смерил девушку безразличным взглядом, и отвернулся, продолжив сверлить взглядом пустоту. С каждым шагом стопы наливались свинцом, а уверенность уходила под землю.

Турникет выглядел угрожающе. Далая коснулась его кольцом. Сердцу стало тесно в груди. Ноги подкосились. В ушах засвистело...

Створки нехотя распахнулись. Девушка с облегчением улыбнулась, и, мигнув избавившись от кандалов, побежала к лифту.

Карот нагнал ее уже внутри, в момент, когда двери начали закрываться. Стало душно и тесно. Парень хотел что-то сказать, но Далая демонстративно отвернулась. Лифт оторвался от земли.

Стены шахты, так же, как и на многих других станциях, были разукрашены полотнами, вот только эти полотна были настоящими. По крайней мере, казались.

Лифт остановился. Пятнадцатый этаж. Один из последних этажей самого высокого здания в Нантане.

В гигантском помещении снаружи не было ни единой перегородки. Ни единой колонны. Ни единой опоры. Невесомые, неестественно прозрачные окна взвалили на себя кажущуюся невыполнимой обязанность удерживать верхние этажи. С некоторых ракурсов казалось, что нет и стекол, но

мозг отказывался верить в это, дорисовывая несуществующие блики на невидимой поверхности.

Далая все еще немного нервничала, но сегодня ее воля была так же нестигаема, как эти окна. Девушка уже представляла наметки будущего репортажа, и вряд ли что-либо могло теперь ее остановить. Далая подняла голову вверх... и от шока потеряла контроль над нижней челюстью.

Монструозно величественная мозаика завладела всей безграничной поверхностью потолка, впиалась в глаза монументальными ручищами, не давая отвести взгляд. Угрожая ослепить. Калий Тоссе, “Гибель цивилизации”. Та же картина, что была вытатуирована на груди парня из ресторана.

От нахлынувших воспоминаний девушке стало стыдно, грязно и, в то же время, приятно, как бывает, когда касаешься чего-то запретного. Как можно всерьез засматриваться на попсовые полотна Дюро, работая под каждодневным взглядом чудовища на потолке?

– Удивительно рентабельный потолок! – воскликнула Далая, и, усилием воли, смогла отвести взгляд, вернувшись к окнам. К сожалению, они не показывали ничего, кроме ясного неба.

Большинство зданий в Нантане не превышали трех-четырёх этажей. Далая решила подойти ближе, оглядываясь по сторонам, стараясь удержать внимание хоть на чем-то, и, при этом, не свернуть шею.

Повсюду расцветали речные оазисы из различных пород

древесины. Внутри каждого стояли рабочие столы причудливых форм, из центров которых фонтанами били деревья. Интерьер станции под зданием не шел ни в какое сравнение с тем, что теперь окружало Далаю.

Добравшись до окна, девушка выглянула наружу, надеясь...

Она сама не знала, на что надеялась. Вряд ли в Нантоне, а может и на всем Ракулае существовало здание прекраснее офиса “Денорен”. Возможно, космопорт. За стеклом Далая не увидела ничего особенного. Развернувшись, девушка поймала зачарованный взгляд Карота, статуей застывшего возле лифта.

Шахта артерией проходила сквозь центр помещения. Оранжевый свет Аэрдена, равномерно разлитый по этажу, преломлялся сквозь ее прозрачные стенки, вычерчивал на полу длинную радужную стрелу, касающуюся первого ряда из двенадцати оазисов, расположенных по кругу на одинаковом расстоянии друг от друга. Будто циферблат гигантских часов.

Далая, как девчонка, подбежала к лучу, подставила ладони под свет, наблюдая, как тот играет складками ее одежды...

– Красивая, но в каком захолустье ты ее откопал? – тонкий высокий голосок, нарочито более громкий, чем нужно для разговора тет-а-тет, принадлежал возникшей рядом с Каротом миниатюрной блондинке.

Блондинка улыбнулась, обнажив ряд жемчужных зубов с легким голубым свечением эмали. Интересный цвет, но Далая предпочитала сиреневый. Несмотря на улыбку, пристальный взгляд синих глаз окатил холодной водой, Далая почувствовала неловкость от своего глупого поведения.

– Дорогая, это...

– Анла, но здесь я больше известна как чокнутая бывшая Карота. – вскинув голову, блондинка засмеялась, но жесткая волна ее белых волос осталась практически неподвижной.

– Стесняюсь спросить: как ты заслужила дурную славу? – пытаюсь растопить ледяной взгляд, Далая улыбнулась своей самой дружелюбной улыбкой.

– Она...

– По легенде, Карот бросил меня, потому что такому видному мужчине нужна девушка получше. Не описать тех страданий, что я пережила! – Анла картинно поднесла ко лбу тыльную сторону ладони. – Преследовала его... Умоляла вернуться...

– Сколько он тебе платит? – колючий, гнусавый мужской голос сзади окатил кипятком.

– Чего? – обернувшись, возмутилась Далая.

– О! Это Погот, наш ведущий разработчик. Не обращай внимание, у него проблемы с чувством такта, – сказала Анла, а затем, понизив голос ровно настолько, чтобы стоявший рядом Карот все еще мог расслышать, добавила: – Но, все же, не такие, как у нашего общего знакомого.

– Далая со мной не из-за денег! – Карот покраснел.

– Скоро узнаем, – сказал Погот. – Никакие деньги не стоят того, чтобы терпеть тебя дольше пары дней.

Далая смерила Погота сердитым взглядом. Человек неопределенного возраста. Темные круги под глазами, бледная шершавая кожа и короткий ежик темных волос – вот и все, что можно было с уверенностью сказать о нем. Несмотря на жару, Погот нацепил черное безразмерное худы, полностью скрывающее фигуру.

– У Карота просто недостаточно денег, чтобы компенсировать собственную никчемность. – улыбнулась Анла. – Поддерживать имидж – дорогое занятие. Пока он пускает пыль в глаза, другим приходится делать реальную работу.

– Реальную работу?! – И без того красное лицо Карота загорелось, как лампа аварийного освещения. – Я был настолько хорош, что система получилась идеальной. Теперь мне остается лишь поддерживать ее в рабочем состоянии!

– Хорош в лизании задниц? – Погот презрительно поморщился. – С синхронизацией справился бы любой. Куда важнее: чем ты занимаешься сейчас?

– Сейчас он самый дорогой мальчик на побегушках в истории. – рассмеялась Анла. – С удовольствием воспользовалась бы его услугами и отправила за краспом, но, учитывая зарплату, компании этот красп обойдется слишком дорого. Закажу доставку дроном.

Карот сжал кулаки и задрожал. Каким бы жалким и про-

тивным он ни был, вряд ли он заслужил все эти насмешки. Далая разозлилась так, словно исходящее от Анлы и Погота цунами сарказма было направлено на нее.

– Не переживай. Карот найдет, чем себя занять. – ухмыльнулся Погот. – Проведет очередную экскурсию для одной из своих эскортниц...

Хлопок. По ладони Далаи растеклось приятное жжение. Погот схватился за щеку и ошарашенно посмотрел на девушку, а гнев в глазах Карота сменился испугом.

– Гордишься своей работой? Почему бы тебе не засунуть язык в жопу и не заняться ей? – прошипела Далая.

– Ты слишком хороша для него! – просияла Анла.

– Он платит мне возможностью...

– Дала, лучше пойдем. Я все тебе здесь покажу... – Карот схватил Далаю за плечи, но извернувшись, девушка выскользнула из объятий.

– ...Узнать больше о новом Оракуле.

Погот задрожал, и взорвался хохотом.

– Если тебе известно о существовании нового Оракула, то ты уже знаешь о нем столько же, сколько и Карот. – сквозь слезы выдавил он.

Следующие слова застряли в горле, в полном замешательстве Далая уставилась на Карота. Краснота сошла с его лица, оставив после себя множество белесых пятен.

– Может быть, вы оба вернетесь к работе? – к разговору присоединился высокий угловатый мужчина, немногим

старше Далаи. – Как говорится, с кем поведешься...

– Просим прощения, мистер Норро. – заискивающе улыбнулась Анла, но взгляд остался все таким же колючим. – Вы же знаете, как трудно иногда противостоять искушению.

– Придется стараться больше. Дурной пример заразителен, а мы живем в удивительном мире, где вас обоих можно заменить, в то время, как мистер Аэртан неприкосновенен. С другой стороны, если он продолжит разглашать секретные сведения направо и налево, ему все же придется вернуться домой на Дамарак. Или откуда ты там родом?

– Отсюда. – пробормотал Карот.

– Странно, я где-то слышал... – задумался мистер Норро. – Впрочем, неважно. Девушка, вам стоит обратиться в офис господина Кассео. Ни у одного из сотрудников нет полномочий рассказывать о том, что происходит внутри этих стен, – улыбнулся мистер Норро, и, обращаясь к Анле и Поготу, добавил: – А теперь – возвращайтесь к работе.

Анла, Погот и мистер Норро разошлись в разные стороны, и Далая с Каротом остались одни. В оазисах все так же кипела жизнь, отголоски которой дразнили уши. Далая зажмурилась и схватилась за голову. Репортаж. Дело всей ее жизни... был так близко.

Карот снова положил руку ей на плечо... Да сколько можно без разрешения касаться ее тела?! Далая вырвалась из раздражающий объятий и бросилась к лифту.

– Дала...

– Отвали! – выкрикнула она.

– Ты все не так поняла... – Карот схватил девушку за руку.

Инерция врезала в плечо. – Пожалуйста, дай объясниться!..

– Я узнала достаточно! Если сейчас же не отпустишь, история, которую я расскажу, подмочит твою дражайшую репутацию настолько, что вряд ли ты вообще когда-нибудь выплывешь из этого дерьма! Хотя, о чем это я? Уверена, ты просто не способен утонуть в дерьме.

– Я создатель системы синхронизации. – пролепетал Карот и ослабил хватку.

– Каких-то пять минут назад ты был создателем нового Оракула.

– Мне хотелось... выглядеть круче в твоих глазах. – потупив взгляд, прошептал он.

– Ты выглядишь жалко в любой ипостаси. – девушка выдернула руку и принялась растирать больное плечо.

– Система синхронизации – самая важная часть Оракула!

– Твои коллеги не разделяют этого мнения. – буркнула Далая. – Что это за система? Познакомь меня с остальной командой.

– Я единственный.

– Создатель, я просто не верю своим ушам! Какая, должно быть, важная система, если ее целиком доверили тебе.

– Дело в том... – замялся Карот. – Она уже много лет работает без нареканий.

– И, чтобы справиться со скукой, ты, время от времени,

шпионишь за людьми? Или тебе просто нравится подглядывать? Отличная выйдет история. Проблема в том, что она не интересна даже мне.

– Ты не понимаешь...

– Ой, да не беспокойся! Пока ты держишься подальше от меня, твой имидж в безопасности. – оскалившись, прошипела Далая, а затем, набрав в легкие побольше воздуха, закричала: – После всего, что между нами было?! Когда я найду эту стерву, я...

Пауза. Довольная получающимся спектаклем, Далая сменила тон с истеричного на более спокойный.

– ...В смысле мужчина?.. Прости, не знала, что я не в твоём вкусе. Во всем виновата моя напористость... Хорошо, что после всех страданий со мной, ты, наконец, смог узнать себя лучше!

Зрачки Карота расширились, заполнили всю радужную оболочку. На лицо упала маска ужаса.

– Думаю, будет честно, если ты оплатишь бывшей девушке такси. – прошептала Далая. – Как минимум до Дамарака и обратно. Тысячи ауреусов должно хватить.

– Ты чокнулась!.. – прохрипел Карот.

– Даю тебе время до приезда лифта. Тик... Так... Тик...

– Ладно, сейчас... – двери лифта распахнулись. – Нет, подожди еще секунду!.. Готово! Я все перевел!..

– Было крайне неприятно иметь с вами дело. – Далая вошла в лифт и устало облокотилась на стенку. Двери пополз-

ли друг к другу, стремясь слиться в стеклянном поцелуе.

– Дала, мы еще увидимся?..

Неодинокая

Сколько света! Шани уже и забыла, как выглядит естественный свет, как ощущается прикосновение его ласковых белых ладоней. Лифт замедляется. Вползает на этаж.

Окна в пол, если их вообще можно назвать окнами: ни одной перегородки, лишь бескрайнее стекло устремленное в бесконечность. Подними же голову! Если есть начало, должен быть и конец. Покажи, какой высоты окна!

Ощущение нереальности возрастает по мере расползания дверей. Безликая выходит из прозрачной кабины и морщится от резко возросшей яркости. Несмотря на прозрачность, кабина и шахта рассеивали часть света, но теперь... Невесомые окна кристальнее воздуха, а за ними лишь лазурное небо и свобода...

– Черт... Кажется, что-то попало мне в глаз. – голос Чон испортил погружение, заставил вспомнить, где на самом деле находятся девушки. – Слишком сильный контраст с этим местом.

– Тебя предупреждали. – улыбнулась Шани. – В депривационной нет ничего романтического.

– Здесь не хуже, чем в других местах станции. Темнота хотя бы оставляет пространство для воображения. Думаешь, это Ракулай?

– Не знаю. Это точно не Ханварон, – вздохнула Шани. –

Ханваронское небо гораздо нежнее.

– Нежность заканчивается, оставляя лишь одиночество и раздражение.

– Все когда-нибудь заканчивается. Бесконечны только эти окна. – умиротворенно улыбнулась Шани.

Стало спокойно. Оказалось, что с Чон можно не задумываясь говорить о чем угодно. В последнее время Шани не хватало таких разговоров.

Безликая обходит лифт по кругу. Шахта пронзает самый центр гигантского помещения без единой перегородки и мебели. Внутри находится лишь одинокий оазис с диваном и столом возле самого окна.

– Оракул направлял меня на Ракулай. Сейчас я бы все отдала, чтобы оказаться там. Пускай даже и одна... – с тоской в голосе прошептала Чон.

– У тебя был выбор?! Тогда зачем ты поехала за Ига... – Шани вжала голову в плечи и прикусила губу.

Создатель, ну как можно быть такой бестактной?.. Возможно, это и есть ее истинное лицо, и Чон первая, кто сумел разглядеть его, несмотря на темноту? Шани сжала зубы сильнее, чтобы почувствовать отрезвляющий привкус металла. Постыдное наслаждение...

– Подумать только, это кабинет единственного человека! – воскликнула Чон. – Да он размером с половину нашего жилого этажа.

Безликая приближается к оазису. Коричневый диван и

массивный темный стол сложной формы, столешница, как на шпажку, нанизана на серый ствол ваана, чьи длинные листья отбрасывают единственную тень в океане света...

Не единственную. За столом сидит мужчина, лицо скрыто в тени, вот только складывается впечатление, что тень отбрасывает он сам. Черное пятно на фоне бесконечной яркости окна. Закинув локти на стол, мужчина тарабанит пальцами по тыльной стороне ладони.

– Человеку невозможно угодить. – заметила Шани. – На станции тесно, но здесь – слишком одиноко.

– Стремление к власти всегда приводит к одиночеству. – пробормотала Чон и, не удержавшись, хмыкнула. – Только послушай нас со стороны: какой дурацкий пафосный диалог!

Шани рассмеялась.

– Думаешь, это кто-то важный? – спросила она, и тут же торопливо добавила: – Глупый вопрос. У кого еще может быть такой гигантский кабинет?

– Диван только один. Собеседник вынужден стоять. Этим он показывает свое превосходство.

Безликая делает еще шаг и замирает. До человека за столом остается метров десять, но завеса с его лица спадает, открывая задумчивое, испещренное глубокими морщинами лицо. Карие глаза смотрят с вызовом, с издевкой, Безликая не выдерживает взгляда и отворачивается. Шани не может ее винить, даже благодарна за это.

– Отмотай! – вскрикнула Чон. От неожиданности сердце

едва не остановилось.

– Ты что-то заметила?..

– Это Ишшай Кассео?!

Шани отмотала фрагмент и поставила на паузу.

Седые волосы с редкими отблесками темного прошлого. Черная с золотом рубашка. Широкие скулы, делающие лицо могучим. Властным.

– Получается, это офис “Денорен”?.. – спросила Шани.

– С каждой секундой все интереснее!

Господин Кассео, поигрывая желваками, пристально изучает Шани. Становится не по себе. Это случилось уже четыре часа назад, да и смотрел он совсем не на Шани, но даже сквозь время и расстояние девушка ощущает себя мелкой и незначительной... Хуже. Недостойной существовать.

Несколько минут ничего не происходит. Время мучительно тянется. Наконец, господин Кассео открывает рот, губы вяло шевелятся, но с них не слетает ни звука.

– Черт!.. Я и забыла про это ограничение... – тоскливо пробормотала Шани.

Обида уколола между ребер. Невозможность слышать делает расследование практически бесполезным...

– “Не думал, что этот день когда-нибудь наступит. Не люблю сюрпризы, но это хотя бы приятный сюрприз.”

– Это его слова?! Как ты?.. – воскликнула Шани и тут же сжалась от собственного крика. Депривационная гасит большую часть звуков, но все равно: нужно быть осторожнее. –

Ты умеешь читать по губам?

– У меня много талантов. – весело заметила Чон. – Больше не жалеешь, что взяла меня с собой?

Господин Кассео поднимается на ноги и распрямляется во весь свой могучий рост. Выходит из-за стола, подходит вплотную... Сердце начинает бешено колотиться. Бесконечное мгновение он пялится в душу, закусив щеки, от чего скулы кажутся еще более острыми. Резко вскидывает руку...

Изображение дергается. Видимо, Безликая сжалась от неожиданности, и Шани снова не может ее обвинить: сама с трудом не зажмурилась. Огромная ладонь падает на плечо. Губы господина Кассео расплзаются в хищной ухмылке.

– “Молодец. А что касается Ранеи...” – задумчиво проворковала Чон, и ее звонкий высокий голос так резко контрастировал с внешностью главы “Денорен”, что стало не по себе.

– Ранея Тассин? На записях с Шивартана госпожа Тассин что-то передала Безликим. По нашей версии, какой-то датакуб. – сказала Шани.

– Вышло не слишком удачно.

– Не понимаю... – прошептала Шани. – Если Безликая все еще агент полиции, она должна была забрать куб со станции и передать руководству. Если нет – оставить на месте. На фрагментах, которые мы тебе показали, видно, как Безликая забрала куб и подменила на пустой. Это бессмысленно!..

– Ты так уверена в подмене?

– Оракул отправил нам всего три видео. На просмотр других прав в тот раз не было. Должен быть какой-то смысл! Оракул тоже подозревает Безликую!

– Наверное... – пробормотала Чон. – Вероятно, такой же логикой руководствовались в полиции, когда делегировали нам права.

– Наконец хоть кто-то со мной согласен!

– Хоть кто-то? – хмыкнула Чон. – Вот оно! Куб Безликим отдала не кто-нибудь, а сама госпожа Тассин! На нем может быть нечто, изобличающее Верховную Ассамблею! И у тебя нет ощущения, что Безликую и господина Кассео что-то связывает?

– Чувствую, что они знакомы, но...

– У господина Кассео есть дочь!

– Дочь господина Кассео работает... в полиции? – смутилась Шани. – Агентом под прикрытием?..

– Бывают разные методы воспитания. Она подменила куб на пустой и, зная, что под наблюдением, показала содержимое на камеру. Настоящий же отнесла отцу, чтобы выслужаться!

Что-то не давало Шани покоя. Для родственной связи ощущалась странно, будто между Безликой и господином Кассео стояла стена. Возможно, дело в строгом воспитании, да и теория Чон слишком красива, чтобы оказаться неверной.

Господин Кассео возвращается на диван и, закинув руки

за подлокотник, растягивается во весь рост. Уставившись в пустоту, с самодовольной ухмылкой крутит кольцо...

– Ну конечно у него нет импланта! – возмутилась Чон. – Импланты ставят только простым смертным!

– Но они обязательны не для всех...

– Какая разница! У нас тоже должен быть выбор, не находишь? Все, не отвлекай. Нужно сконцентрироваться. С такого ракурса сложно читать по губам.

– “Поднимись ко мне в офис”. – приказывает господин Кассео, и ухмылка испаряется с его лица, обнажая гримасу ненависти. – “Какого хрена тебя нет на месте?!”

От крика Чон по спине пробегают мурашки, но она определенно не переигрывает.

– “Как долго данные хранятся до распределения?”

На первый взгляд кажется, что господин Кассео вернул самообладание, но он крайне посредственно скрывает эмоции. Все его маски остаются отпечатанными в морщинах на лице.

– “Избавь меня от жалких оправданий. Я задал конкретный вопрос.”

Ненависть. Высокомерие. Презрение. Ужасающий коктейль. Похоже нечто подобное вечерами принимает горячо любимая начальница Шани.

– “Нужно вытащить и стереть оттуда все, что накопилось на Ранею Тассин...”

– Поставь на паузу! – воскликнула Чон. – Хранятся где? Мы можем достать эти данные?

– В прошлый раз мне сказали, что нет...

– Ясно. – разочарованно буркнула Чон.

Шани запустила видео, но изображение осталось статичным. На лице господина Кассео не дрогнул ни один мускул. На всякий случай девушка проверила, точно ли видео снято с паузы. Как может человек быть одновременно настолько хорош и настолько плох в сокрытии эмоций?

Наконец, его губы искривляются в презрительном оскале:

– “Ты слишком много треплешь языком... в моей заднице!”

– Чего?.. – Шани поперхнулась от неожиданности.

– Извини, не удержалась. – рассмеялась Чон. – “Я пришлю к тебе своего человека”.

Шани широко улыбнулась. Напряжение схлынуло. Почему в депривационной обязательно находиться в одиночестве? Вдвоем происходящее воспринимается легче, другой человек не позволяет до конца погрузиться в ситуацию.

Господин Кассео манерно машет рукой в сторону лифта, давая понять, что разговор закончен. Безликая разворачивается и уходит.

– Вот здесь я бы точно хотела работать! – воскликнула Чон, когда Безликая вышла из лифта. – Жестоко показывать нам такое.

– Ты же сама хотела посмотреть. – робко заметила Шани.
– Не мешай погружению!

Этаж заполнен речными оазисами, настолько невесомыми, что пространство все равно кажется единым. Люди спуют туда-сюда, смеются... Жаль, что нельзя услышать звук. Атмосфера легкости и веселья напоминает Ханварон. Но-стальгия щиплет глаза.

Работники опасливо косятся на Безликую, меняют траекторию, чтобы ни в коем случае не пересечься.

– Похоже, она знаменитость. – сказала Чон. – Еще одно очку в копилку версии про дочь.

– Она из полиции. – парировала Шани возможно потому, что сама не додумалась до такого объяснения, но хотелось, чтобы Чон, все-таки, ошиблась. Хотя тогда и догадки Шани могут оказаться неверны. – Как бы ты отреагировала на человека в полицейской форме?

– Попросила бы арестовать меня и допросить в интимной обстановке, потому что в последнее время я была очень плохой девочкой.

Шани рассмеялась. Девушка представила Игана в полицейской форме. Его тонкие предплечья кажутся еще тоньше из-за широких рукавов, хрупкая шея и длинные волосы, объединившись с красным кимоно, делают образ женственным. В таком наряде Иган выглядит скорее комично, чем возбуждающе, но, тем не менее, спрятанная глубоко внутри ревность жалобно заскулила.

– Ничего не происходит. Промотай вперед! – воскликнула Чон.

Время ускорилося. Люди стали схемами, линиями, превратились в собственные траектории. Их движение казалось хаотичным, но Шани пыталась отыскать систему. Люди разумны, а значит в перемещениях должна быть закономерность...

– Это же девушка со станции! – воскликнула Шани и поставила на видео на паузу.

Вместо графитовой юбки – песчаные капри, но это точно она.

– Какая еще девушка?

– Я видела ее в толпе, когда Безликая забирала куб со станции.

– Интересное совпадение. Ты уверена? До нее довольно далеко. – скептически заметила Чон.

– Таковую ни с кем не спутать! Да и Безликая не сводит с нее глаз.

– Она смотрит на лифт. Куда еще смотреть, если кого-то ждешь?

– Это точно она! – возмутилась Шани.

– Ладно. В любом случае, пока Безликая сидит так далеко, ничего интересного произойти не может. Запускай перемотку!

Незнакомка о переговорила с несколькими сотрудниками, но, как назло, ни разу не провернулась анфас, а Шани так

остро хотелось доказать Чон свою правоту! Какой-то парень схватил Незнакомку за руку, но та вырвалась, осадил его и вернулась в лифт.

– Похоже, девушка оказалась незначительной деталью. – победно пролепетала Чон.

– На этот раз. – стальным тоном ответила Шани.

– Какие острые зубки! Мне нравится. – в голосе Кьяры мелькнула улыбка, и Шани почувствовала, что не может все-речь злиться на нее.

Безликая направилась к лифту. Шани замедлила видео, чтобы ничего не упустить.

Безликая подходит к человеку, с которым только что разговаривала незнакомка, тот все еще сверлит взглядом опустевшую шахту, будто надеясь, что девушка вернется. Безликая трогает его за плечо, мужчина вздрагивает и оборачивается.

Такой же высокий, как господин Кассео, но на этом сходства заканчиваются. Непропорциональный. Бесформенный...

– Это Создатель Нового Оракула?! – активизировалась Чон.

– Кто?.. Ты его знаешь?..

– Карот... Как его там... Аэртан! Попадалась парочка интервью с ним.

– Ни разу не слышала ни про какой “новый” Оракул... – смутилась Шани.

– Издержки профессии. Приходится быть в курсе всего, что происходит за пределами станции. Без этого можно помереть со скуки.

Безликая пристально смотрит на мистера Аэртана, вероятно что-то говорит, но Карот лишь пялится на нее, выпучив глаза и широко разинув рот.

– Еще одно очко. – хмыкнула Чон. – Либо все-таки дочь, либо мистер Аэртан слабоумный. В любом случае, если он не подберет челюсть, мои навыки чтения по губам окажутся бесполезными.

Наконец мистер Аэртан кивает и направляется в сторону окна. Безликая идет за ним. Они проходят оазис за оазисом, и каждый человек внутри пялится им вслед. Все нутро противится, но, похоже, придется признать правоту Чон.

Мистер Аэртан заходит в крохотный оазис у окна, самый маленький из всех. Стоящий поодаль от других, на отшибе, оазис ничем, кроме размеров, не отличается от остальных. Те же плавные контуры речных перегородок, тот же стол с деревом, бьющим из центра, но Шани чувствует одиночество, исходящее изнутри. Отчуждение.

Всего одно кресло, в других – минимум по четыре. Мистер Аэртан рукой приглашает Безликую сесть.

– Вот черт! – выругалась Чон. – Если Карот останется за спиной...

Мистер Аэртан обходит кресло и встает возле входа, будто услышав просьбу. Приняв сообщение из будущего.

– “Как я уже сказал господину, вряд ли получится найти в системе что-либо на госпожу Тассин...”

Мистер Аэртан меняется в лице. Если раньше он смотрел с пиететом, благоговением, то теперь мышцами на огромном лице завладевает страх.

– “Понимаете, члены Ассамблеи не используют импланты... Даже если бы использовали, они всегда находят способ, чтобы данные с линз или имплантов не попадали в систему...”

– Откуда он знает? – удивилась Шани.

Лицо мистера Аэртана меняет цвет с землистого на серый, будто на видео наложен черно-белый фильтр.

– Похоже, не только вы любите подсматривать. – хмыкнула Чон. – Судя по лицу, он уже понял, что сболтнул лишнего. “Понимаете, моя работа – знать обо всем, что связано с синхронизацией данных... Я единственный разработчик системы. Кто, если не я...”

Мистер Аэртан смолкает, по всей видимости, перебитый Безликой. Несколько мгновений спустя его мышцы слегка расслабляются. Взгляд смягчается. К щекам приливает румянец.

– “Конечно, я смогу быть вам полезен!” – его лицо распускается как напоенный после долгой засухи цветок. – “Я найду всех, кто контактировал с госпожой Тассин... За период с последней чистки до настоящего момента. Поймите, это не хранилище, а всего лишь буфер... Его цель – накапливать

данные, которые впоследствии распределяются по хранилищам. Все, что старше двух недель, удаляется...”

– Ты понимаешь, о чем он говорит?.. – робко спросила Шани, остановив просмотр.

– Данные с устройств не могут поступать напрямую Оракулу, иначе каждому устройству придется знать координаты всех узлов системы. Данные передаются во временное хранилище, которое занимается их дальнейшим распределением.

– Зачем грузить нас техническими подробностями? – буркнула Шани, снимая видео с паузы. – Что за идиотская попытка выпендриться?

– “Нет, буфер находится не в офисе, и это проблема: дистанционно не удастся ни просмотреть, ни удалить данные... Необходимо отправить приказ в датацентр, и сделать это может только господин Кассео. Лично.”

– Интересно, кто из них расскажет об этом господину? – рассмеялась Шани. – Господин Кассео не производит впечатление человека, который будет хоть что-нибудь делать собственными руками.

– Особенно, если для этого придется куда-то ехать. – согласилась Чон. – Боюсь, придется сделать так, чтобы датацентр сам пришел к всемогущему господину.

– Поменьше сарказма! В конце концов все, что мы говорим, тоже может быть кем-то просмотрено. – улыбнулась Шани. – С другой стороны, любой датацентр спокойно по-

местится у него в офисе.

Чон рассмеялась. Слышать смех реального человека в де-привационной – это так здорово!

– “Я думал, вы сообщите господину...”

Румянец растворяется с щек мистера Аэртана по мере округления глазниц.

– “С гонцами, приносящими дурные вести?..”

Лицо Карота становится бледнее смерти.

– “Может быть, если вы лично обратитесь в датацентр...”

В глазах читается немая мольба.

– “Прошу вас, хотя бы попробуйте! Я дам адрес...”

Входящий звонок от Игана заставил подскочить от неожиданности.

– Какого хрена ему надо? – прошипела Чон. – Наконец-то мне интересно, но он, как всегда, лезет со своим занудством.

– Мне ответить? – спросила Шани, и, посчитав молчание за утвердительный ответ, приняла вызов.

– Ты на месте?

– И не одна. – весело пропела Шани.

Иган промолчал. Позабытая спираль в животе со скрипом пришла в движение.

– Ну и почему он молчит? – не выдержала Чон.

– Черт. Черт. Черт. Который час?..

– Для вас это все игра, да? – наконец спросил Иган. – Подключайся, пока Кьяра не отправилась искать тебя. В депривационной не так много мест, где можно спрятать человека.

Шани зажмурилась и ущипнула себя за бедро, затем еще раз... Дура! Как можно пропустить начало рабочего дня?..

– Мы сможем продолжить? – с надеждой в голосе спросила Чон.

Ничего не ответив, Шани вошла в конференцию:

– Извините за опоздание!..

– Не прошло и года! Если честно, я хотела извиниться за то, что, возможно, была слишком резка с тобой, но...

– Извини...

– Все-таки, в умении перебивать тебе нет равных. – вздохнула Кьяра. – Ты катишься по наклонной, милая. Если продолжишь падение с набранной скоростью, боюсь предположить, к чему это в итоге тебя приведет.

– Милая?! – возмущенный шепот Чон напомнил, что сегодня Шани не одна. – Почему ты позволяешь так с собой разговаривать?!

– Я уже извинилась. – твердо ответила Шани, мысленно обрадовавшись: голос еще никогда не звучал так уверенно. – Если больше ничего конструктивного нет, давайте работать.

– Ого. – сказала Ора. – Не знаю, по какой наклонной и куда она катится, но мне нравится новая Шани.

– Отправила досье. – пробурчала Кьяра. – Я отключаю звук. Услышимся, когда примете решение. От вас у меня

разболелась голова.

– Уверена, что это не похмелье? – спросила Ора.

– Спасибо за поддержку. – улыбнулась Шани. – Я тоже отключаюсь.

Последний Танец

Суматошно и шумно. До этого дня Далая бывала в космопортах лишь однажды... дважды, если считать космопортом маленький обшарпанный ангар на Дамараке.

В прошлый раз ноги сами приволокли девушку к терминалу. Таможенный досмотр, три портала и два часовых перелета между ними: с поверхности Дамарака на орбиту, из системы Шаодена до Аэрдена и с орбиты Ракулая к новой манящей счастливой жизни.

И что теперь? Чертовы ноги опять вышли из-под контроля, Далая снова оказалась в космопорту, безвольно шаркая по каменным плитам пола. По крайней мере, пол, как и потолок в офисе Денорена, был настоящим. Далая устала от лжи и голограмм.

Всюду копошились люди, прилетевшие в поисках новой жизни или убегающие, признавшие поражение, раздавленные Ракулаем. Такие же, как и Далая.

Но нельзя же поджать хвост и вернуться на Дамарак! Какое будущее тогда ее ждет? Конечно, можно быть журналисткой и там, но о чем она будет рассказывать? О том, что в столовой шахтерского городка неожиданно закончился красп?

Чертов Оракул убил мать, а Далая даже не смогла отомстить, хотя к этой цели ведет множество дорог. Вступить в Соппротивление, стать Безликой... Почему Дала решила, что

стать внесистемной журналисткой – кратчайший путь?

– Девушка, вы сдаете или получаете? – ехидный мужской голос выдернул из мыслей.

Черноволосый таможенник, ухмыляясь, бесцеремонно пожирал Далаю глазами. Высокий и подтянутый, другая даже назвала бы его симпатичным, он казался наглым и отталкивающим, даже отвратительным. Далая поежилась, пытаюсь стряхнуть с себя похотливый взгляд. Не помогло.

– Похоже, что у меня есть багаж? – огрызнулась она.

– Это зона сдачи. Получение багажа в другом конце здания. Там же – комфортабельная зона ожидания с мягкими креслами и напитками. Я бы и сам не отказался сейчас растянуться в кресле вместе с вами. – таможенник сально подмигнул. – Подключитесь к каналу космопорта, чтобы посмотреть карту терминала. Также там можно найти меня, поставить высокую оценку и даже пригласить...

– Я кое-кого жду. – пробормотала Далая.

– Если этот кто-то отправлен целиком, а не по частям, вам стоит пройти на второй этаж. В зону ожидания.

Далая закатила глаза, но ноги покорно потащили ее в сторону эскалатора, едва не столкнув с одним из суесящихся бедолаг с багажом. Мужчина с трудом увернулся, споткнулся о чемодан и грохнулся на пол. Вскочив на ноги, зачем-то извинился и побежал на досмотр, а обиженный чемодан покатился за ним.

– Ему очень повезло! Если бы меня ждала такая красави-

ца... – вдогонку крикнул таможенник.

Далая возмущенно покачала головой. Если бы его ждала такая красавица, он бы продолжил приставать к другим. Как будто люди умеют ценить то, что у них есть.

Со второго этажа плиты пола выстраивались в единую композицию: портреты всех членов Верховной Ассамблеи анфас вокруг стола, выраженные скорее фактурой плит, чем расцветкой. Казавшиеся живыми лица едва уловимо менялись по мере движения по эскалатору. Далая с трудом выдерживала их укоризненные взгляды. Очередная побитая неудачница возвращается в свое захолустье.

Эти люди имели право так считать. Ишшай Кассео, бесменный глава “Денорен”, самый могущественный человек в Системе. Ранея Тассин, единственная женщина в Верховной Ассамблее, основательница компании “Тассин”, производящей импланты. Мавар Лодия, гадкий скользкий тантар, вот уже пятнадцать лет выкачивающий из Дамарака все соки.

Остальных Далая не знала. Иронично, но она никогда не интересовалась политикой. Одно из семи мест пустовало, видимо, состав Ассамблеи наконец сменился. Но от перестановки мест слагаемых, как известно...

Девушка попыталась отвести взгляд, чтобы избавиться от осуждения. Неужели мало того, что она и так занимается самобичеванием? Но завораживающая реальность портретов вгрызлась в лицо. Лишила воли. Лучше бы на полу были голограммы, более сложные и подвижные, и, тем не менее,

фальшивые.

Далая активировала линзы. Реклама хлынула на все поверхности от пола до перил, лишь лица членов Ассамблеи остались такими же презрительными, как и раньше. Чтобы отвлечься, девушка подключилась к каналу космопорта и начала листать местные новости.

– Из-за недавней ликвидации террориста Харона Церра грузовой терминал “Шао” временно закрыт. Возможны задержки в отправке багажа. Приносим извинения за временные неудобства.

Далая закрыла глаза, чтобы отгородиться от информационного шума. Харон Церра. Член Сопротивления, новость про которого она видела вчера.

Тело подчинилось внезапному усилию воли. Контроль над ногами восстановился. Окрыленная решимостью, Далая проложила маршрут к терминалу “Шао”. Зеленая линия вытянулась перед глазами, указывая путь. Развернувшись, девушка бросилась вниз, против движения эскалатора, собирая грубые толчки и возмущение других пассажиров.

Должно быть, со стороны она выглядела странно, но понимание пришло позже, чем кончился эскалатор. Остановившись, Далая обняла себя, чтобы успокоиться и восстановить дыхание, и заметила, что сальный таможенник воркует с какой-то короткостриженной брюнеткой. Мерзкий, похотливый ублюдок... с хорошим вкусом.

– Это и есть та самая Ивон? – ехидно поинтересовалась

Далая, проходя мимо.

– Ивон? – брюнетка отпрянула от таможенника, словно тот оказался, как минимум, серийным убийцей.

– Девушка, с которой он мне изменил.

– Пойду в зону ожидания, – пробурчала брюнетка. – Скоро объявят посадку.

Высоко задрав подбородок, она ушла, оставив после себя лишь тяжесть и смущение. Таможенник уставился на Далаю глазами, полными ненависти. Не выдержав давления, девушка отвела взгляд в сторону, отыскала линию маршрута и медленно двинулась к терминалу, стараясь не показывать страх.

– А ты, оказывается, с гнильцой, да? – проскрежетал таможенник.

– Таможенник должен хорошо разбираться в людях. – бросила Далая и, чуть ускорив шаг, принялась всеми силами упрямить ноги не переходить на бег.

– Стоит сказать парням наверху, чтобы получше тебя рассмотрели. Мало ли, что еще ты скрываешь внутри.

– Не стоит беспокоиться. У меня появились неотложные дела снаружи. – показав неприличный жест, Далая все-таки побежала. Вылетела на улицу и...

Завязла в толпе. С каждой секундой решимость уменьшалась, трансформировалась в страх. По мере продвижения вперед толпа редела, но каждый шаг, тем не менее становился все тяжелей. Хотелось расслабиться, передать управление ногам, отдаться потоку и больше ничего не решать. Далая

повернула за угол.

Огромные главные ворота терминала были закрыты, но вход никто не охранял. Посмотрев по сторонам, Далая дернула маленькую дверь для персонала, и та поддавалась даже слишком легко. Девушка едва не грохнулась на спину.

Проскользнув внутрь, Далая тут же уперлась в заградительную ленту. Одна из двух девушек, сидящих в углу справа от входа, весело помахала рукой. Примерно с десятков полицейских ручными сканерами прочесывали помещение.

В зале не было ничего кроме пяти гигантских грузовых контейнеров, по всей видимости, доставленных еще до ареста. Глубоко вдохнув, зажмурившись, будто готовясь к погружению, Далая поднырнула под лентой, и несколько полицейских недовольно покосились на нее.

– Их тянет сюда, как магнитом, – устало пробормотал облокотившийся на колонну высокий тучный мужчина, как дубинкой постукивая сканером по ладони.

– Хотел бы себе такой магнит, да, Тербан? – хмыкнул другой полицейский.

– “Их”? Можете обыскать меня, мистер Тербан, но, уверяю вас, я пришла одна. – пролепетала Далая, улыбнувшись одной из своих самых чарующих улыбок.

– В углу стоит мягкий комфортабельный диванчик, кото-

рый облюбовали ваши коллеги. – тяжело дыша, полицейский поднял руку и показал в сторону девушек, которые ранее помахали Далае. – Советую вам к ним присоединиться. Диванчик находится за пределами зоны оцепления, поэтому...

– Выглядите жутко уставшим, мистер Тербан. Может быть, присядете с нами? – Далая часто заморгала и потупила взгляд, изображая смущение.

– Как же я ненавижу журналистов. Почему вы считаете, что вам все дозволено? Девушка, прямо сейчас вы нарушаете сразу несколько законов: несанкционировано находитесь на закрытой территории, препятствуете расследованию... Да я нарушаю протокол просто разговаривая с вами!

– Поужинаем сегодня вечером? Закрытое дело, звон бокалов...

– Никакого ужина. – вздохнул мистер Тербан. – Никаких комментариев. Моя работа – это мой хлеб. Я не собираюсь делить его с вами.

– Пожалуйста, можно хотя бы один вопрос? – Далая томно улыбнулась, но по лицу полицейского было видно, что тот начинает закипать.

– Вы только что его задали.

– Тогда – еще один? – Далая снова глупо захлопала ресницами.

– Образ наивной дурочки вам не идет. К тому же, уже много лет я счастливо женат.

– Забавно, что этот факт вы поставили на второе место.

Офицер дошел до точки кипения, усталость в его глазах сменилась вспышкой ярости. Покраснев, а затем – покрывшись белесыми пятнами, он двинулся прямо на Далаю. Другие полицейские замерли, с интересом и улыбками наблюдая за происходящим.

– Ну пожалуйста! – Далая вскинула руки вверх, изображая, что сдается. – Всего один: где его схватили?

– Вы не отстанете, да?.. Даже если я выведу вас на улицу, вы останетесь ждать меня у входа. – мужчина в очередной раз вздохнул и устало улыбнулся. – Пообещайте, что поделитесь информацией с коллегами. Мое сердце не выдержит еще одного разговора с кем-то из вас.

– Клянусь! – воскликнула Далая.

– Там, – полицейский, не глядя, показал себе за спину, – Сразу после проходной.

– И при себе у него ничего не было?

– Если бы было, о чем бы мы с вами сейчас разговаривали? – Мистер Тербан закатил глаза.

– Наверное, о вашем счастливом браке?

По залу прокатилась волна сдержанных смешков. Мистер Тербан зыркнул по сторонам, но полицейские старательно делали вид, что заняты работой, хотя за время разговора никто из них так и не сдвинулся с места. словно работа заключалась не в поиске, а в полировке пола и стен.

– Мы все слишком устали, чтобы реагировать на ваши остроты. Если вопросов по существу больше нет...

– Сколько лет мистер Церра работал на Соппротивление? – спросила Далая. Ее тон изменился, стал строгим и властным, каким становился всегда, как она чувствовала слабинку.

– Девушка, и вы называете себя журналисткой? Это было во всех новостях. – мистер Тербан укоризненно посмотрел на Далаю, но, не выдержав и секунды, отвел взгляд и продолжил: – Мы не знаем. В этом терминале Церра отработал три года.

Далая огляделась по сторонам. Огромный зал. Пять контейнеров. Проходная с рентгеновскими рамками и турникетами слева, по всей видимости, для сотрудников. Внутрь ничего не пронести и не вынести. Камеры наблюдения на потолке натканы в таком количестве, что хватит на 3D-модель помещения вместе со всеми сотрудниками.

– Каждый контейнер наверняка досматривает несколько человек. – пробормотала Далая больше для себя, рассуждая вслух. – Всюду камеры. Как Церре удавалось три года водить вас за нос?

– Значит, за это время он ни разу не прокололся. – пробурчал мистер Тербан, и, спохватившись, повысил голос: – Да и кого это “нас”? Вы злоупотребляете моим расположением!

– Тогда как вы поняли, что Церра – агент Соппротивления?

– Не мы, а специальный отдел по борьбе с терроризмом. Милочка, оказаться по другую сторону допросной – интересный опыт, но я порядком устал от ваших нападок. Мы

не имеем права делиться деталями расследования с прессой, пока оно не завершено.

– Если бы я была террористкой...

– Вы и есть террористка. Сколько еще вы собираетесь бомбардировать меня вопросами?

Если проходная слева была для сотрудников, то проходная справа, с огромными ячейками, явно служила для досмотра контейнеров перед отправкой на погрузочный склад. Наверняка, туда у обычных таможенников допуска не было.

Внимание Далаи привлекла небольшая электронная табличка с надписью: “Харон Церра” над одной из раздевалок за спиной мистера Тербана. В раздевалке даже отсутствовала дверь, ее роль выполняла грубая тканевая ширма неопределенного цвета.

– Я бы оставила украденные документы в раздевалке. – улыбнулась Далая.

– Черт подери, мало того, что каждый в этом мире мечтает стать детективом, так каждый еще и почему-то считает, что справится с этой работой! И ладно бы, лучше меня, но лучше Оракула? Девушка, ответьте мне на один вопрос: что у меня за спиной? В какую сторону я, черт подери, иду?!

– То есть, если я буду ходить у вас за спиной, я ничего не нарушу? – Далая снова томно улыбнулась, а ресницы принялись весело шуршать.

– Ходите где хотите, только за пределами оцепления. – холодно парировал полицейский.

– Можно заглянуть в раздевалку хоть на секунду? Пожалуйста, вы ведь там уже смотрели. Я сразу же от вас отстану. Всего одну минутку! Хочу отснять раздевалку для репортажа.

– Так секунду или минуту? Сколько времени вам нужно? – мистер Тербан покачал головой.

– Зависит от вашей безграничной щедрости. – пролепетала Далая.

– У вас минута, и вы сразу же отправитесь на диванчик. А еще лучше – на улицу, чтобы мои глаза больше вас не видели.

Не успел он закончить последнее предложение, как Далая бросилась в раздевалку, собирая удивленные взгляды других полицейских.

Пол и все три стены в примерочной были зеркальными. Из мебели – только маленькая скамейка. На крючке на левой стене висела таможенная форма с приколотой к груди маленькой эмблемой компании “Ракудао”, занимающейся грузоперевозками.

Далая повернула кольцо, чтобы выключить линзы. Села на скамейку и пошарила под ней рукой. Ничего.

Журналистки, сидящие возле входа, завистливо тарасились на нее, и Далая, в ответ, злорадно помахала им. Дура. Сколько можно наживать врагов?! Мистер Тербан тоже по-

глядывал в ее сторону.

Далая встала и подошла к висящей на стене форме – теперь отодвинутая ширма наполовину закрывала девушку от посторонних глаз – и внимательно осмотрела одежду. Ни одного кармана. Девушка постучала ногтем по эмблеме. Металлическая. Может экранировать сигнал сканера?

Мистер Тербан двинулся в сторону раздевалки. Повинуясь мимолетному инстинкту, Далая сунула пальцы внутрь рубашки, чтобы ощупать место на изнанке за эмблемой...

Снова ничего. Точнее, Далая нащупала нечто выпуклое, но, если и не саму эмблему, то это нечто вшито в ткань. Быстро не извлечь...

– Девушка, даже у моего терпения есть предел. – просопел мистер Тербан.

– Уже выхожу! – выпалила Далая.

Сердце скакнуло под подбородок, пробилось в голову и принялось колотиться о стенки черепа. Далая выдернула руку из-под полы рубашки. Медленно подалась в сторону выхода, оставив одну руку позади. Скользнула пальцами по эмблеме, попытавшись протолкнуть под нее мизинец...

Нечто выскользнуло в ладонь.

Далая нарочно споткнулась, схватилась за ширму, чтобы не упасть, и, воспользовавшись тем, что ширма колыхнулась и на мгновение полностью скрыла от глаз, сунула нечто в декольте. Вздохнула с облегчением. Слава Создателю, что мужчины не видят дальше собственного носа.

– Нашли что-нибудь интересное? – тяжело дыша спросил подошедший Тербан.

– Кто-то уже обыскал раздевалку до меня. Должно быть, работал настоящий профессионал. – Далая улыбнулась, стараясь выглядеть как можно более спокойной.

Дыхание перехватило. Голос прозвучал сдавленно. На лбу проступила испарина. Правую ногу свело судорогой, от чего та начала мелко тарабанить по полу, как отбойный молоток. Ну почему ее весь день предают собственные ноги?!

– В таком случае, надеюсь, что наш уговор все еще в силе. – устало сказал мистер Тербан.

– Безусловно.

– Не завидую я вам. Теперь две бестии на диване – ваша проблема.

На ватных негнущихся ногах Далая кое-как дохромала до заградительной ленты, изображая разочарование от постигшей неудачи. Журналистки все равно пытались испепелить ее взглядом, но Далая сдержанно улыбнулась и юркнула на улицу.

Лучше сгореть в лучах послеполуденного Аэрдена, чем остаться с ними еще хоть на миг. Аэрден спалит сразу и целиком, а журналистки, которым перешли дорогу, будут прижигать медленно, мучительно, смакуя каждое мгновение...

– А как же журналистская солидарность? – раздался ехидный голос за спиной.

Далая приказала себе сохранять спокойствие. Не обра-

чиваться. Не вступать в перепалку.

– Вы ошиблись профессией. – вопреки воле вырвалось изо рта.

Сначала ноги, а теперь, как обычно, язык. Какого черта она не может контролировать собственное тело?!

– Намекаешь, что мы хреновые журналистки?

– Намекаю, что перед словом солидарность может стоять любая профессия, но точно не журналистика. – бросила Далая и ускорила шаг.

– Куда ты так втопила? Может быть, поделишься тем, что узнала?

– Я знаю ровно столько же, сколько вы.

Ноги потяжелели. Скорость упала. Чертовы ноги сегодня слушались кого угодно, но только не свою хозяйку.

– Может нам позвать этого милого пухляша-полицейского? – продолжила журналистка. – Вы с ним так здорово поладили! Эта химия между вами... Ты тоже заметила, Элти?

Элти промолчала. Говорила только одна из девушек, хотя сдержанность, определенно, не лучшая черта для журналистки.

– Переживет ли эта любовь предательство? Что будет, если мы расскажем пухляшу о твоей находке?

Далая встала как вкопанная. Медленно обернулась к журналисткам, демонстративно разведя руки в стороны, будто готовясь к обыску.

Огонь и лед. Девушки-антонимы.

Прямые рыжеватые волосы чуть ниже плеч. Россыпь искр на сухой, как бумага, коже. Озорная открытая улыбка. Наверняка, говорила она. Стало быть, вторую зовут Элти.

Волосы белее снега. Маленькие льдинки веснушек на фарфоровом лице. Ярко-синие глаза вгрызались в душу, выворачивали наизнанку. Казалось, она способна видеть мысли. Типажом Элти чем-то напоминала Анлу из офиса “Денорен”, но без омерзительной ауры язвительности.

– Ладно, слушайте. – вздохнула Далая. – На входе в терминал стоят проходные с рентгеновскими рамками – значит внутрь ничего не пронести. Следовательно, Церра не мог работать в одиночку.

– Он был членом Сопротивления. Очевидно, что он не работал в одиночку. – сказала Элти, все так же пристально глядя на Далаю.

– При передаче сведений Сопротивление всегда старается задействовать как можно больше людей. Больше звеньев – ниже вероятность отследить источник... – продолжила Далая, растягивая время как можно сильнее, чтобы придумать ответ.

– Создатель! Об этом знают даже на Дамараке! – воскликнула рыжая.

– Доступ внутрь должен быть не только у таможенников, но и у обслуживающего персонала, когда терминал закрыт. Моя версия – мистер Церра получал датакубы вшитыми в форму, когда ту возвращали после стирки. Просмотри-

те список работников. Кого-то из них вот-вот накроют, и тогда вы получите свой эксклюзив.

– И зачем бы тебе делиться с нами догадкой? – саркастически спросила рыжая.

– Скажем так: вы взяли меня за горло...

– Что означает, что ты все-таки что-то нашла. – улыбнулась рыжая, и в ее в карих глазах вспыхнуло нечто животное.

– ...И у меня нет возможности дождаться конца расследования. – буднично продолжила Далая. – Буду признательна, если в ответ вы поделитесь со мной тем, что узнаете.

– Что думаешь? – спросила рыжая, обращаясь к Элти. – Подождать я готова, но почему-то мне та-а-к не хочется ее отпускать.

– Иди внутрь на случай, если полиция что-то найдет. А я еще побеседую. – бросила Элти, глядя куда-то вдоль здания космопорта.

– Проблема в том, что я не хочу поворачиваться к тебе спиной. Слишком уж ты расчетливая. – хмыкнула рыжая.

– Тогда внутрь пойду я. Наверняка среди полицейских найдется любитель блондинок, желающий продолжить общение в более интимной обстановке.

– Как жаль, что я не могу раздвоиться! С другой стороны, доверять себе я бы тоже не стала.

Рыжая направилась обратно в терминал, но Далая предпочла бы остаться наедине с ней. Под пронзительным взглядом Элти Дала чувствовала себя совершенно голой.

– Я все видела. – сощурившись, пробормотала Элти. Ее взгляд стал даже более колючим, чем раньше.

– Я тоже повидала многое, но не могу сказать, что видела уже все.

– Где куб?

Проклятье. Далая ненавидела терять контроль, зависеть от других. Если Элти поднимет шум, полицейские наверняка просмотрят записи с камер. Взгляд блондинки соскользнул в вырез топа и тут же снова впился в глаза, не давая и шанса что-либо утаить.

Сердце замедлило ход. Взгляд Элти задержался в декольте слишком надолго, достаточно, чтобы его можно было назвать заинтересованным. Далая нервно поправила топ, делая вид, что борется с перекрутившейся лямкой.

– Откуда ты знаешь про куб? – пробормотала она, до рези скосив глаза вниз, проверяя, на месте ли тот, надежно ли спрятан, не может ли быть виден со стороны...

Осознание пришло мгновением позже. Если и существовал тест на профнепригодность, Далая только что его прошла.

– Покажешь, что на нем? – хищно улыбнулась Элти, явно почувствовавшая запах крови.

– Понятия не имею, о чем ты. – процедила Далая.

– Поздно сдавать назад.

– Мне нужно идти. – отвернувшись бросила Далая и двинулась прочь.

– Придется сообщить о тебе.

– Тогда ты будешь выглядеть идиоткой. Когда полиция просмотрит записи с камер, потратит кучу времени и не найдет ни одного доказательства...

– Что-нибудь точно найдут. В этом я не сомневаюсь.

Не выдержав напряжения, Далая остановилась, обернулась, и наткнулась на очередную обезоруживающую улыбку.

– Дело твое. – до христа сжав кулаки, пробормотала Далая. – Если ты права, то уже никогда не узнаешь, что на кубе.

– Я в любом случае ничего не узнаю. Ты не хочешь делиться.

– Если у меня действительно что-то есть, ты узнаешь об этом после публикации.

– Заманчиво. – хмыкнула Элти. – Но, если у тебя действительно что-то есть, мне придется ходить за тобой по пятам. Это даже звучит утомительно.

– В таком случае, хорошо, что я все-таки ничего не нашла. Но представь, что могла нарыть рыжая за время твоего отсутствия. – Далая с вызовом посмотрела на Элти, по крайней мере, надеялась, что взгляд выглядит вызывающе. Дерзкий. Злой. Горячий.

Вот только ярость на этот раз не пришла на помощь, бросила Далаю одну. Ярость – плохой друг, и Далая наконец осознала это. Ярость приходит без спроса, но, когда действительно нужна, ее нет рядом.

Элти замолчала. Бросила опасливый взгляд в сторону.

Воспользовавшись заминкой, Далая сорвалась с места, надеясь, что скорость поможет справиться со сковывающим притяжением журналистки. Все-таки, Элти была хороша, во многом – куда лучше Далаи.

Как ни странно, сработало. Элти не окликнула Далаю ни словом, ни взглядом. В нынешней ситуации взгляда все еще было бы достаточно.

Тяжело дыша, Далая вбежала обратно в терминал “Аэр”, и сразу же рванула к эскалатору. Слава Создателю, не было ничего подозрительного в том, чтобы носиться по пассажирскому терминалу. Уткнувшись в непроходимую толпу, девушка развернулась и с опаской зыркнула в сторону входа: судя по всему, ее действительно не преследовали.

Ну почему эскалаторы такие медленные?!

Оказавшись на втором этаже, Далая быстрым шагом направилась к зоне досмотра пассажиров. Девушка с облегчением улыбнулась: почти получилось. Оставался лишь один вопрос: как и куда переслать этот чертов куб?

Очевидно, один или несколько таможенников на орбитальной станции связаны с “Сопротивлением”, иначе не было смысла передавать что-либо вместе с грузами... Грузами!

Далая рванула обратно к эскалатору. Побежала по ступенькам вниз. Просунула пальцы в декольте, снова сделав вид, что поправляет лямку. Повод, у которого нет срока годности. Вытащив куб, плотно сжала в кулаке.

Людей и багаж досматривают разные люди. Единственный

вариант успешно передать куб на орбиту – вместе с багажом одного из пассажиров. Не считая того, что Далая не имела ни малейшего представления о том, как это сделать, нерешенной оставалась еще одна проблема.

Проблема вперилась в нее глазами, задумчиво перекатывая во рту язык. Иногда Далае стоило бы прикусить свой, но кто мог знать, что все так обернется? Таможенник оскалился.

Далая с надеждой посмотрела по сторонам. Топот сердца выбил из головы все толковые мысли. Ну думай же!.. Ладони стали липкими от пота. Ну пожалуйста... Правая нога снова задрожала.

Таможенник двинулся к Далае, не сводя с девушки взгляда. Она инстинктивно шагнула назад. Он – вперед. Она – назад и в сторону. Последний танец.

– Ты мне сразу не понравилась. Какая-то ты мутная. – задумчиво бормочет таможенник так близко, что Далая отчетливо слышит слова, звучащие едва ли громче шепота.

Люди мерно гудят вокруг, но в голове остается лишь: раз, два, три. Раз. Два. Три.

– Интересно, что произойдет, если я попрошу тебя показать то, что ты так старательно сжимаешь в кулачке?

Далая прячет руку за спину, перекатывает куб между пальцами. Кратковременная вибрация. Дрожь пальцев или задет какой-то переключатель?.. В голове вспыхивает дурацкая мысль: не сводя глаз с таможенника, Далая выбрасывает

руку с кубом в сторону ленты, увозящей багаж.

Взгляд таможенника – ненависть, на грани безразличия. Никакой ярости. Ни грамма отвращения. Грубый и жесткий. Впервые кто-то смотрит на нее так холодно.

Он ловит ее руку в середине движения. Куб вырывается из ладони раньше, чем должен. Летит недостаточно быстро. Щелчок на самой границе слышимости, возможно, додуман- ный. Куб бьется о верхнюю часть рамки для проверки бага- жа...

– Слава Создателю! Я молился, чтобы ты дала мне повод.

Краем глаза Далая видит, как куб соскальзывает с рамки и падает на катящийся по ленте сиреневый чемодан. Похоже, девушка все-таки случайно активировала какой-то особый режим: куб выпускает лапки и ползет по чемодану, заползает в кармашек...

Всё-таки, сиреневый – ее любимый цвет. Щеки нанизывает на себя тонкая стрела облегчения.

Получилось. Она наконец сделала хоть что-то. Далая повернула кольцо и активировала линзы. На случай, если придется защищаться в суде.

– Можем продолжать? – спросила Чон, и Шани различила едва скрываемое нетерпение в голосе.

– Немного времени есть. Обычно я долго принимаю ре-

шения.

Мистер Аэртан тарабанит по предплечью, уставившись в пустоту. От скуки Безликая делает то же со столешницей.

Шани ускорила видео. Безликая вышла из оазиса и направилась к лифту. Спустилась на станцию магистрала. Села в капсулу...

– Ну вот! А я надеялась, что дальше будет так же интересно. – с обидой пробурчала Чон.

Капсула добралась до пункта назначения и поднялась на платформу. Людно. Нет, на всех станциях в Нантане не протолкнуться, но здесь... Девушка почувствовала, как паника подступила к горлу, обхватила его шершавыми ладонями.

Липкое тепло окружающих тел. Случайные касания... Шани почувствовала себя грязной. Людской поток вынес Безликую к лифту.

– Кажется, я начинаю ценить одиночество. – прошептала Чон.

Улица. Пространство расширилось и вспыхнуло разноцветными кронами деревьев. Людей вокруг все еще невообразимо много, но Шани больше не задыхалась. Безликая посмотрела вверх...

– Ракулайский космопорт?! – вскрикнула Чон.

– Тшш! Мы больше не одни! – прошипела Шани.

– Не шипи на меня! Никогда не видела его... вживую.

Шани замедлила видео. Она прекрасно понимала эмоции Чон, никакие голограммы не способны передать вели-

чие этого здания.

Стены переливаются бесчисленным количеством узоров. Безликая движется против людского потока, можно сказать, идет против системы. Ирония кажется Шани забавной.

Безликая заходит за угол, и людской поток стихает. Впереди стена с гигантскими воротами посередине, через которые можно протащить целый шаттл. Возле входа о чем-то болтают трое, рыжая девушка отщепляется от компании и заходит внутрь.

Девушка в песчаных капри и асимметричной черной куртке стоит спиной. Безликая останавливается и юркает обратно за угол. Лицо второго человека...

– Незнакомка из офиса? – усмехнулась Чон. – Сдаюсь, ты права. Многовато совпадений.

– Кто это рядом с ней?.. Какой-то баг или что?.. – прошептала Шани.

Незнакомка уходит, с каждым шагом наращивая скорость, украдкой поглядывая назад. Лицо второго человека, до того частично скрытое за ее спиной... будто не существует. Ни волос, ни глаз, ни даже кожи. Непонятно, женщина или мужчина., лишь равномерно залитый серым силуэт.

Безликая подходит к безликому. И на этот раз разговор действительно анонимный.

– Черт. – выругалась Чон.

Безликая срывается с места и гонится за незнакомкой. Свернув за угол, замечает, как девушку засасывает людской

поток и вносит в здание космопорта. Безликая следует за ней.

В здании столько людей, что разбегаются глаза. Но, если незнакомка действительно связана с Сопротивлением, она отвратительный агент: ее внешность слишком выделяется. Безликая находит ее взглядом, как вдруг... Нзнакомка бросает что-то на багажную ленту.

– Пожалуйста, скажи, что мне не показалось! – взвизгнула Чон. – Есть догадки, что это было?

– Ворота, возле которых она стояла... Для чего они такие огромные?... – задумчиво пробормотала Шани.

– Грузовой терминал?

– В грузовом терминале ракулайского космопорта работал Номер два.

– Кто?

– Агент Сопротивления, которого я... которого недавно арестовали. Он так же связан со станцией, с которой Безликая забрала куб. Если незнакомка нашла и бросила на ленту именно его, то я больше ничего не понимаю... Если Безликой не удалось перехватить куб, то она не могла и подменить его у себя в квартире! Для чего того Оракул показал мне тот фрагмент?

– Если ты думаешь, что девушка только что завершила последнюю передачу, мы все равно должны...

– Сообщить об этом. – закончила за подругой Шани.

По крайней мере, Шани надеялась, что после случивше-

гося, они теперь подруги.

– Тогда я побежала к себе. Черт. Как только я выйду, трансляция прервется. Я не смогу без этого...

– Так возвращайся, когда получишь ответ! Я проведу тебя обратно. – обернувшись на шуршание за спиной улыбнулась Шани.

В комнату хлынул свет, наполнил глаза слезами до того, как Шани успела зажмуриться.

– Какого хрена опять происходит?!

– О чем ты? – удивилась Шани, пытаясь хоть чуточку разлепить веки, чтобы разглядеть темный силуэт в дверях...

Вот только голос принадлежал КЪЯРЕ. Съежившись как от удара, Шани закрыла лицо ладонями. Лучше не видеть ее лицо, когда она узнает...

– И она еще спрашивает! Мы уже сорок минут ждем тебя! Я понимаю, ты не любишь торопиться, но это... – Кьяра шумно выдохнула. – Ты могла хотя бы выйти на связь. Сказать, что задерживаешься...

– Мне. Нужно. Еще. Немного. Времени... – еле выдавила Шани сквозь сколапсировавшее горло.

– Отдых действительно пойдет тебе на пользу! Ты отстранена на неделю.

– Черт! – прошипела Чон где-то за спиной. Слава Создателю, она успела спрятаться за кресло!

– А на что ты рассчитывала?! Искренне надеюсь, что эта неделя пойдет тебе на пользу. Что ты сидишь?! Вставай и

проваливай!

– Отстранена?... – пробормотала Шани, силясь осознать смысл слова. – А как же наше расследов...

Палец вспыхнул внезапной болью от укуса. Девушка мысленно поблагодарила сжавшееся горло за то, что не выпустило крик, и Чон за то, что нашла способ заткнуть. От боли по телу пробежала волна возбуждения. Шани заслужила это. Бесплезная эгоистка. Дрянь, которая так и не научилась держать язык за зубами.

– Какое, мать твою, расследование?! Выходи, или я вызову охрану!

Шани встала и украдкой заглянула за кресло. Испуганные зеленые глаза Чон блеснули так ярко, что снова пришлось зажмуриться. Чудо, что Кьяра до сих пор не узнала.

Понуриив голову, Шани вышла из кабинета. Уже привыкшие к свету глаза все равно наполнились новой порцией слез. Кьяра захлопнула дверь и взмахнула ладонью по предплечью, как выстрел щелкнули замки...

– Чтобы у тебя не было соблазна проникнуть внутрь. – улыбнулась начальница.

– Но там...

Сердце встало.

– Что там?

Чон осталась внутри. На неделю. Без еды и воды...

– Ничего. – вздохнула Шани.

Чертова эгоистка! Девушка ущипнула себя за мочку уха.

– Вот и отлично. Надеюсь, ближайшую неделю мы не увидимся. Этот отпуск... Он нужен и мне.

Шивартанский Поцелуй

– Какие-то проблемы? – бархатный голос за спиной шибанул током. Реанимировал. Заставил замершее сердце заколотиться.

Далая была уверена, что рассталась с надеждой, но надежда никогда не уходит. Прячется. Скрывается. Играет в ближе-дальше. Избегает, когда ты больше всего в ней нуждаешься, но никогда не отпускает. Всегда возвращается.

– Проблемы будут у тебя, если продолжишь совать нос не в свое дело. – ухмыльнулся таможенник.

Он не собирался расставаться с добычей. Усилил хватку, и Далая уже не знала, что больше: клетка его шершавых пальцев на предплечье, или тлеющая тоска по вновь ускользающей надежде.

– Я спросил не у вас. – мягко прошелестел голос.

Далая обернулась. Идиотская шутка. Мираж. Наваждение. Шелковистые каштановые волосы до плеч. Черные бездонные глаза. Уверенный изгиб губ, успокаивающий и манящий, совсем как в тот вечер в ресторане. Далая не думала, что они снова встретятся. Скорее надеялась, что нет, но надежда обычно глуха к ее просьбам.

– Снова попалась в чьи-то похотливые лапы. – улыбнулась Далая.

Воспоминания о прошлой встрече вогнали в краску. Ошу-

щение дереализации, ее отсутствующий взгляд в туалетном зеркале, тепло его мягких рук...

– Нужно быть осторожнее. – незнакомец пожал плечами. – Ты сдавала багаж? Если никуда не летишь, он не имеет права тебя удерживать.

В голове зароились тысячи мыслей. Что он здесь делает? Какова вероятность встретиться снова, да еще и при таких обстоятельствах? Что, если и первая встреча была не случайной?..

– Когда он схватил меня, я как раз уходила. – пробормотала Далая.

– Так вы знакомы! – воскликнул таможенник. – Может, задержать тебя за пособничество?

– Может, задержать тебя за препятствие расследованию? – парировал незнакомец. – Девушка обладает важной информацией по поводу произошедшего в терминале “Шао”.

Сердце ударило в последний раз. От недостатка кислорода потемнело в глазах, слова прозвучали глухо, как сквозь воду. Незнакомец даже не смотрел на таможенника, когда говорил. Его глаза пожирали Далаю. Девушка уловила тусклый отблеск сомнения во взгляде, но это не имело значения. Он полицейский.

– Что же вы сразу не сказали! – стушевался таможенник. – Прошу прощения, офицер. Передаю ее вам. Но вы должны знать, что она...

– Я видел, что она сделала, мистер...

– Толлин, сэр! – натянувшись как струна, отrapортовал таможенник.

Его хватка, наконец, ослабла, и Далая, воспользовавшись моментом, выдернула руку. Синяк татуировкой расплылся по коже, и девушка принялась растирать воющее предплечье, стараясь как можно скорее соскоблить синяк с поверхности. Какого черта мужчины постоянно хватают ее?!

– И, конечно, случившееся останется только между вами и мной. – едва ли не впервые за все время разговора незнакомец посмотрел на Толлина. – Если подключится ваше или мое начальство, придется объяснять, почему вы до сих пор не остановили ленту багажа.

– Вот черт... – пробормотал Толлин и бросился в сторону ленты.

– Поздно, мистер Толлин. – голос незнакомца нагнал таможенника, поймав того в середине движения. – Сейчас девятнадцать ноль один, а это значит...

– Что портал закрылся минуту назад. – Толлин побледнел. Далая сделала неуверенный шаг в сторону выхода, но незнакомец преградил путь. По крайней мере, ему хватило такта не лапать ее без спроса.

– Багаж уже на орбите, мистер Толлин. Но все еще можно исправить. – улыбнулся незнакомец. – Свяжитесь с орбитой. Пускай ужесточат проверку. А претензии по поводу сверхурочных пускай направляют ко мне.

– Спасибо, офицер. – облегченно выдохнул таможенник.

Его поза стала расслабленнее, а лицо снова налилось жизнью.

– Всегда пожалуйста. А теперь я украду вашу добычу. Хорошего дня, мистер Толлин.

Легким кивком головы незнакомец приказал Далае двигаться в сторону выхода, и ноги радостно подчинились.

– Офицер, я даже не знаю вашего имени! – вдогонку крикнул Толлин, но ни Далая, ни незнакомец не обернулись.

Эмоции схлынули, оставив после себя лишь зудящую пустоту, больше не было смысла бороться, да и не хотелось. Можно попробовать убежать, но где гарантия, что выжженные адреналином ноги не подставят еще сильнее?

Даже если отбросить усталость, рядом с незнакомцем тело становилось ватным, легким и, одновременно, непослушным. Хотелось держаться поближе. Невзначай плечом касаться бархатной кожи. Ловить горячее дыхание.

Далая корила себя за слабость. Умом понимала, что незнакомец – полицейский, но оправдывалась тем, что Толлина боялась гораздо сильнее.

Они вышли на улицу. Аэрдэн скатился к горизонту и с трудом пробивался сквозь густые кроны. Далая любила смотреть на закат, но сегодня он принес щемящую тоску. Девушка обернулась и на прощание окинула взглядом терминал. У нее ничего не вышло в Нантане, не вышло вернуться домой, но, возможно, ей удалось напоследок совершить нечто важное...

Незнакомец приказал усилить контроль на орбите. Когда куб найдут, получится, что... все было зря. Далая зажмурилась так сильно, что веки хрустнули. Должно быть, с таким звуком трескаются надежды. Открыла глаза, чтобы смахнуть проступившие слезы.

Девушка злилась на себя за беспомощность, за то, что попала в зависимость от незнакомца... Но еще больше злилась на него. За то, что дал и тут же растоптал надежду. За то, что не оправдал ожиданий. За то, что в очередной раз подтвердил: надеяться можно только на себя.

Толлин был уже далеко, но, нахмурившись, продолжал пялиться. Далая мельком взглянула на часы над его головой. Часы на стене. Глупость. Пережиток прошлого. Еще одно излишество. Девятнадцать ноль-ноль.

Колючей волной по коже пробежали мурашки, притяжение к незнакомцу стало физически ощутимым. Он обернулся, и Далая провалилась в черные дыры его глаз. Черные дыры останавливают время, но не могут поворачивать вспять. Он наврал Толлину насчет времени.

Незнакомец дернул девушку в сторону, скрывая от любопытных глаз Толлина. Далая еще не успела возмутиться, как незнакомец притянул ее к себе и поцеловал. От неожиданности губы раскрылись. Глаза распахнулись от удивления и негодования так сильно, что едва не вылезли из орбит. Парень протолкнул язык ей в рот...

Это оказался не язык. Нечто твердое, кубической формы,

с легким металлическим привкусом. Далая с трудом сдержала рвотный позыв. Незнакомец отпрянул и, приложив указательный палец к ее губам, медленно помотал головой из стороны в сторону.

– Сиреневатый блеск в твоих глазах – это линзы? – прищурившись, спросил он.

Далая кивнула. Самый осмысленный ответ, на который она была способна. Буря из отвращения, смятения и радости превратила мозги в кисель.

– Тебе идет. – продолжил незнакомец. – Но я хочу увидеть натуральный цвет. Не сомневаюсь, он идет тебе не меньше.

Дрожащими пальцами Далая повернула кольцо. Металлический сгусток любопытства во рту раскалился и обжигал язык, удерживать его внутри становилось больше с каждой секундой.

– То, что ты сделала... – замялся незнакомец. – Ты нашла это в раздевалке?

Надвигающийся вечер не сказался на количестве людей вокруг. Космопорт никогда не спит. Людской поток разбился надвое, обтекал Далу и незнакомца, как порог на реке. Время все же остановилось.

Далая прищурилась и закусила губу. Не хотелось признаться полицейскому в совершении преступления, но, с другой стороны, все и так попало на камеры. Девушка снова кивнула.

– Блестящая догадка. – беззаботно улыбнулся он. – Изви-

ни за внезапный поцелуй. Это было не слишком романтично. Да и в ресторане было слишком быстро. Я немного нервничал, да еще алкоголь...

Поток слов стал таким мощным, словно то, что незнакомец ранее держал во рту и передал с поцелуем, было дамбой, и теперь ее прорвало. Далая с трудом успевала понимать смысл сказанного.

– ...Надеюсь, это не последняя наша встреча. А пока – следи за языком. Слова, которые могут с него сорваться, слишком опасны. Используй язык с умом.

Внезапно замолчав, незнакомец сорвался с места и зашагал в сторону терминала “Шао”. Далая не моргая смотрела ему вслед, глаза слезились от ветра и пыли. Разумеется, от ветра и пыли, других причин быть не могло. Незнакомец скрылся за поворотом.

Девушка лишь надеялась, что встреча все-таки последняя: расставаться с каждым разом становится сложнее. В первый раз она испытала лишь легкое сожаление, теперь...

Кажется, теперь она в безопасности. Надолго ли? Безопасность – это скучно. Устало улыбнувшись этой мысли, Далая вдруг осознала, как сильно хочет в туалет. Вторая встреча, и вот она снова собирается в уборную. Дурацкая традиция. В первый раз было довольно захватывающе, но теперь – утомительно.

Девушка сделала шаг в сторону терминала “Аэр”, но, увидев Толлина, спохватилась и отправилась в другую. Куб во

рту немного освоился и нашел относительно удобное место под языком.

Терминал “Квер” выглядел в точности, как “Аэр”, но здесь Далая еще не успела ни с кем поссориться. Покрутив кольцо, девушка активировала линзы, чтобы свериться с картой. Ближайший туалет находился справа от входа.

Далеко идти не пришлось: Далая уперлась в хвост гигантской очереди, похожей на хвост тантара. Рябящие переливающиеся чешуйки ходили из стороны в сторону, зазывали девушку в свое нервное гудящее лоно, стремились превратить в еще одну чешуйку, наполнить тревогой, беспокойством о времени вылета и другими незначительными проблемами.

Любопытство стало нестерпимым. Сожаление от расставания – горьким, как желчь. На губах еще тлело воспоминание, одновременно приятное и мерзкое, но даже приятная часть провоцировала отвращение к себе.

Весь день Далая только и делала, что позволяла другим распоряжаться своей судьбой. Ноги, Элти, Толлин, незнакомец... За день она приняла лишь два решения, и оба раза чувствовала себя великолепно. Сильной. Значимой. Несмотря на последствия.

К черту ничтожные чешуйки! Далая вышла из очереди и направилась в мужской туалет. Она привыкла нарушать пра-

вила.

Очередь недовольно зашипела. Осознав, что привлекла всеобщее внимание, Далая улыбнулась, чем вызвала еще больше шума. Удивление. Восхищение. Негодование. Зависть. Главное, что не безразличие.

– Ты куда намылилась? – выкрикнул кто-то из толпы.

Далая остановилась и смерила очередь презрительным взглядом. Чешуйки сделали вид, что смотрят куда угодно, но только не на нее. Ухмыльнувшись, Далая продолжила движение.

– Заблудилась или ищешь приключений? – снова воскликнула чешуйка.

– Ты что-то сказала? – Далая развернулась так резко, что чешуйка не успела отвести взгляд.

Поняв, что деваться некуда, по крупницам собрав уверенность у окружающей толпы, та прокричала:

– Я спрашиваю, ты слепая или шлюха?!

От звона глупых смешков шипение очереди изменилось. Почувствовав всеобщую поддержку и одобрение, чешуйка расплылась в самодовольной улыбке.

– Беспочтуетесь за ваших мужчин? – оскалилась Далая. – Не стоит. Я согласна только на лучшее. У вас его быть не может.

Очередь шикнула так громко, что заглушила рокот терминала, задохнулась от возмущения, заглохла и утонула в окружающем гуле. Возможно, очередь взорвалась бы, разлетев-

шись тысячей разъяренных осколков, но Далая уже вошла в туалет. Никто не пойдет за ней сюда. Никто не осмелится.

Внутри было практически пусто. Судя по всему, мужской туалет – самое безлюдное место в космопорте. Иронично, что Далая страдает от одиночества, но так счастлива оказаться здесь, вдали от суеты.

У зеркала усердно поправлял волосы мужчина в строгом сером костюме в шивартанском стиле. В отражение девушка заметила, что тот вопросительно смотрит на нее. Далая улыбнулась, стыдливо отведя взгляд, и мужчина, хмыкнув, вернулся к прическе.

Напускной стыд превратился в реальный. Очередное непрошеное воспоминание. Тепло его рук. Волны напряжения, несущиеся по спине. Далая нырнула в кабинку и замотала головой, чтобы вытрясти глупые мысли. Выключила линзы. Выплюнула изо рта подарок. Датакуб, точно такой же, как тот, что отправился на орбиту.

Почему незнакомец отдал его ей? Видел, что она сделала? Дура. Конечно, видел. Незнакомец спас и соврал Толлину про время.

Еще он спрашивал про линзы. Чем линзы отличаются от импланта? Линзы можно отключить. Линзы позволят посмотреть содержимое втайне?

Любопытство должно было схлынуть, но разгорелось сильнее, хотя жжение стало приятным. Далая покрутила куб на ладони. Осмотрела со всех сторон: ничем не примечатель-

ный. На одной из граней догнивали полузатертые очертания цифры “Квер”. Девушка нахмурилась, попыталась вспомнить компанию с таким логотипом, но в голову ничего не пришло.

Далая перевернула куб. На противоположной грани находился такой же логотип, но еще менее отчетливый. Обычно логотипы способны пережить смерть предмета, на котором выгравированы, для корпораций нет ничего важнее логотипа... За исключением прибыли. Но эти вещи обычно взаимосвязаны.

Скорее всего, во рту незнакомца была обычная слюна, не кислота. Скорее всего, логотипы стерлись уже давно... Хотя, учитывая взрывной характер Далаи, такое могла сотворить и собственная слюна.

Повинуясь сиюминутной догадке, приняв цифру за инструкцию, Далая сильно надавила пальцами на цифры с обеих сторон...

В воздухе вспыхнула голограмма, одна из самых детальных, что доводилось видеть, и, в то же время, крошечная. Практически игрушечная...

Черт, камеры! Далая подняла испуганный взгляд на потолок...

Гениальная чертовка. В туалетах не бывает камер, поэтому она сюда и пришла. Всегда приятно узнать о себе то хорошее, о чем всегда подозревала.

Черные стены... Не стены, видеопроекции открытого кос-

моса. Из-за черноты огромный зал кажется бесконечным.

Семь золотых кресел и стол. Несмотря на красоту, невероятно сложные блюда на столе не кажутся аппетитными, вызывают лишь эстетическое наслаждение. Невозможно представить вкус того, что никогда не видела и не пробовала.

Люди вместо декора. Ожившие портреты с пола в терминале “Аэр”. Верховная Ассамблея в полном составе. Почти, одно кресло пустует. Чернота вокруг подчеркивает роскошные наряды.

Седые волосы. Грубые, почти нечеловеческие черты делают лицо диким и завораживающим, пугающим и манящим. Брюки цвета индиго. Оранжевая рубашка цвета Аэрдена с мягким теплым свечением. Ишшай Кассео. Одна нога покоится на другой, голова закинута назад, глаза прикрыты. В руке вальяжно раскачивается бокал.

– У нас сегодня свежая кровь? – шелестит слабый сиплый голос.

Камера поворачивается в сторону входа. Длинная песчаная роба, настолько же необъятная, насколько крошечным выглядит человек под ней. Дряблый. Высохший. Морщин на лице столько, что Далая не может осознать его черты. Старик движется в сторону пустующего кресла, голова безвольно покачивается в такт неуверенным трясущимся шагам.

– Скучаете по Ханаю? – спрашивает молодой мужчина, растекшийся в кресле, будто подражая Ишшаю Кассео. Несмотря на показную расслабленность кажется, что он

скрывает колючее напряжение.

Самый молодой из присутствующих. Светлые волосы. Гладкая шелковистая щетина, слишком короткая, чтобы спрятать сильный подбородок и пухлые, слегка обветренные губы. Розовые струящиеся брюки. Мягкий бирюзовый блейзер распахнут, белая сетчатая майка под ним просвечивает рельефную грудь. Очень красивый, хоть и не типаж Далаи. Девушка не знает его имени, но по цветам и наряду уверена, что он представляет Ханварон.

– Для тебя он не Ханай, а господин Маре, мальчик. Но мне приятно видеть новые лица. Некоторые из нас слишком засиделись. – Старик хитро смотрит на Ишшай Кассео и падает в кресло, с облегчением улыбаясь. Глаза сияют пылким умом, запертым в темнице рассыпающегося тела.

– Кто бы говорил. – улыбается Мавар Лодия, мерзкий бесцветный паразит со стеклянными глазами.

Ну как он мог выиграть последние выборы?! Спустя столько лет, кто мог в здравом уме за него проголосовать?.. Все, что он делает на своем посту – высасывает и присваивает ресурсы Дамарака.

– Ишшай сидел здесь задолго до меня. Обидно, что лучшие уходят, и их заменяют на безмозглых марионеток. – старик поджимает губы, и те дрожат так сильно, что Далая почти слышит звон.

– Говорите, что рады новым лицам, а сами относитесь к ним с недоверием и агрессией, мистер...

– Господин.

– У меня нет господ. – сквозь зубы цедит мужчина с Ханварона.

– Ты слышал его, Ишшай? – смеется старик, но смех переходит в хриплый кашель.

– Заканчивай концерт, Арбелай. С последнего собрания твоя публика поредела. – растирая переносицу, бормочет Ишшай Кассео.

– Не думал, что когда-нибудь скажу это, но я согласен с Ишшаем. – говорит Лодия. – Понимаю, что на Лодилане, как и всегда, нет проблем, но давайте поскорее закончим весь этот фарс. У меня на носу выборы.

Получается, запись сделана до выборов. Сразу после восстания рабочих?..

– Многим из нас предстоят выборы, Мавар, но переживаешь только ты. – снисходительно бросает мужчина в черном двубортном пиджаке с воротником-стойкой.

Наулаец?

– Ханай тоже не переживал. Теперь среди нас этот ниат. – парирует Мавар, указывая на ханваронца.

– С выборами могу помочь. – улыбается тот. – Каждому из вас.

– Вот это рвение. – ухмыльнувшись, сипит Арбелай. – Держи поводок покрепче и покороче, Ишшай, не то ненароком укусит и тебя.

– Могу заняться предвыборной кампанией. – продолжает

ханваронец, игнорируя нападки. – От победы вас отделяет всего одно “да”.

– Благодарю за предложение, но у меня уже есть пиарщики. – говорит Лодия. – И, как видишь, я все еще в Ассамблее.

– Тем не менее, за результат предстоящих выборов вы опасаетесь. – самодовольно щурится ханваронец. – Недавнее восстание пошатнуло ваши позиции...

– А вот это тебя не касается. – вспыхивает Мавар. – Что такого ты можешь предложить, чего не могут другие? Какие у тебя гарантии? Сколько тебе лет? Ты провел хоть одни выборы?

– Свои. И вот я здесь. Кто из вас слышал обо мне до выборов?

– О, я был наслышан! – смеется Арбелай.

– Понимаю, к чему ты клонишь. – перебивает Мавар. – Если бы не скользкая тень над твоей головой, я бы, может, и согласился, но не хочу до конца жизни оглядываться. Стоит только отвернуться, и тень проберется в места, которые не принято обсуждать в приличном обществе, и даже не перезвонит после. Не люблю, когда меня используют.

– Что ты хочешь взамен? – спрашивает наулаец, мужчина в черном, еще недавно уверенный в победе.

Верховная Ассамблея – логово скользких тантаров. Они все здесь стоят друг друга.

– Доступ к вашим рекламным площадкам. Импланты, линзы, экраны. Нужен доступ ко всему. – отвечает ханваро-

нец, и его поза становится расслабленной по-настоящему.

– Ты свихнулся? – спрашивает человек в черном, и это слишком острая реакция для наулайца. – Ни одна Малая Ассамблея не позволит этого. Прорекламирровать тебя, предложить кому-то сделать “Маццарен” основным поставщиком рекламы – пожалуйста. Ты предлагаешь обанкротить целую отрасль и сделать тебя монополистом.

– А также... – как ни в чем ни бывало продолжает ханваронец. – Скорейшее увеличение числа носителей имплантов. В идеале – хотелось бы сделать ношение обязательным для большинства работников.

Мавар Лодия заливается хохотом, эхо громом прокатывается по залу. Человек в черном закусывает губу, будто стараясь сдержаться и не подхватить летающий в воздухе вирус, но его глаза смеются, выдавая с поличным.

– И кто же поставит столько имплантов? – спрашивает человек в черном – Не самые популярные устройства. Люди не горят желанием отдавать компаниям данные с собственных сенсоров.

– “Тассин”.

– То есть, бесплатные импланты не ставят, а платные захотят? – на этот раз человек в черном не выдержал и издал сдавленный смешок. – Я слышал, дела у “Тассин” идут не слишком хорошо. Не удалось даже распродать последнюю партию.

– Когда ношение станет обязательным, за импланты за-

платят корпорации.

Ишшай Кассео поднимает голову и с удивлением смотрит на ханваронца.

– Неужели мы ошиблись с кукловодом, госпожа Тассин? – улыбаясь, проскрипывает Арбелай.

– Я действую в своих интересах. – парирует ханваронец.

– Да что ты?! – выдавливает Мавар Лодия, еще не пришедший в себя после приступа хохота. – И как твои интересы связаны с имплантами “Тассин”?

– А нам то это зачем? – перебивает наулаец. – Помощь в выборах – далеко не гарантия результата, а цена слишком высока. Не хотелось бы становиться ни чьей игрушкой.

– С удовольствием стал бы игрушкой госпожи Тассин. – хихикает Арбелай, и тут же снова заливается кашлем. – Вот только... кхе-кхе... все еще боюсь... кхе-кхе... что под маской окажется другой.

– Все мы догадываемся, кому принадлежит идея. Почему бы ему самому не высказаться? – впервые подает голос представитель Аймерана.

Скорее всего, Аймерана. Если человек в черном – наулаец, а все указывает на то: и черная строгая одежда, и чрезмерная сдержанность в выражении эмоций, то кудрявый мужчина в красном может быть только представителем Аймерана. Видео, очевидно, снято с глаз Ранеи Тассин: она единственная, кого Далая не видит на заседании.

– Потому что, если автор идеи предложит такую инициа-

тиву, никто из нас никогда ее не поддержит. – ехидно улыбается Арбелай. – Оракул и импланты – Создатель знает, что со всем этим можно сотворить.

– Твое слово, Ишшай. Ты согласен с тем, что предлагает мальчик? – устало спрашивает Мавар.

– Я уже давно не маль...

– Согласен. – перебивает ханваронца Ишшай.

– Что и требовалось доказать. – улыбка Арбелая становится шире, обнажая ослепительно белые зубы. Слишком белые для дряхлого тела.

– Я поделюсь доходами с каждым из вас. – бормочет ханваронец.

– А говоришь, что уже не мальчик. – усмехается старик. – Не стоит говорить о таких вещах прямо, господин Мацца. Попахивает сговором и нарушением как минимум парочки законов.

Господин Мацца. Кроме Раней, тот единственный, кого старик называет господином, но делает это настолько уничижительно, что ханваронец морщится, а его поза вновь становится напряженной.

– Каким образом? – бурчит Мацца. – Никто из вас не выйдет за пределы своих лицензий.

– А я говорю не про нас.

– Заканчивай, Арбелай. У меня разболелась голова. – Ишшай Кассео резко оттолкнулся от спинки кресла и наклонился вперед, сложив подбородок на кулаки – Пора проголосо-

вать за инициативу Эмелердена. Ракулай – за.

– Здорово, что ты согласен. Больше не придется гадать. – ухмыляется Арбелай. – Лодилан голосует против.

– Ханварон – за! – восклицает Эмелерден Мацца, пожалуи, слишком торжественно.

– Аймеран – против.

– Наулай – за. – говорит человек в черном.

– Ты сошел... кхе-кхе... с ума?

– Трое из семи. – осторожно говорит Мавар, с интересом пялясь на наулайца. – Поскольку простого большинства недостаточно, мой голос не станет решающим. Пропущу очередь, мне интересно мнение госпожи Тассин. Несмотря на то, что ей выгодна эта инициатива, она никогда не гонялась за прибылью.

– И никогда не соглашалась с Ишшаем. – улыбается Арбелай. – Бесит, когда не можешь кем-то манипулировать, а, Ишшай? Все еще в шоке, что второе по важности кресло до сих пор занимает она, а не...

– Я согласна. – шелестит усталый женский голос.

– Что?! – хрипит Арбелай и в очередной раз захлебывается кашлем. – Ранея, ты серьезно?

– Просто бизнес, Арбелай. – бормочет она. – Инициатива слишком выгодна, чтобы я могла ее проигнорировать.

– Стало быть, оставляешь старика в одиночестве... – вздыхает Арбелай. – Кверден всегда был единственным. Трех было достаточно, чтобы наложить вето на практически любое

решение. Последние выборы на Ханвароне внедрили в наши ряды предателя. Присоединяйся к коалиции, Мавар, и ты никогда останешься один. Помни, что всегда можешь обратиться ко мне. Каждому из них плевать на Дамарак. Им нужен лишь твой голос и твоя свобода.

– Ценю твое предложение, Арбелай, но боюсь, что, если проголосую против, это станет моим последним решением на посту.

– Тебе даже не дают гарантий! – сквозь судороги хрипит Арбелай и распыляет что-то себе в рот.

– Если госпожа Тассин согласна, то и я тоже. Дамарак голосует за.

Голограмма исчезла.

Почему незнакомец отдал куб? Почему именно ей?.. Что она должна теперь сделать? Да и что это за заседание? Что на нем произошло? Сговор? Нарушение антимонопольного законодательства?

Если подумать, количество носителей имплантов в последнее время значительно выросло, во многих отраслях ношение стало обязательным. И почему, если импланты производит “Тассин”, инициативу продвигал Мацца?

Одни вопросы. Далая просияла: она обожала загадки, у нее снова появилась цель. Девушка едва не смыла куб в унитаз, но в последний момент одумалась: он еще может пригодиться, а если и нет – это памятный подарок. Далая сунула куб в декольте, туда, где еще недавно нежился его близнец.

Без этого груди было одиноко.

Девушка покинула кабинку. В уборной было все так же пусто, шивартанец, стоявший у зеркала, по всей видимости, наконец заключил перемирие с волосами и ушел. Далая тоже поспешила к выходу, надеясь, что больше не придется никому ничего объяснять. Когда до двери оставался последний шаг, та предательски открылась, и внутрь скользнула...

– Да ты совсем отчаялась! – воскликнула рыжая журналистка.

От неожиданности, Далая впала в ступор и, защищаясь, скрестила руки на груди.

– Даже если у тебя проблемы с деньгами, не стоит настолько опускаться, – ухмыльнулась рыжая, и гримаса показалась Далае настолько самодовольной и мерзкой, что захотелось съездить ей кулаком по лицу. – Есть множество менее грязных способов заработать.

– А ты что здесь делаешь?

– Здесь нет очередей.

– Значит мы мыслим одинаково. – ухмыльнулась Далая. – Не уверена, что рада это признавать, но, по крайней мере, не придется за тебя беспокоиться.

– Ты беспокоилась? Это так ми-и-ило! – свернув губы в трубочку простонала рыжая.

Все-таки, в ее хорошем настроении было нечто раздражающее. Наверное, то, что у нее не было повода – Далая собрала все значимые трофеи в космопорте. Куб на груди будора-

жил кожу, напоминая о загадках.

– Всегда больно наблюдать, когда кто-то сдается, и, вместо того, чтобы продолжать следовать по выбранному пути, начинает шариться по мужским туалетам в поисках пары ауресов.

– За это можешь не беспокоиться. – хитро сощурившись, хмыкнула рыжая. – Пока вы с Элти стояли на улице, я нашла намного больше.

– В таком случае, жаль, что мне пришлось уйти. – Далая картинно поджала губы, изображая, что вот-вот расплачется. – Вечером снова придется голодать.

Миссия Любой Ценой

Складской комплекс.

Пригород Нантана, Ракулай.

– Это невозможно, Ла.

Круглые безоправные солнцезащитные очки скрывали верхнюю половину лица девушки, в то время как высокий воротник, в котором Лаура, ссутулившись, топила подбородок – нижнюю.

– Дай мне подумать! – нахмурившись, прошипела Лаура.

Даже будь она без идиотской маскировки, ее лицо снова ускользнуло бы от Феликса, оставив лишь тревожную недосказанность. Тем не менее, он продолжал осыпать девушку взглядами, надеясь выцепить и запечатлеть в памяти хотя бы одну черту. Говорят, повторять одно и то же в ожидании иного результата – это признак безумия, но Феликсу не нужно подтверждение очевидного. Возможно, если бы он смог запомнить Лауру, то смог бы вспомнить лицо отца.

Сквозь фарфоровую кожу лба Лауры напряженно пульсировала вена. Очередной работник зашел внутрь серого складского помещения на окраине промзоны, Феликс сбился со счета, но тот был уже тридцатым, не меньше. Как должно быть странно Безликие смотрятся в идиотской одежде, стоя на одном месте вот уже полчаса.

– Нас всего двое. Ни поддержки, ни амуниции, ни плана...

– Разве не ты рвался проверить догадку? – спросила Лаура, продолжая буравить здание взглядом, пытаясь прожечь в нем дыру.

Будто без ее помощи Аэрден не справлялся! Феликс несколько раз встряхнул ткань накидки, чтобы подсушить взмокшую кожу.

Из-за угла, со стороны пустыни, показалась молодая русоволосая девушка, но чьи-то руки тут же утянули ее обратно. Феликс улыбнулся: по крайней мере, они с Лаурой не единственные, кто отлынивает от работы.

– Мы проверили. Узнали координаты. Теперь нужно вернуться на базу.

– Координаты чего? – пробурчала Лаура. – Адрес привел сюда, и мы все еще на Ракулае. Датацентр, пусть даже и буферный, здесь не поместится. Тем не менее, я точно знаю, что где бы он ни был, это место с ним связано. Посмотри, как одеты работники.

– В обычную одежду? – съязвил Феликс, мельком взглянув на очередного вошедшего внутрь.

– Вот именно. Работники остальных складов вокруг носят форму. Я не знаю, что это за место, но, определенно, не склад. Может быть, внутри подземный комплекс... Да какая разница! Сначала нужно попасть внутрь.

Феликс с тоской посмотрел на здание. На первый взгляд, ничем не примечательное, вот только, если приглядеться,

пожалуй слишком чистое. Серое, безликое, но чистое. Маскирующийся осколок “Денорен”, за годы так и не сумевший стать здесь своим, такой же чужеродный, как Безликие в очках и накидках среди обычных работяг.

С другой стороны, зачем бы зданию “Денорен” маскироваться? Никто в здравом уме не осмелится проникнуть внутрь. В здравом уме.

– Пускай это не станция, не датацентр, но это зацепка. Вернемся с официальной миссией.

– Август не пошлет Безликих против “Денорен”. Для этого нужны яйца. – Лаура всплеснула руками.

– А как же “Тассин”? – вздохнул Феликс.

– Сколько мы планировали миссию? За это время в “Тассин” успели узнать о нашем прибытии. Напомнить, чем все закончилось?

– Как будто сейчас о нас никто не знает.

– Импланты Безликих не отслеживаются, мы используем подменные личности, на лицах практически маски...

– Практически маски?.. – Феликс вскинул брови, и взгляделся в лицо Лауры, надеясь увидеть хоть какой-то намек на улыбку, но ни один мускул не дрогнул. Девушка говорила серьезно.

– Если ты лично не сообщил в “Денорен”, то я не понимаю, откуда бы им знать. – холодно бросила Лаура.

В воздухе пахло грязью, противной смесью пыли, пота и затхлого отчаяния. Феликс посмотрел на жужжащее небо,

продырявленное темными пятнами дронов-доставщиков.

Нет, дроны были и в Нантане, но там они старались скрывать свое присутствие. На большие расстояния перемещались под землей, летали по строго установленным маршрутам... Здесь дронов было больше, чем неба.

Аэрдэн, в те редкие моменты, когда был виден, казался ржавым. Темно. Феликс посмотрел на небо поверх очков, но причиной черноты оказались не очки, а нехватка кислорода. Воздух был таким грязным, что Безликий инстинктивно замедлил дыхание и каждый раз оттягивал момент следующего вдоха.

– Ла, ты всегда была рассудительной. Ну что нашим подменным личностям делать в промзоне в сотне километров от Нантана?

– Мое альтер эго очень разностороннее.

– И что ты предлагаешь? Просто ворваться внутрь...

– Я уж думала, ты не предложишь. – Лаура сорвалась с места и быстрым уверенным шагом двинулась в противоположную от здания “Денорен” сторону.

– Стой! – сдавленно прошипел Феликс.

Он хотел броситься за девушкой, но пришлось идти медленным шагом, не имея возможности догнать Лауру так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ее походка, дерзкая, но, в то же время, дерганная, выдавала скрытое волнение. Феликс видел, с каким трудом Ла удастся выдерживать спокойный темп и не перейти на бег.

Лаура юркнула в узкий переулок, похожий на трещину в монолитной стене из складских помещений, и направилась параллельно зданию “Денорен”. В глубине души Феликс надеялся, что они движутся обратно к станции магистрали, прочь из гнетущей промзоны, но такой поступок оказался бы не в духе Лауры.

После проверки в ней точно что-то изменилось. Она была склонна к импульсивным поступкам и раньше, но теперь стала безрассудной. Возможно, Феликс занимался самовнушением, потому что чувствовал, что проверка изменила его самого.

Безликий тоже свернул в переулок. Тесный настолько, что Феликсу пришлось повернуть корпус и подать одно плечо вперед, чтобы не застрять где-нибудь посередине, переулок не улавливал и десятую часть дневного света.

Солнцезащитные очки не добавляли ему шарма. Глаза Безликого привыкли к темноте только к середине пути, а вездесущая пыль, сбежавшая сюда от редких порывов колючего ветра, делала воздух густым, как желе.

Феликс натянул воротник повыше. По крайней мере, в тени переулка было не так жарко, и, надо признать, маскировка неплохо справлялась с пылью, без очков Фел едва ли смог бы разлепить глаза. Может быть, Безликие выглядели не так уж нелепо.

Переулок выходил прямым в пустыню. Лаура шагнула в пылевое облако, превратившись в смутный темный силуэт,

Феликсу пришлось ускориться, чтобы окончательно не потерять девушку из виду.

Дойдя до конца, он высунулся наружу, чтобы оглядеться. Никого. Только парень с девушкой, обжимающиеся за углом от входа в здание “Денорен”, но они слишком заняты друг другом. Вряд ли им есть дело до каких-то Безликих, разгуливающих без брони среди бела дня.

Тыльной стороной ладони Феликс вытер холодную испарину, проступившую на лбу. На руке остались рыжие разводы. Иногда он скучал по маске. Тяжело вздохнув и в очередной раз убедившись, что парень с девушкой не смотрят в его сторону, Фел вынырнул из переулка.

За время своих душевных терзаний он потерял Ла. Пыль осела и на миг Феликс увидел бескрайнюю равнину до самого горизонта. На кой черт колонизировать семь планет, если даже на Ракулае есть пустоши, где не за что зацепиться глазом?.. Феликс любил города. Краски. Искусство. И определенно ненавидел уродливую ржавую язву, в которую его занесло. Ракулай – планета контрастов.

Очередной порыв ветра бросил в лицо тысячи мелких иголок, ухудшив видимость почти до нуля. По крайней мере, благодаря очкам, глаза остались в порядке, хотя в пустыне глаза, в общем-то, бесполезны. Феликс плотнее зарылся носом в воротник.

По земле, извиваясь, вцепившись колючками в ненадежную землю, стелились длинные бледно-рыжие стебли саула,

расчертив землю на сегменты, будто ища что-то. Скорее всего, глоток чистого воздуха. Бесполезно.

Лауры все еще не было видно. Спустя еще пару шагов Феликс заметил впереди разлом, который скалился все шире и шире по мере приближения, пока наконец не превратился в овраг, такой резкий и неожиданный, будто кто-то рассек равнину кнудом.

Феликс посмотрел вниз, на русло мусорной реки, протекающей по дну. Банки, бутылки и контейнеры заполняли овраг на сколько хватало взгляда. Не обойти: он казался бесконечным в обе стороны. Скорее всего, Лаура пошла вдоль него направо, вряд ли девушка решила бы еще удалиться от здания “Денорен”. Фел двинулся в предполагаемом направлении.

Спустя время в воздухе проступили смутные очертания здания. Безликий заметил глубокие следы на границе оврага, подойдя ближе, услышал жалобный стон, до того почти неразличимый в бесконечных завываниях ветра. Неужели Ла сорвалась?.. Феликс посмотрел на дно, но не увидел ничего, кроме мусора.

В поисках источника звука, он поспешил дальше вдоль оврага, то и дело поглядывая вниз. Ветер, как назло, завыл громче, пытаясь запутать, сбить с пути. Возможно, ветер заботился о его безопасности, но Безликий только ускорил шаг.

Должно быть, безрассудство заразно, но, если вспомнить

собственное поведение в последнее время, Феликс уже не был уверен, кто является нулевым пациентом: он или Ла.

Два темных силуэта вынырнули из пыли, как два айсберга из тумана. Охрана?.. С другой стороны, ни он, ни Лаура еще ничего не сделали. Безликий подошел вплотную к краю и, ухватившись руками, свесился вниз, пытаясь нащупать ногами хоть какую-то почву.

Как только Феликс перенес вес на левую ногу, от края оторвался кусок глины, и Безликий сорвался вниз, лишь в последний момент успев зафиксироваться. Склон ударил по ребрам, которые все еще немного ныли после столкновения с капсулой на крыше “Тассин”. Безликий охнул, но вздох утонул в злорадном завывании ветра.

Беспорядочно шаркая ногами, он смог, наконец, отыскать выступ, и перенести большую часть веса на ноги, с облегчением выдохнул и осмотрелся по сторонам. Откуда-то слева донесся очередной тихий всхлип Лауры.

Примерно в метре от Феликса, выступ расширился достаточно, чтобы можно было идти, не цепляясь руками за край оврага. Осторожно переставляя поочередно ноги и руки, Безликий двинулся к расширению.

Метр показался вечностью. Нытье ребер звучало даже невыносимее завываний ветра. Наконец, Феликс смог расслабиться, и руки тут же обмякли и, судя по противоположному жжению, дальше они работать не собирались. Выдохнув, Фел двинулся в сторону всхлипов.

Выступ находился слишком близко к вершине, пришлось пригнуться, чтобы голова не торчала над оврагом. Всхлипы становились все громче. В какой-то момент, Феликс начал сомневаться, что голос принадлежит Лауре, что он вообще принадлежит человеку.

Отклонив голову от склона, Феликс увидел парня и девушку, работников “Денорен”, которые ранее целовались за углом. Работники посмотрели вниз, но не на Фела... На ту, кто стопами заманил их в ловушку.

Работница делает робкий шаг вперед, ее нога замирает на самой границе оврага. Лаура, прячущаяся на выступе, дергивает девушку вниз, та вскрикивает, или, быть может, Феликс сам вкладывает крик в ее искривленные от ужаса губы. Каждый звук в пустыне не отличим от обертонов ветра.

Наплевав на осторожность, Феликс выпрыгивает из оврага и бросается на помощь. Парень-работник подхватывает девушку под руки и не дает сорваться. От неожиданного сопротивления Лаура пошатывается и выходит из равновесия. Повисает на ее ноге. От резкого увеличения веса парень и сам заваливается вперед...

Феликс настигает его со спины, и, взяв в локтевой захват, дергает на себя. Оба валятся на спину. Боль током прошибает несчастные ребра. От удара воздух со стоном выходит из легких. То ли от спазма, то ли от трепыхающегося сверху тела, Феликс никак не может вдохнуть. Девушка выскользывает из рук работника и срывается в овраг, напоследок уда-

рившись затылком о край.

Парень продолжает отчаянно бороться, пытаясь вырваться из захвата. Ветер сдувает с его головы черную кепку и бросает с обрыва вслед за девушкой, его сальные черные волосы лезут в щель между очками и лицом Феликса. Глаза Безликого горят и наполняются слезами. Темнеет, словно Фел и работник вдруг поменялись ролями, и это Фел сейчас извивается в захвате.

Тем не менее, движения работника становятся более вялыми. Менее осмысленными. Тело обмякает, и одновременно с этим мир Феликса погружается в темноту. Из последних сил Безликий толкает работника от себя и, наконец, делает обжигающий вдох.

– Ну и долго ты собираешься прохлаждаться? – высунувшаяся из-за края оврага Лаура натянула на голову черную кепку с коротким козырьком и логотипом “Денорен” и уперла подбородок на сложенные перед собой руки.

– Девушка... – Феликс разразился приступом мучительного кашля.

– Без сознания, но в порядке, насколько я могу судить.

Перевалившись через край, Лаура выбралась из оврага и подошла к телу парня-работника.

– Этот тоже. – проверив пульс, сказала она.

– Какого хрена, Ла?.. – Феликс зажмурился. Пыльное небо показалось самым ярким из всего когда-либо виденного в жизни.

– Чтобы попасть внутрь, нам нужны их личности.

– Какие к черту личности?! Нужно убираться отсюда. – поморщившись от боли, Феликс приподнялся на локтях. – От потери сознания сигнал с имплантов работников прервался. Наверняка, мы хотя бы раз попали в поле их зрения. Будет удивительно, если Оракул еще не среагировал на произошедшее.

– Связь – ненадежная штука. Сигнал регулярно пропадает и появляется. Кратковременная потеря не должна являться основанием для каких бы то ни было...

– Не должна?! Иди к черту! – Феликс ударил ладонью по земле, подняв облачко пыли, тут же растворившееся в воздухе. – Ты готова рискнуть всем ради эфемерной вероятности...

– Заткнись и помоги или убирайся. Меня уже порядком достало твое нытье. Мы Безликие. Эфемерные вероятности – это то, с чем мы постоянно имеем дело. – Лаура вытащила из сумки до боли знакомый белый пистолет. Затылок Феликса заскулил, и Безликий, на всякий случай, втянул голову в плечи. – Нужно сделать потерю сигнала кратковременной. Помоги перевернуть его.

Лаура присела на корточки возле тела работника. Тяжело вздохнув, Феликс поднялся на ноги, отчего каждая клеточка потрепанного тела завизжала, поморщившись, подошел к работнику, и, схватив за руку, потянул на себя, переворачивая на бок.

– Достаточно. Мне нужен только его затылок.

Вытащив имплант работника пистолетом, Лаура вложила его адаптер, корпус которого тут же замигал мягким красным свечением. Девушка провела несколько жестов по предплечью, и замерла, уставившись на ускоряющуюся алую пульсацию.

Правая нога Лауры шуршала по земле, отстукивая сложный ритмический рисунок. Ветер то и дело раздувал коричневую рубашку парня-работника, и Феликс вздрагивал от каждого порыва, опасаясь, что тот очнулся. Наконец, адаптер залился ровным зеленым светом. Улыбнувшись, Лаура провела по предплечью, и перед глазами Феликса всплыл запрос на подключение.

– Прими, когда закончим здесь.

– Что это?

– А ты не видишь? – буркнула Лаура.

– Я имею ввиду...

– Весь трафик с твоего импланта пойдет через этот. – Лаура потрясла адаптер перед глазами Фела. – Для Оракула и всех систем вокруг ты – это он. Пока ты не примешь запрос, Оракул не получает визуальную информацию. Подозрительно, но минут пятнадцать у нас есть. Пускай считает, что парень решил немного вздремнуть.

– А как же наши лица?

– Если ты не можешь запомнить мое лицо, то и Оракул не может его увидеть.

– До этого Оракул вообще не получал данные с наших сенсоров. – заметил Феликс.

– Придется стать осторожнее и поменьше болтать. – девушка бросила ему адаптер. – Держи при себе.

– Не нравится мне все это. Слишком много риска. – про бурчал Фел, запихивая адаптер в карман.

Лаура окатила его ледяным взглядом, но Безликий не почувствовал прохлады.

– Нужно оттащить тело к краю.

– Зачем? Ты же не собираешься...

– А ты предлагаешь оставить его здесь? – Лаура всплеснула руками.

– Да кто его здесь найдет?

– Издеваешься? Ты видел, что происходит на дне оврага?

– А девушка?.. – слова комом застряли в горле. Феликс вспомнил, как та соскользнула и ударилась головой... – Кажется, ты говорила, что проверила ее пульс.

– Ее имплант я вытащила, пока ты валялся без дела.

– Я спрашиваю не об этом.

– Стоило только вспомнить о девушке, и ты тут же перестал бороться за парня. – усмехнулась Лаура.

– Твою мать, Ла! Что ты сделала?

– Прекрати паниковать. До дна всего метра четыре. Там полно всякого мусора, а склон достаточно пологий, чтобы скатиться без серьезных травм. Вот выбраться будет гораздо сложнее.

– Черт. Я не верю, что мы всерьез обсуждаем это.

– Парень не первый подопытный. Я уже проверила концепцию на девушке. При спуске ее тело не успело набрать опасную скорость.

– Все зашло слишком далеко. – прошептал Феликс, но, тем не менее, схватил парня за ногу.

Лаура взялась за другую, и Безликие поволокли тело к краю. Ветер тут же принялся замечать следы. Феликс посмотрел вниз... Сказать по правде, склон не внушал никаких иллюзий насчет своей безопасности.

Безликие обошли тело по кругу и сели на землю. Крепко обхватив руки работника, ногами начали медленно толкать его вперед, все ближе и ближе к краю, постепенно приближаясь к обрыву сами и натягивая руки на себя.

Ноги парня утонули в овраге. Следом пустота сожрала живот. Грудь. Наконец, он исчез полностью, повиснув на руках. Лаура отпустила свою, и удвоившее вес тело потащило Феликса за собой.

– Идиот, что ты делаешь! – закричала она. – Отпусти руку!

Феликс перевалился на живот. Овраг надвигался неотвратно, как цунами. Голова Безликого повисла над пропастью. Тело работника приклеилось к склону, все настойчивее увлекая за собой. Когда грудная клетка Феликса пересекла край, он вдруг осознал, что только что прошел точку невозврата.

Изо всех сил цепляясь носками за землю, Феликс сползал

вниз, но никак не мог заставить себя разжать пальцы. Мышцы пылали огнем. Суставы не слушались. Заржавели, или, быть может, забились вездесущей пылью. Вдобавок, кто-то внутри не разрешал сбросить непосильный груз.

– Придурок. Отпусти. Его. – Руки Лауры болью сомкнулись на лодыжках, немного замедлив падение.

Девушка с силой ударила Фелу под колено. Прошибло током. Пальцы разжались, не выдержав напряжения, и тело работника заскользило вниз. Феликс схватился руками за откос, пытаясь вытолкнуть себя на поверхность. Когда до дна оставалось около метра, грудь работника, повинувшись силе тяжести, отклеилась от склона, тело провернулось почти на девяносто градусов вперед, и плашмя, лицом вниз, шлепнулось в мусор.

Феликс зажмурился и со злости ударил по краю. Несмотря на то, что руки отнялись от усталости, боль почувствовалась отлично, за последние дни Безликий превратился в комок чистой боли. Но, когда ее становится слишком много, она перестает казаться наказанием.

– Он будет в порядке. Было уже невысоко. – прошептала Лаура. – Теперь прими запрос на подключение.

Больше Фел не пререкался. Пристально смотря девушке в глаза, провел по предплечью...

Ничего не изменилось. Он все так же не мог осознать ее лицо. Единственным, что удалось распознать в ускользающих чертах, был страх. По крайней мере, Лаура все еще оста-

валась человеком. Иногда требования к напарнику снижаются слишком быстро.

Лицемерка

– Ты про меня не забыла? – весело спросила позвонившая

Чон.

Ее голос звучал так, будто ничего не случилось. Будто...

– Тебе все еще весело? – Шани с трудом сдержала слезы.

Глаза резало от жалости к себе, и, вдобавок, после депривационной в коридоре казалось слишком светло.

– Да ладно тебе! Ты так расстроилась из-за отстранения?

Забота... Щеки расчертили две холодные зудящие дорожки. Когда жалость к себе находит поддержку в ком-то, она удваивается.

– Неделя! – всхлипнула Шани.

– Всего неделя! – в голосе Чон прозвучала улыбка. – И я знаю, кто уж точно не откажется помочь. У меня есть парочка рычагов давления. Ему кое-что от меня нужно.

– Причем здесь расследование! – вскрикнула Шани, и ее крик эхом прокатился по коридору.

Девушка съежилась и обеспокоенно посмотрела по сторонам: слава Создателю, никого. В депривационной можно было орать во всю глотку; в пустом коридоре, напротив, каждый шорох, отражаясь от стен, усиливался, превращался в тысячи голосов. Злобных голосов, нашептывающих жалкие, самоуничижительные мысли. Шани и не думала, что будет скучать по депривационной...

– Кьяра закрыла дверь! Я не могу тебя выпустить. – понизив голос, прошипела она.

– Ой. Может быть, Иган...

– ...Был прав. Мы заигрались!

– ...Может открыть дверь? – прошептала Чон.

– Думаю, только Кьяра может ее открыть...

– Тогда придется сообщить ей обо мне...

– Чтобы меня уволили?! – вскрикнула Шани. Гораздо громче, чем было нужно.

Девушка представила нестерпимый, сковывающий холод открытого космоса...

– Ну а что ты предлагаешь?.. Неделю без еды я бы, может, и прожила, я не прочь сбросить пару кило, но без воды...

– Меня уволят! – жалобно повторила Шани, и, понизив голос, пробормотала: – Кьяра говорила, что со станции есть лишь один путь – выход в космос без скафандра.

– Получается, твоя жизнь против моей? – саркастично спросила Чон. – Только в твоем случае – это ничем не подкрепленные байки, а в моем – гарантированная смерть. Я звоню Игану.

– Стой! Должен быть другой выход...

Должен быть... Как назло, в голову не лезла ни одна толковая мысль. Руки и ноги окоченели, глаза пересохли от напряжения в ожидании того, что случится, когда Кьяра обо всем узнает...

– Я вся внимание. Мое время почти безгранично.

– Я сама позвоню Игану и посоветуюсь... – прошептала Шани. – Подожди немного!..

Шани прервала звонок. Попыталась взять дыхание под контроль... Без толку. От гипервентиляции стало сложно стоять на ногах. Покачнувшись, схватившись за стену, девушка сползла на пол.

Попыталась поставить ментальный барьер, сделала все, как учили... Крайне сложно возвести барьер между собой и... собой. Как отделить рациональную себя от мелкой трусливой эгоистичной дряни? Где проходит граница? Не является ли рациональная часть той самой расчетливой эгоисткой, от которой Шани так хочет сбежать?

Сделав короткий судорожный вдох, девушка набрала Игана... Парень не ответил. Должно быть злился на нее... на них.

Если Чон умрет, Иган освободится. Сначала ему будет грустно, но разве сейчас он счастлив? Шани будет рядом, сможет утешить...

Черт, ну о чем она думает?! Если быстро не составить план, Чон сама позвонит Игану, ее освободят, а Шани... Выкинут, как мусор.

Девушка увидела себя, парящую в пустоте, закрученную в спираль, как ствол савоса. Покрытые инеем волосы почти голубые, как его синие листья. Скрюченные, скукоженные руки и ноги обернуты вокруг тщетно пытающегося согреться тела. Красные, покрытые сеткой сосудов глаза...

Эгоистка! Снова думаешь только о себе!

Но должен же быть выход! Что если Чон так и не позволит Игану?.. С утра девушки еще не ели, и, если Чон вдруг потеряет сознание от голода... Тогда через неделю, когда отстранение закончится, в депривационной найдут труп Чон, и Шани отправится следом. Вдобавок, станет убийцей! С другой стороны, она уже, пусть и опосредованно, убила Номера два...

Ну что за мысли?! Откуда они?.. Это не могут на самом деле быть ее мысли!.. Шани закрыла голову руками и закричала во весь голос, но, спохватившись, превратила его в беззвучный сип...

Чьи-то руки мягко легли на плечи. Ну вот и все...

– Ты в порядке?

Шани посмотрела вверх. Размытое сквозь слезы лицо Оры показалось светлым и теплым, как Кверден. По губам Шани побежали волны, а озера в глазах вышли из берегов, смывая щемящее наваждение.

– Все кончено... – всхлипнула Шани, стирая с лица надоедливую влагу.

– Это всего лишь отстранение. – Ора опустила на корточки рядом.

Теплое плечо должно было дать ощущение поддержки, но Шани еще никогда не чувствовала себя настолько одинокой. Изолированной от всех. А Чон... Чон хотя бы может позволить Игану, и тогда...

– Меня выкинут в космос... – схватившись за голову, про-
бормотала Шани.

– Глупости. – горячие, но отчего-то не греющие, ладони
мягко легли на плечи. – Кьяру тоже отстраняли, и, как ви-
дишь...

– Что?.. Когда?! – встрепенулась Шани.

Кровь жаром прилила к щекам и осушила слезы. Кьяра.
Святая моралистка, которая вечно учит других тому, что
правильно и неправильно, была отстранена! Губы изогну-
лись в злорадной ухмылке...

Дура, ну как можно улыбаться в такой момент?! Шани та-
кая же лицемерка, как и Кьяра.

– Когда меня перевели, Кьяра... – Ора запнулась и задум-
чиво посмотрела в стену перед собой. – У нее были пробле-
мы с алкоголем.

– Как будто сейчас их нет!..

– Это другое. Тогда Кьяра пила слишком много, невме-
няемая приходила на работу, выносила неадекватные реше-
ния. Перед моим переводом кто-то погиб, но я не в курсе
подробностей.

Много пила... Чон одна в депривационной, совсем без во-
ды...

– Я не хочу быть убийцей!.. – снова всхлипнула Шани.

Стоило перестать жалеть себя. Успокоиться. Придумать,
что делать дальше, но в жалости было какое-то запретное
удовольствие.

– Ты все еще винишь себя из-за Номера два? Не ты его убила. Ты просто выполняла свою работу.

Шани почувствовала себя ужасно глупо. Что толку переживать из-за прошлого? Его невозможно изменить. А отстранение... Шани и сейчас просто выполняла свою работу, причем, намного лучше некоторых.

Нужно срочно освободить Чон, чтобы помочь полиции перехватить датакуб. Шани сжала кулаки. Давно не стриженные ногти вгрызлись в кожу, запустили едва заметную волну возбуждения.

– Спасибо. – улыбнулась Шани.

– За что?

– Можешь позвать Игана?

Ора молча кивнула и, напоследок окинув Шани пристальным взглядом, скрылась в тени офисного коридора.

Ухмыльнувшись возникшей идее, Шани набрала Чон.

– Сможешь подождать еще пару часов?

– Издеваешься?! – воскликнула Чон. – Я умираю с голоду!

Если бы Чон и правда не стало, то Иган... Шани помотала головой, отмахиваясь от назойливых мыслей.

– Нужно дождаться конца рабочего дня. Раньше Къяра комнату не откроет. – уверенно, словно убеждая саму себя, сказала Шани. – У тебя есть что-то, что ты могла бы мне одолжить? Например, из одежды.

– Эй! Если ты не забыла, я еще жива и разговариваю с тобой прямо сейчас. Не рановато ты начала делить мое на-

следство? – нервно рассмеялась Чон.

Лицо снова покрылось краской. Мысль о том, чтобы заметить Чон, казалась притягательной и манящей. Шани представила себя с красными волосами, в чулках и коротком черном платье с глубоким вырезом... в который нечего положить. Какая разница, если платье настолько короткое, что... Щеки раскалились почти до боли... Удивительно приятной.

– Лучше не из одежды. – пробормотала Шани. – Может быть, украшение? Скажем Кьяре, что я одолжила это, и оно срочно тебе нужно, потому что...

Офисная дверь распахнулась и из нее, щурясь, заслонившись рукой от яркого света, вышел Иган.

– ...Потому что у Игана скоро концерт, и ты хотела пойти в этом...

– Какой еще концерт? – пробормотал Иган. – С кем ты говоришь? С Кьярой? Где она?

Несмотря на растрепанные спутавшиеся волосы, на черные от бессонной ночи круги под глазами, парень казался до ужаса привлекательным! Близким, как никогда.

– Не перебивай. – буркнула Шани, ущипнув себя за бедро.

– Кто бы говорил. – парировал Иган.

– Украшение должно быть небольшое, чтобы я могла незаметно протащить его внутрь, когда Кьяра откроет...

– Откроет что? Твою комнату? Что вы опять затеяли?.. – возмутился Иган. – В любом случае, я в этом не участвую.

– Да подожди ты! – сквозь зубы процедила Шани. – Когда

Кьяра откроет, я найду в комнату, а она, наверняка, захочет проследить за мной. Ты в это время выскочишь наружу...

– Наружу?! Она все еще внутри? – глаза Игана расширились, будто между веками вставили распорки. – Вы сказали Кьяре?!

– Подключи уже его к звонку, а?.. – устало пробурчала Чон. – Это невыносимо.

Ухмыльнувшись, Шани добавила Игана.

– Сходи с ней и возьми юбку. Ту, что я надевала на прошлый концерт...

– Какую, мать вашу, юбку?! – воскликнул Иган. – Ты в порядке? Почему сразу не позвонила?

– Ого! Тебя начало волновать...

– Как я пронесу внутрь юбку? – задумчиво произнесла Шани. – Вряд Кьяра впустит меня с сумкой.

– Юбка на запах. Переоденься в платье, а юбку надень под него. – сказала Чон.

– О чем вы вообще...

– ЗАТКНИСЬ! – хором прокричали девушки.

Иган съежился и даже заслонился рукой, будто опасаясь возможного удара.

– У меня нет платьев...

– Ни одного?! – воскликнула Чон. – Возьми у меня. Правда, боюсь, они все слишком короткие.

– И что тогда делать?.. – прошептала Шани.

– Ой, да идите уже! Разберетесь на месте.

Кьяра прервала вызов. Иган посмотрел на Шани с острой смесью разочарования и обиды во взгляде. Их глаза пересеклись, но девушка выдержала не дольше секунды.

Иган заглянул прямо в душу. Наверняка, увидел там лицемерку, думающую только о себе. Маленькая эгоистичная дрянь внутри тоскливо завывала, уколовшись о сужившиеся колючие зрачки.

– Следовало закончить все, когда Кьяра отчитала тебя в первый раз... – пробормотал парень.

– Но Иган...

– Иди домой.

– А как же... – Шани закусила губу до пьянящего привкуса металла.

– Ну почему я вечно пытаюсь тебе помочь? Зачем?! – закричал Иган и ударил себя по лицу. – Ответь, ну кому от этого лучше?..

Шани не смогла произнести ни слова. Даже Иган разочаровался в ней... Девушка осталась совсем одна.

– ...Ты как землетрясение! Каждая твоя выходка все разрушительнее, все сильнее закапывает всех, кто находится рядом! Что ты молчишь?! Когда ты уже успокоишься?! – Иган схватил себя за волосы и потянул голову к груди с таким напряжением, что на тонкой шее и руках вздулась каждая жила. – Почему вы обе просто не можете усидеть на месте?! Почему вам обязательно нужно все усложнить?! Все ведь так просто! Я могу рассказать Кьяре, и ситуация разрешится. Те-

бя уволят, но...

Шани закусила губу сильнее, но действие не произвело желаемого эффекта. Должно быть, девушка уже привыкла к боли. Подбородок задрожал, в носу защекотало, глаза в очередной раз наполнились жжением... вот только слез не осталось. Запас человека ограничен.

– Видимо, я не такой эгоист, каким себя считал... Я всего лишь хочу, чтобы все было как раньше. Чтобы было комфортно и спокойно. Неужели я так многого прошу?.. – Иган резко провел по предплечью. – Держи. – Отправил Шани ключ. – Возьми все, что тебе нужно, только пожалуйста, очень тебя прошу, не втягивай меня... Я возвращаюсь к работе, пока меня тоже не отстранили.

Иган ушел, ни разу больше не взглянув на Шани. На прямых, негнущихся ногах девушка поковыляла к лифту.

Почему все вокруг против нее?.. Кроме Чон... В груди кольнуло, давно знакомая спираль в животе закрутилась с новой силой. Шани просто хотела помочь, но на этот раз пострадала уже не только сама, но и близкий ей человек.

Почему, помогая другим, Шани вынуждена жертвовать собой? Это так неестественно! Какой смысл в этой работе, если никого нельзя спасти?..

На Ханвароне было весело и беззаботно. Игану бы там понравилось... Спираль в животе отрастила шипы, от боли девушка согнулась пополам.

Но что, если на Ханвароне Шани была еще слишком мо-

лодой и не успела вкусить взрослую жизнь? Что, если везде одинаково? Что если маленькая инфантильная дрянь внутри просто боится повзрослеть и принять ответственность за собственные действия?..

Шани не заметила, как оказалась возле двери в квартиру Игана. Активировала ключ... внутри было довольно экстравагантно. Интерьер будто подбирался персонально для Чон, и мнение Игана не учитывалось. С другой стороны, Чон прилетела на станцию только ради него... хоть ее никто об этом и не просил.

Если судить по одежде, Иган любил светло-бежевые и песчаные оттенки. В квартире было темно, даже немного давяще. Шани подумала, что забыла включить свет, но медного свечения оранжевых ламп просто оказалось недостаточно, чтобы полностью осветить комнату.

Черные стены ненасытно поглощали струящиеся оранжевые отсветы. На стене над кроватью висела кричащая красно-оранжевая картина, очерченная дополнительной подсветкой. “Закат Аэрдена” Альбара Дюро. Пейзаж, объятый пламенем.

Кровать с красным атласным покрывалом, та самая, на которой Чон и Иган... Шани покраснела. Должно быть, подцепила цвета от комнаты. Так много красного и оранжевого,

словно ребята прилетели не с Лодилана, а с Ракулая, или на, худой конец, с Шивартана. Хотя откуда на сером Шивартане с его вечной облачностью такие виды?

С трудом протиснувшись между кроватью и комодом, стараясь не касаться покрывала, чтобы лишний раз не расплывать воображение, Шани подошла к шкафу из темного дерева.

Нельзя сказать, что содержимое шкафа удивило, но, тем не менее, щеки запекло сильнее. Висевшая на вешалках, разбитая на комплекты одежда, была нарочито сексуализированной. Платья, юбки и шорты – слишком короткие. Брюки – слишком обтягивающие. Топы – с чрезмерно глубокими декольте. И это при том, что на станции не так много мест, куда можно сходить, и не так много людей, чтобы откровенные наряды не приелись и продолжали вызывать...

Смешанные эмоции. Может быть, в этом и была причина чрезмерной откровенности? Даже приевшись, наряды оставались в памяти.

Шани провела рукой по одежде, и та облизала кожу глупыми вернувшимися фантазиями. Что толку представлять это все на себе, если не вышла формами?.. Разумеется Иган выбрал Чон. Кому может понравится костлявое угловатое тело Шани?.. Ей бы больше подошло что-то мужское. В углу шкафа висела пара коричневых футболок и широкие блеклые брюки из грубой дышащей ткани. Самое то.

Аура Чон занимала всю комнату снаружи шкафа, и внут-

ри, разумеется, ситуация не изменилась. Для того, чтобы отыскать следы существования Игана, пришлось постараться.

Шани наугад вытащила один из десятка комплектов Чон... Форма Безликой. Приятная на ощупь куртка из светоотражающей ткани с прорезиненными сочленениями казалась настоящей, только чересчур приталенной, с голой спиной и шнуровкой сзади. Под курткой висела ультра-короткая юбка и пара чулок, имитирующих поножи.

У костюма была даже маска. Можно надеть и притвориться кем угодно, стать кем угодно. Даже Чон. На этот раз горячо стало не только щекам. Игану и правда нравится такое? У Шани не было эротических костюмов, да и вообще, она никогда не пробовала ролевые игры...

Чон вполне можно было бы заподозрить в связи с Безликими, если бы не висящая рядом полицейская форма... такого же назначения. С другой стороны, недавние события показали, что среди Безликих есть и двойные агенты.

Шани взяла полицейскую форму. Черно-оранжевый топ прикрывал только грудь; спину, как и куртка Безликой, оставлял голой, но Шани, в сущности, нечего прикрывать. Вместо юбки на вешалке висел пояс для чулок, почему-то кружевной и воздушный, с оранжевыми кожаными подвязками.

Костюм Безликой казался сексуальнее, но Шани, все-таки, воевала на другой стороне. Осторожно, словно что-то за-

претное, девушка взяла чулки. Дрожащими, то ли от волнения, то ли от предвкушения руками стянула свои брюки. Сбросила рубашку. Спрятавшись за шкаф от укоризненного взгляда из зеркала, Шани натянула сначала чулки с поясом, а затем и топ...

Похоже, Чон еще и гимнастка, поскольку завязать шнуровку на собственной спине обычному человеку не под силу. Выйдя из-за шкафа, стыдливо потупив взгляд, боясь даже мельком глянуть в отражение, Шани направилась к зеркалу маленькими кроткими шажками, как по теплой шершавой гальке Бирюзового пляжа.

Комод преградил путь. Чем меньше комната, тем меньше времени, чтобы собраться с мыслями, взять себя в руки, принять верное решение... Может быть, поэтому, оказавшись на станции, Шани и совершила столько ошибок. Утянув топ за спиной ледяной застывшей ладонью, девушка осторожно подняла глаза.

Высохшие от недостатка сна соломенные волосы даже в оранжевом свете остались блеклыми, даже на тон не приблизились к цвету Чон. Острые ключицы только чудом не разрезали натянутый топ, выпирая едва ли не сильнее груди. Тонкие палочки ног выглядели по-детски жалко. Асексуально. Кто вообще может предпочесть Шани вместо Чон?..

Тем не менее, форма казалась настоящей, будто Шани и правда перевелась в полицию. В ту самую полицию, что прямо у нее на глазах хладнокровно устранила Номера два. Тош-

нота схватила за горло холодными пальцами.

Шани сорвала с себя топ и отшвырнула в сторону. Из зеркала в нее вперился скелет, даже не человек. Черные синяки под глазами, обострившиеся скулы и нос, проступающие, как скалы сквозь песок, ребра... Пустая, ничего из себя не представляющая лицемерка, питающаяся чужими личностями.

Девушка вернулась к шкафу и принялась яростно выбрасывать комплекты один за другим в поисках злосчастной юбки, чтобы поскорее закончить дела и убраться из квартиры Игана.

Когда почти все содержимое уже валялось на полу, Шани наконец выхватила красную запашную мини-юбку, про которую говорила Чон. Оставалось найти подходящее платье. Вот только все они действительно оказались слишком короткими, а юбка, к тому же, чересчур яркой, что налагало ограничения на плотность ткани.

Шани начала поднимать сброшенные вещи с пола и кидать на кровать. Черное платье слишком узкое, вряд ли удастся вытащить юбку достаточно быстро. Длинное платье в пол... абсолютно прозрачное! Перебрав их все, девушка заметила в шкафу последнее оставшееся платье между футболками Игана и стенкой.

Черное. Блестящее. Без рукавов и бретелек. С узором в виде переливающегося сине-красного тела тантара, спиралью обвивающего силуэт. Поверх висел отдельный рукав с широким облегающим воротником, петлей накидывающим-

ся на шею.

Шани натянула платье на себя, выплюнула набившиеся в рот непослушные волосы, надела рукав и бросилась к зеркалу, едва не споткнувшись об угол кровати. Каким-то чудесным образом, воротник сделал тонкую некрасивую шею изящной и длинной, а свободный куполообразный рукав смягчил угловатые изгибы тела. Даже темные озера вокруг глаз перестали выделяться.

Платье смотрелось идеально, но тоже казалось слишком облегающим. Шани до одури не хотелось его снимать... Девушка рванула обратно к шкафу, принявшись искать что-то, без чего Чон точно не смогла бы пойти в бар. Конечно же, помимо этого платья.

В платье не было карманов, но что-то мелкое можно закинуть в рукав. Обувь – слишком объемная, другой предмет одежды тоже вряд ли влезет... Шани выпотрошила шкаф и ящики комода подчистую, как вдруг рука нащупала нечто прохладное.

Медная цепь. Черный круг из тяжелого металла с семью красными изогнутыми прожилками из лодиата, создающими ощущение бесконечного закручивания в спираль. Красный лодиатовый “глаз” посередине. Око Создателя.

Шани никогда не была особо верующей, да и кто вообще был?.. В основном Его имя употреблялось как интеллигентная замена ругательствам, но, на всякий случай, девушка сомкнула указательный и большой пальцы в кольцо.

Может быть Создатель и послал ей это решение? Око отлично подходит! Обрадованная, Шани выбежала в коридор. Стоило убрать разбросанные вещи, но приблизился конец рабочего дня, и Шани обязательно нужно было успеть поймать Кьяру до ухода... И, конечно же, Игана.

Парень просто обязан увидеть Шани в этом платье. Сейчас девушка чувствовала себя гораздо увереннее, чем обычно, впервые за долгое время ощущала себя красивой. Хотя бы снаружи. Око приятно оттягивало рукав, будто Создатель положил заботливую ладонь на плечо. Может быть, его поддержки Шани так не хватало?

Когда Шани добралась до офиса, Кьяра как раз уходила.

– Не поможет. – сказала начальница сквозь самодовольную улыбку. Было видно, сколько удовольствия она получает от маленькой победы, мешая расследованию, словно...

– Что?.. – задумчиво переспросила Шани.

Словно Кьяра сама работает на Безликих.

– Если ты пришла просить прощения, это не поможет. – ответила Кьяра. – И куда ты так вырядилась? Отмечаешь первый день отпуска?

– Тебе идет. – Иган вышел из офиса следом за Кьярой. Его взгляд оценивающе пробежал по Шани вверх и вниз, замирая в самых волнительных местах.

Девушка почувствовала, что снова заливается краской. Она всегда завидовала красным волосам Чон, но сегодня и сама весь день была красной. Пускай лицемерка, но то, как Иган на нее смотрит...

– Открой, пожалуйста, мою комнату... – пробормотала Шани.

– Создатель! – Кьяра картинно закатила глаза, но Шани почувствовала Его крепкие защищающие объятия. – Работает! Прошло только полдня, а она уже выучила новое слово. Ты слышал, Иган? Она сказала: “Пожалуйста”! Глядишь, через неделю научится извиняться, а еще лучше – осознавать ошиб...

– Мне нужно кое-что забрать. – взгляд Шани стал твердым и решительным, как никогда. По крайней мере, девушка надеялась, что он выглядит именно так, таким она ощущала его в каменном напряжении лицевых мышц.

– Заберешь через неделю.

– Это вещь Чон! – возмутилась Шани.

– Кого?..

– Кьяра предложила называть себя так, чтобы избежать путаницы с тобой. – вздохнул Иган.

– Ясно. – хмыкнула Кьяра. – И почему это должно заставить меня...

– Иган, ну скажи ей!

– Принимать последствия ты так и не научилась. Ну ничего, может быть через неделю... Позволю себе пока побыть

оптимисткой.

– Мы идем на концерт. – отвернувшись, глухо сказал Иган.

– Ты выступаешь? Сегодня?

– Послезавтра. – буркнул парень. Выглядело не слишком правдоподобно, но его реакцию вполне можно было счесть за обычное волнение.

– И поэтому мне нужно забрать медальон Чон! – воскликнула Шани.

Ора вышла из офиса, и, кивнув остальным, направилась дальше по коридору, перед этим так посмотрев на Шани, будто обо всем догадалась. Температура на лице поднялась еще на пару градусов.

– Медальон? – недоуменно переспросил Иган.

– Чон... дала его мне на удачу... – в горле пересохло, и Шани едва не зашлась в приступе кашля.

– Судя по всему, не помогло. – бросила Ора и скрылась за поворотом.

Шани поежилась и принялась нервно растирать плечи.

– Она хочет пойти в нем на концерт? – нахмурившись, от чего лоб посередине вспорола длинная морщина, спросила Кьяра.

– Да. – буркнул Иган.

Было видно, что Кьяра мысленно взвешивает “за” и “против”, и Шани, убрав руку за спину, снова сомкнула пальцы в кольцо, оставив в голове лишь одну мысль: “Разреши. Раз-

реши. Разреши.”

– Ладно, пойдем. У тебя две минуты. И чтобы до следующей недели глаза мои тебя не видели!

Кьяра открыла офис и осторожно, будто все еще сомневаюсь, шагнула в темноту. Шани радостно нырнула следом. От быстрой ходьбы узкое платье начало задираться, и девушка хотела было поправить его, пока не увидел Иган, но вовремя одернула себя. Пусть видит. Разве не для этого Шани выбрала именно это платье? Разве не так поступила бы Чон?

– Время пошло. – Кьяра открыла дверь и рукой пригласила Шани внутрь.

Только сейчас девушка поняла, что не предупредила Чон. На секунду остановившись, Шани принялась судорожно шарить пальцами по предплечью, чтобы отправить сообщение, старательно делая вид, что просто чешется. Благо, в коридоре она вела себя достаточно нервно, чтобы такие движения не казались странными.

– Ну и чего ты замерла?

– Не помню, куда положила... – пробубнила Шани.

– Ну так заходи и ищи. Хочешь, поищем вместе?

– Я сама. – Шани шагнула в комнату, опасливо поглядывая по сторонам. Чон нигде не было.

– Ну и отлично. Как будто мне больше нечем заняться! – хмыкнула Кьяра, но, тем не менее, вошла следом.

Шани подошла к креслу. Провела рукой по подлокотнику, сделав вид, что ищет медальон, краем глаза посматривая

в сторону входа. Сделав буквально несколько шагов внутрь, Кьяра остановилась. Шани юркнула за кресло...

Чон не оказалось и там. Шани наклонилась настолько, чтобы скрыться за спинкой кресла, и осторожно вытащила медальон из рукава, плотно сжав в ладони. Разогнулась... Чон, улыбаясь, стояла за спиной у Кьяры рядом с Иганом.

– Нашла! – то ли от радости, то ли от облегчения, Шани всхлипнула.

Только избавившись от давления, девушка поняла, насколько сильным оно было. Тело расслабилось, и Шани даже пришлось схватиться рукой за кресло, чтобы не упасть.

– И чего ты тогда реवेशь? Выходи давай. – Кьяра раздраженно взмахнула рукой, тенью хлестнув по лицу.

Развернувшись на пятках, начальница вздрогнула, явно не ожидая увидеть за спиной Чон. Взглядом прошла по контуру слишком глубокого выреза, по подолу, едва прикрывающему бедра, по верхнему краю чулок...

– Кьяра, что за наряд?!

– Отдала последнюю нормальную юбку Шани. – рассмеялась Чон.

Было видно, что она тоже испытывает легкую эйфорию от того, что ситуация, наконец, разрешилась. Вот только...

– Еще и юбку? – хмыкнула Кьяра. – Шани, может быть, тебе стоит обзавестись собственной одеждой? Теперь у тебя много свободного времени.

– Почему “еще и”?.. – спросила Чон.

– Вот твой медальон! – вскрикнула Шани и, подбежав, протянула его девушке.

Вопросительно посмотрев на Игана, Чон, нахмурившись, выдернула око из рук Шани и прижала к груди.

– Око? По твоему наряду не скажешь, что ты такая уж монашка. – усмехнулась Кьяра. – Ладно, выметайтесь отсюда. У меня есть дела поинтереснее, чем торчать тут с вами.

Иган взял изрядно погрузневшую Чон за талию и потянул к выходу. Шани попыталась поймать ее взгляд, чтобы понять, что произошло, но та демонстративно отвернулась. Дернувшись, Чон сбросила руку Игана и быстрым шагом вышла наружу.

Шани хотела было броситься следом, но Иган молча покачал головой. Беспорядочно замелькали мысли, но ни одна из них не показалась достаточно правдоподобной. Когда начальница скрылась за поворотом, Шани, выскочив из-за спины Игана, догнала Чон и прошептала:

– Что случилось?..

– Мы договаривались на юбку. – шикнула та и ускорила шаг.

– Просто я не смогла подобрать...

Чон резко остановилась и, развернувшись, вдруг схватила Шани за воротник.

– Кто разрешил тебе брать это платье?!

– Ты сказала возьми любое... – прошептала девушка.

– Дай сюда! – Чон дернула воротник вверх, едва не ото-

рвав Шани голову. Кожу пронзило током от вырванных тут и там волос. Шани испуганно схватилась за лицо, но Чон потянула ее за руку, ухватилась за край рукава возле плеча и оттолкнула.

Шани попятилась и ударилась о стену, рука выскользнула, и Чон шарфом обернула снятый рукав вокруг шеи.

– Снимай остальное!

– Ты чего?.. Это всего лишь медальон! – воскликнул Иган, вдруг возникнув перед Шани, заслонив от огненного штора.

– Всего лишь что?! Не ожидала услышать такое от тебя... Это ты ее надоумил?.. Как ты допустил такое? Я перечислила, что нужно ей дать.

Несмотря на боль, внутри Шани все ликовало: Иган вступился за нее! Значит, не разочаровался. А боль... чаще всего, боль бывает приятной.

– Я отправил Шани одну... – робко ответил парень.

– Одну?! Рыться в нашем белье?! – Чон перешла на крик. – Может ты еще и дал ей ключи?!

– Чон, ну прости... – Шани постаралась, чтобы голос прозвучал как можно более виновато, но внутри не осталось места для раскаяния.

– Прости?! Иди к черту! Чтобы добраться до ока, нужно было перерыть всю комнату! Ты перелапала всю одежду?! Хотя бы убрала за собой?!

– Я... – с каждым обвинением радость испарялась, остав-

для только непонимание. Для того, чтобы превратиться в другого человека, нужно узнать о нем все. Как Шани могла подумать, что какое-то платье сделает из нее Чон?..

– Не важно! Закажу клининг. Сдам одежду в химчистку. – раздраженно процедила Кьяра. – Я в офис – запрошу доступ к камерам орбитального терминала космопорта. Вы оба мои должники.

Миссия Импровизация

– Мы на них даже не похожи. – голос Феликса осип, то ли от усталости, то ли от пыли, то ли от всего сразу.

Насквозь пропитавшаяся потом одежда прилипла к телу, стала холодной и противной от непрекращающихся порывов ветра. Несмотря на жару, Безликий продрог до костей.

– Ты блондинка, а волосы работницы русые. У парня – отросшие, но сантиметров на двадцать короче моих. Еще и черные.

– Надень. – Лаура сняла с головы кепку и протянула Феликсу. Ветер тут же разметал ее волосы по всему лицу.

– Не понимаю, как это поможет тебе. – буркнул Феликс и со злости пнул подвернувшийся под ногу камень. Как и все вокруг, тот оказался куском засохшей грязи и от удара разлетелся в пыль, облачко которой стало частью бури.

– Вряд ли кого-то можно удивить сменой цвета волос. С длиной, конечно, немного сложнее. – Лаура сунула кепку Фелу под мышку. – Спрячь волосы.

– А лица? Думаешь, никто не знает... нас в лицо? – Феликс все-таки нацепил кепку, но чертов ветер принялся выковыривать из-под нее отдельные пряди, как только Безликий оттягивал край, чтобы спрятать другие.

Ветер мог бы принести свежесть и соленые брызги, но, вместо этого, сыпал песок за шиворот.

– Уже поздно. Мы явно опаздываем. Думаю, в здании не будет никого, кроме охраны.

– Кроме охраны? – съязвил Феликс, продолжая бороться со стихией.

– Возможно, они особо не всматриваются в лица. Система пропусков надежна.

– Я бы не сказал, что так уж надежна. Десять минут и всего лишь две жертвы...

– Дай сюда! – Лаура сдернула с Фела кепку. – Она надежна. Прекращай болтать. Теперь нужно следить за тем, что мы говорим друг другу.

Обхватив шею Фела, Лаура одним движением подняла его волосы и, закрутив в пучок, накрыла кепкой.

Серое здание “Денорен” обрело стопроцентную резкость. Безликие добрались до той самой стены, где еще каких-то полчаса назад, забыв о проблемах, целовались работники. Парень и девушка.

Теперь работники валялись на дне оврага, и, даже если каким-то чудесным образом им удалось выжить, выбраться из оврага без чьей-либо помощи невозможно, а чтобы позвать на помощь, придется перекричать пустыню. Человеку такое не под силу.

Безликие вышли из-за угла и направились к главному входу. Как только пустыня осталась за поворотом, нахлынувшая тишина едва не сшибла с ног. Ветер все еще шелестел где-то в дали, но здесь шум казался нереальным, выдуманым.

Неприятным навязчивым воспоминанием.

За время их отсутствия с улицы совсем исчезли люди. Безликих не было целый час. Рабочий день уже начался, и только дроны все также штриховали Аэрдэн, поднявшийся выше, зависший над самой макушкой. Дрожащей рукой Феликс натянул кепку посильнее и проверил, не вылезли ли волосы.

Высокая темноволосая девушка вынырнула с главной улицы и направилась прямо ко входу. Черный с золотом жакет с широким шарфом-воротником, накинутый на голову, прикрывал ее рот и нос от пыли. Лаура права. Работники “Денорен” одеты слишком неформально, хотя, конечно, ничто не мешает им переодеваться внутри.

– Говоришь, никого, кроме охраны? – прошептал Феликс, улыбнувшись тому, что снова обрел возможность шептать и быть при этом услышанным.

– Нужно догнать ее. – шикнула Лаура и устремилась ко входу.

В погоне за быстрым шагом сердце Фела тоже перешло на бег. Лаура коснулась серой двери... Индикатор загорелся зеленым.

Снаружи здание хотя бы пыталось не выделяться, пускай и оставалось при этом слишком прилизанным. Все вопросы о владельце пропали как только Феликс оказался внутри.

С потолка по стенам, переплетаясь, создавая ромбовидный узор, сползали лианы с синими цветками, названия которых Фел не знал. Черная каменная плитка пола в паре мет-

ров от входа упиралась в глянцевую полосу пропускной рамы, по обеим сторонам которой находились стеклянные, похожие на аквариумы, комнаты охраны.

Охранник в левой дремал, откинувшись в красном бархатном кресле, среди обилия окружающей зелени напомиравшем раскрывшийся бутон. Несмотря на приближающуюся опасность, волнение отступило. Архитекторы и дизайнеры “Денорен” отлично знали свое дело.

Охранник в правой глупо улыбался, уставившись в никуда, периодически заливаясь в приступе едва слышимого сквозь бронебойное стекло хохота. Темноволосая девушка, за которой так спешила Лаура, скрылась в помещении на другом конце коридора. За рамой.

Преодолев замешательство, Безликие подошли вплотную к глянцевой полосе. Лаура сделала робкий шаг вперед. Феликс шагнул за ней...

– Как всегда вовремя, Рил. – ухмыльнулся охранник то ли Лауре, то ли чему-то, что смотрел в этот момент внутри себя. – Сегодня Лая почти обошла тебя, но, видимо, в этом соревновании ты непобедима.

– Я ждала за углом, пока она придет. – пролепетала Лаура. – Чего не сделаешь ради победы.

– Все мы знаем, чем ты занималась за углом. – хохотнул охранник. – А ты то куда собрался, Гарт? Вторая смена?

На этот раз, сальная улыбка явно адресовалась Фелу, хоть охранник и продолжал смотреть в пустоту. Справиться с на-

хлынувшим волнением не помогли ни лианы, ни кадки с деревьями, расставленными вдоль коридора, ни умиротворяющее журчание стоящего посередине черного фонтана.

– Ты же знаешь, как это бывает. – замялся Феликс. – Не успел уйти, как уже снова вызвали...

– Ага. Еще на неделю. Работать некому, я понимаю. – подмигнул охранник. – Ладно, иди, чемпион. Повеселитесь там. Не знаю, где она собирается тебя прятать, но это и не моя проблема. Главное – не попадайся никому на глаза.

Феликс готов был поспорить, что на мгновение их взгляды пересеклись, но охранник сразу же вернулся к просмотру чего-то более интересного. Лаура улыбнулась, и, кивнув Феликсу, двинулась дальше. Безликий вытер со лба ледяную испарину, расправил одежду, пригладил кепку и, отбросив мысли о судьбе ее прежнего обладателя, последовал за девушкой.

В первых нескольких комнатах по бокам коридора заливались хохотом другие охранники. Безликие добрались уже до фонтана в центре, но никто так и не остановил их, не вышел из своей комнаты, не заметил, что не узнает в них Рил и... Черт, Феликс даже не запомнил его имя. Очередная маска. Еще один человек, которым Фел вынужден притворяться.

Кепка на голове превратилась в стальной сжимающийся обруч, захотелось сорвать ее с себя и во всем сознаться. Круглый фонтан, выложенный из той же плитки, что и пол, зашумел громче водопада. Пушистые синие кроны стоящих

в кадках савосов из умиротворяющих облаков превратились в тучи, а их закрученные спиральные стволы – в молнии.

Лаура добралась до двери в конце коридора не меньше полуметра чистого металла толщиной, навалилась на нее всем весом, и дверь нехотя поползла внутрь, повинувшись скорее гравитации, чем переданному импульсу.

– Ну наконец-то, Рил! – воскликнула Лая, темноволосая девушка, что пришла прямо перед Безликими. – Он отказывается открывать портал для меня одной.

Портал. В глубине души Феликс надеялся, что датацентр скрывается под зданием. Теперь не факт, что он вообще на Ракулае – открывать портал, чтобы переправлять сотрудников внутри планеты...

– Слишком дорого. – ответил пухлый розовощекий охранник, сидящий подозрительно близко к Лае.

Феликс так увлекся осмотром помещения, что не заметил, что внутри есть кто-то еще. Охранник. Лаура сильнее зарылась носом в воротник, кепка на голове Фела раскалилась настолько, что захотелось выть.

– Или кто-то просто отлынивает от работы. – парировала Лая.

Охранник делал вид, что смотрит внутрь, но его выдавали брошенные украдкой взгляды на бледное лицо Лаи, на ее острые угловатые колени; взгляды, слишком осмысленные и заинтересованные, чтобы оказаться случайными. По крайней мере, никто не рассматривал Безликих внимательно.

– Просто кому-то надоело одиночество. – охранник махнул головой в угол зала.

Феликс проследил за кивком: стена слева плавно перетекала в стекло смотровой, точно такой же, как на входе. Прямо напротив портала. Стекло, отлично пропускающее лазерные лучи, причем, после активации защиты, только в одном направлении.

– Скоро меня переведут на ту сторону. – охранник мечтательно улыбнулся, с надеждой посмотрев на Лаю.

– Для этого тебе придется все-таки открыть портал. – усмехнулась та, но смешок вылетел изо рта, не отозвавшись на лице ни единой эмоцией.

– Пожалуй, ты права. – вздохнул охранник, поднимаясь на ноги. – Гарт, Рил, подходите к сканеру, я пока все запущу.

Сканер сетчатки глаза. Раскаленная кепка обожгла лоб, жар стек на щеки и шею, стало трудно дышать. Феликс оттянул воротник, пытаясь то ли получить глоток свежего воздуха, то ли нырнуть туда с головой и с надеждой посмотрел на Лауру, вот только Ла никогда не была хороша в импровизации. Она обернулась через плечо. Пустым взглядом посмотрела ему в глаза...

Феликс не запомнил ничего, кроме ледяного ужаса. Сделал робкий шаг в сторону портала...

– Чего застыли? – спрашивает охранник. – Провожаешь, Гарт? Кажется, я уже видел тебя сегодня.

– Ага. – сухо бросает Феликс, проходя мимо на негнущихся-

ся ногах.

Чтобы отомстить, нужно выбраться, и только мстостью можно заслужить уважение. Две цели, которые должны конфликтовать, но чудом синергируют друг с другом.

Как только охранник доберется до смотровой, все будет кончено. Единственный вариант помешать – забрать то, что ему дорого, но отец никогда бы так не поступил. По крайней мере тот, кого Фел теперь называл отцом.

Лая поднимается на ноги. Потирает затекшую шею. Смотрит на Феликса... Нет, она смотрит поверх его плеча, будто еще не погасила дополненную реальность...

– Рил, ты покрасила волосы? – с улыбкой спрашивает Лая, но ее губы вдруг сжимаются, как сорвавшаяся пружина. – Ты не Рил...

Лая переводит испуганный взгляд на Феликса, тот резко меняет траекторию и бросается в сторону девушки. Ее глаза, и так широко распахнутые, медленно выползают из орбит.

– Подними руки и медленно обернись. – тяжелый хрип за спиной едва различим сквозь непрерывную завесу пульсирующих висков.

В слепой надежде, что охранник обращается к Лауре, Феликс увеличивает скорость. Да и когда он вообще подчинялся приказам? Что-то щелкает за спиной справа, Безликий инстинктивно сжимается, предвкушая жгучую, пронизывающую боль...

Не выстрел. Двери? Выходит, ловушка захлопнулась.

Лая стоит в неестественной позе, не в состоянии шелохнуться. Голова втянута в плечи, руки изогнуты, как ветви высохшего лаора...

– Я обращаюсь к вам обоим!.. – голос охранника обрывается, когда Феликс настигает Лаю. Забегает за спину. Обхватывает вокруг шеи. Совсем как Гарта.

От укола вины Феликс слегка ослабляет хватку, и из горла Лай вырывается вопль. Вздрогнув от неожиданности, Безликий снова усиливает нажим, перекрывая крик.

Входная дверь заперта. Грузовая дверь слева, видимо, тоже.

– Ублюдок, отпусти ее! – кричит охранник. – Я активировал протокол осады. Вам не уйти!

Лоб зудит от колючих, приклеившихся волос. Капелька пота мучительно стекает вниз, огибая надбровную дугу, но бесполезная кепка даже не может впитать влагу.

– Как открыть двери? – спросила Лаура, и Феликс удивился спокойствию в ее голосе. Еще каких-то пару минут назад она была парализована ужасом.

– Никак. В этом вся прелесть протокола. В ближайшие пару часов двери не откроются, и я могу продлить его действие бесконечно. – гордо заявил охранник. – Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы.

Лаура вскинула голову и рассмеялась. В реальности Безликие находились в ловушке, но Ла вела себя свободно и раскованно, как на тренировке.

– В охрану всегда набирают отмороженных идиотов? – задыхаясь от хохота, выдавила она, а затем, резко прекратив смеяться, ледяным тоном добавила: – Если в течение десяти секунд ты не бросишь пистолет, мой коллега свернет девчонке шею.

Мгновение назад мандражирующая Лая вдруг обмякла, и Феликсу пришлось отклониться назад, чтобы не уронить девушку на пол. Черт, неужели он душил ее слишком сильно?.. Перед глазами снова всплыло пыльное, испещренное капиллярами лицо Гарта...

Что-то тяжелое, должно быть, пистолет, гулко ударилось об пол.

– Насчет самых отмороженных я погорячилась. Соображаешь ты довольно быстро. – усмехнулась Ла. – А теперь, медленно, сделай десять шагов назад.

Под робкое шуршание ботинок Лаура подошла и подняла с пола пистолет, и, держа охранника на прицеле, спиной двинулась в сторону Феликса.

– Теперь нам нужно подумать, что делать с твоими коллегами. – пробормотала Лаура.

– Они ничего не знают! Клянусь, я не активировал тревогу! Только не трогайте Лаю...

Сердце Феликса екнуло. Лая все так же безвольно висела в его ноющих забитых руках.

– За кого ты нас держишь? Как они могут не знать? Ты активировал протокол безопасности. – парировала Лаура, но

голос звучал уже не так уверенно.

Преодолев последние сантиметры, Ла грохнулась на скамью возле Феликса и облокотилась на стену.

– Это осадный протокол. Он нужен, чтобы никто не мог проникнуть в порталную. – протараторил охранник. – Он не предназначен для того, чтобы удерживать кого-то внутри.

– Тогда на кой черт ты его активировал? – не выдержал Феликс и, вслед за Лаурой, присел на скамью, положив Лаю перед собой.

– Я один, а вас двое. – заметил охранник, едва заметно покосившись в сторону окна смотровой. – Ни один из вас не должен был сбежать.

– К противоположной стене! – вскрикнул Феликс, вскочив на ноги за мгновение до того, как Лауру накрыло облако искр от попадания луча прямо над головой. Чтобы не оторвать Лае голову, пришлось оставить ее на полу.

Лаура бросилась вслед за Феликсом. Из-за стекла смотровой стреляло минимум пятеро, точнее сосчитать на бегу не удавалось. Мельком глянув на Ла, Безликий мысленно выдохнул: в порядке. Охранник тоже сорвался с места, но, судя по траектории, побежал к Лае.

Скрежет лазеров. Красные жучки искр. Томительный зуд в теле от ожидания жгучей боли...

Ни одного попадания. Преломление из-за толщины стекла при стрельбе под углом? Или, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, его все еще...

– Так. И. Знала. Что. С. Тобой. Будут. Проблемы. – отрывисто просопела Лаура за спиной.

Феликс напрягся и вильнул в сторону, Лаура выстрелила... Охранник охнул, споткнулся и повалился лицом в пол. Перед глазами снова вспыхнули ассоциации: тело Гарта отклеивается от склона и падает в кучу мусора. Феликс взмахнул глазами вверх, чтобы выключить наваждение, но, к сожалению, в реальном мире это так не работает. Зажмурился, но даже так воспоминание продолжило маячить перед внутренним взором.

Безликий открыл глаза в тот момент, когда до стены оставалось меньше метра. Выставив руки вперед слишком поздно, он получил довольно сильный удар под дых, болью резонировавший в еще не заживших ребрах. Пожалуй, Фел это заслужил.

Облокотившись спиной на стену, Феликс стек на пол, Лаура присоединилась к нему мгновением позже. Только сейчас он заметил, что выстрелы стихли, остался лишь барабанный грохот сердца и судорожные хрипы напрочь сбитого дыхания.

– Это. Было. Близко. – прошептала Лаура.

Феликс отчаянно хотел спросить, какого хрена она опять устроила, зачем было стрелять, но сегодняшней день научил, что объяснений не дожидаться.

Застонав, охранник руками подтянул себя на несколько сантиметров в сторону Лаи. Жив. Феликс хотел было выдох-

нуть от облегчения, но легкие справлялись с этим и без его помощи.

– Куда собрался? – спросила Лаура и пальнула из бластера.

Облачко поднятых с земли искр на мгновение скрыло охранника от взглядов, но когда улеглось, тот уже лежал неподвижно.

– Люблю, когда вы послушные. – хмыкнула Лаура.

– Да что с тобой вообще происходит?! – не выдержал Феликс.

Он пытался разглядеть в холодном лице хоть что-то человеческое, но тщетно. Очки. Воротник. Если что-то и было, оно мгновенно стиралось из памяти.

– Открой портал. – Лаура обратилась к охраннику, проигнорировав Фела.

– Невозможно. – прохрипел тот.

– Не изображай мученика, ты не умираешь. Это бластер, а я прострелила всего лишь твою ногу. Потеря крови тебе не грозит.

– Всего лишь ногу?! – Безликий приподнялся, чтобы подойти и вырвать у Лауры бластер, но руки не выдержали веса собственного тела. От очередного удара об пол копчик прошибло молнией. Теперь в теле не осталось целых костей.

– Делайте со мной, что хотите, только не трогайте Лаю... – охранник перевернулся на спину и с мольбой уставился на Феликса.

– Тогда открой портал. – безразлично бросила Лаура.

– Это можно сделать только из смотровой...

Откинув голову, охранник вперился в потолок. Впервые за много миссий Феликсу стало страшно, адреналиновый источник, обычно питающий его в безвыходных ситуациях, иссяк. Феликс принялся разглаживать заломы на одежде.

Даже в “Тассин” у Безликих был выход. Они не были заперты. Таким беспомощным Фел чувствовал себя всего пару раз. Когда обвинили отца, и...

– Как здорово, что ты решила присоединиться к нашей вечеринке! – воскликнула Лаура.

Очнувшаяся Лая перевалилась на бок и принялась растирать шею.

– Гимел! – просипела она, но Феликс скорее прочитал слово по губам, чем расслышал, поэтому не был уверен в правильности имени.

– Ты в порядке?.. – спросил Гимел, обернувшись через плечо. Беспокойство в его голосе смешалось с облегчением, но его тело тут же снова накрыло снопом искр.

– Лежи смирно! – приказала Лаура. – Лая, вставай и тащи сюда скамью.

Лая не пошевелилась. Лишь глупо открыла рот, позволив подбородку трястись вверх-вниз, как у рыбы, выброшенной на сушу. Лаура снова выстрелила в сторону Гимела.

Феликс зажмурился. То ли от стресса, то ли от постоянных вспышек, у него начиналась мигрень. Если так пойдет и

дальше, Ла разрядит батарею, и Безликие лишатся преимущества.

– Возьми себя в руки. – сказала Лаура. – Делай, что я говорю, и вы оба останетесь живы.

– Будете вспоминать эту историю со смехом. – Феликс попытался смягчить обстановку.

– Когда откроются двери, и вас схватят? – усмехнулся Гимел.

Волнение оставило его. Сложив руки за голову, Гимел закрыл глаза и спокойно лежал на спине, слегка подогнув подстреленную ногу.

– Если так и случится, вам этого уже не увидеть. Хватит болтать. Тащи сюда чертовы скамьи! – прошипела Лаура.

Возможно, подействовали угрозы, возможно – обещание оставить в живых, да и значили ли слова Лауры хоть что-то? Лая взяла ближайшую к себе скамью за край и спиной поволокла в сторону Безликих.

– Отлично. Закончишь – отправляйся за следующей. – сказала Лаура. – А ты, Гамал, или как там тебя...

– Гамул.

– Снимай штаны.

– Чего?! – приподнявшись на локтях, воскликнул охранник.

– Свяжи ему ноги. – Лаура обернулась к Феликсу.

– По-моему, он и так никуда не собирается.

– Предпочту быть в этом уверенной.

– Не собираюсь я ничего снимать. – пробурчал Гамул.

– Ты слишком стеснительный. Думаешь, ей нравятся застенчивые? – Лаура с улыбкой кивнула в сторону Лаи, которая как раз дотащила первую скамью и, понутив голову, отправилась за второй.

Нахмурившись, Гамул принялся аккуратно стягивать штаны, оберегая больную ногу. Происходящее явно доставляло Лауре удовольствие. Раньше она избегала открытого проявления эмоций, но сейчас жестокость читалась в каждом ее движении, в каждой мышце. Повлияли ли на нее три дня проверки, или Безликая всегда была такой?

Когда Ла застрелила Децима, в ее действиях был холодный расчет. Почему-то Фелу казалось, что в тот раз она переживала свой поступок, но откуда ему знать? Люди судят о других по себе и вкладывают в них те эмоции, которые переживали бы на их месте, а Фел... Фел даже не мог запомнить ее лицо.

Но, все-таки, Безликому хотелось верить, что Ла переживала. Что когда Гарт и Рил отправились на дно оврага, у нее просто не было другого выхода, что и тогда Ла винила себя. Похоже, Гней был прав. Депривационная навсегда оставляет свой отпечаток.

Дойдя до Гамула, Феликс помог тому стянуть брюки с щиколоток и крепко связал его голени, несколько раз проверив узел на прочность. Охранник поморщился от боли, но не произнес ни звука. Лая прошла мимо со второй скамьей,

сосредоточенно пялясь в пустоту.

– Свяжи ему руки рубашкой и возвращайся. – сказала Лаура. – И займись окном.

Феликс подчинился. Помог Гамулу снять рубашку. С каждой секундой Безликому все сильнее казалось, что он тоже заложник, да и пистолет все еще находился у Лауры. Лая прошла мимо с третьей скамьей. У противоположной стены оставалось еще две, и, судя по ширине, их должно было хватить чтобы полностью забаррикадировать окно.

Обстановка стабилизировалась. Каждый понимал свою роль. Скрежет перетаскиваемых скамеек, злобное сопение Гамула и топот правой ноги Лауры слились в едином оркестре. Заслонившись скамьей от выстрелов, Феликс вертикально поставил ее перед окном под углом к стене, чтобы не словить вспышку. Отправился за следующей.

Впервые после депривационной у Феликса появилось время на то, чтобы покопаться в себе. До этого он либо спешил куда-то, либо слишком хотел спать. Но теперь, в ловушке, мысли наконец настигли его.

Когда Фел слышал, что отца собираются подставить, откуда он знал, что возле стола стоит Ишшай еще до того, как выглянул? И с каких пор он начал называть Ишшай по имени? Феликс точно не позволял себе такого до проверки. Чем больше он думал обо всем, тем больше противоречий находил. В какой момент этот клубок накопит критическую массу?

Феликс посмотрел на Лауру. Хотя девушка все еще прятала подбородок в воротнике, улыбка явно сошла с ее лица, оставив две тонкие полоски в носогубных складках. Взгляд стал колючим и напряженным. Возможно, не так уж и сильно она изменилась, просто раньше Фел отказывался замечать тревожные признаки.

Последняя скамья встала в ряд, оставив между собой и второй стеной не больше десяти сантиметров. Удовлетворенный качеством проделанной работы, Феликс развернулся и направился к Лауре. Та кивнула и зашагала к охраннику.

– Перевернись на живот! – скомандовала она.

– Это еще зачем?

– Кончай пререкаться и делай, что говорят.

Из ее голоса исчезла жестокая ухмылка. Напряженная Лаура нравилась Фелу гораздо больше, с ней он ощущал хотя бы какое-то родство. С ней его цели, возможно, совпадали.

Тяжело вздохнув, охранник перекатился на живот. Продолжая держать Гамула на прицеле, Лаура свободной рукой вытащила из сумки пистолет для вживления имплантов, и затылок Феликса застонал от воспоминаний. От извлечения Гамул охнул и дернулся, вынудив Лауру отскочить в сторону. Проходивший мимо Феликс подхватил Безликую под руки и помог устоять на ногах.

– Не своди с них глаз. – Ла встряхнула плечами, высвобождаясь из объятий и, нахмурившись, протянула Феликсу бластер.

– А ты?

– Открою портал.

– А как же сканер сетчатки?

– Вот черт. – прошептала Лаура.

– На техническую возможность открытия портала сканер не влияет. – пробормотала Лая. – Решение об открытии принимает охранник на основании результатов проверки.

Опершись на стену и обхватив голову руками, Лая старалась видеть и слышать как можно меньше. Максимально абстрагироваться от реальности.

– Зачем ты им помогаешь?! – воскликнул Гамул.

– Ты же сам слышал. Если они не успеют уйти до того, как сюда ворвется остальная охрана – нам конец.

В льдинках глаз Лауры на мгновение вспыхнули искры. Покачав головой, Феликс отвернулся от Безликой: самообман приятен, но больше обманываться нельзя. Все зашло слишком далеко.

– Они и так убьют нас. – вздохнул охранник. – Слишком опасно оставлять нас в живых.

– Не убьют. – прошептала Лая. – Она сказала, что...

– Как ты можешь ей верить? Она чокнутая.

– Возможно. – парировал Феликс. – Но теперь пистолет у меня, и я не позволю ей причинить вам вред.

Гамул, саркастически вскинув брови, показал на свою ногу.

– Больше вреда. – вздохнул Феликс.

Лая кивнула. Мышцы на ее лице немного расслабились.

– Закончили собрание? У меня все готово. Пора уходить, а то еще немного, и ты переметнешься на другую сторону.

– Знаешь координаты? – спросил Феликс.

– Мне и не нужно. Стекло пропускает сигнал – я подключилась к интерфейсу комнаты. Подходи к порталу, я активирую его дистанционно.

Феликс не горел желанием оставаться с Лаурой, но других выходов из сложившейся ситуации не было. Вздохнув, Безликий направился к портальной раме.

– Лая, милая, иди к нам. – улыбнулась Лаура, добравшись до портала первой.

– Это еще зачем? – хором спросили Гамул и Феликс.

– Что ты собираешься делать на другой стороне без единого козыря?

– Какой к черту другой стороне? Ты свихнулась?! – заорал Феликс. – Выводи нас отсюда, а их оставь в покое.

– А не то что? – рассмеялась Ла. – Убьешь меня? Без меня ты так и останешься в ловушке. Оставишь в живых – я пойду дальше.

– С каждым шагом мы закапываемся все глубже. Продолжать бессмысленно, ты же не идиотка, ты прекрасно понимаешь, что...

– Мне это нужно. – едва слышно пробормотала Лаура, но Феликс уже находился достаточно близко. – Другого шанса не будет. Даже если мы повернем назад сейчас, Безликих

раздавят в течении нескольких месяцев, максимум пары лет.

– Должен быть другой путь. Всегда есть другой путь.

– Попробую успеть узнать координаты станции, пока порталное окно будет открыто.

– Если станция вообще существует.

– Она существует. – Лаура топнула ногой.

– А если на той стороне уже охрана? – прошептал Феликс.

– Для этого мне и нужна Лая.

– Черт, да они же просто расстреляют ее! – снизив громкость до предела, одними губами проговорил Феликс. – Я знаю координаты одного портала в Нантане. – Безликий взмахнул рукой и отправил сообщение Лауре. – Давай вернемся на базу?

– Милая, иди к нам. Все будет в порядке. Когда портал откроется, переходи на другую сторону. Замри в проходе на несколько секунд, чтобы я успела кое-что переслать, и иди. Мы останемся здесь.

– Лая... – начал было Гамул, но девушка жестом остановила его.

– Я пойду. Хочу, чтобы все поскорее закончилось.

До дрожи сжав кулаки, Лая зашаркала в сторону рамы. Волосы у ее лба промокли насквозь и прилипли к лицу. Феликс вспомнил, что еще недавно зудящие волосы под кепкой казались ему существенной проблемой.

– Все будет хорошо. Когда портал откроется, громко кричи свое имя, хорошо? – улыбнулся Феликс, когда Лая про-

ходила мимо.

Девушка кивнула и закусила губу. Сняв с себя кепку, Феликс надел ее на Лаю, развернув так, чтобы логотип “Денорен” было видно как можно лучше. Освобожденные волосы упали на закостеневшие от волнения плечи, но головная боль, наконец, отступила.

Металлический скрежет портальной рамы. Желто-оранжевое пламя вспыхивает в воздухе, обжигая сетчатку даже сквозь солнцезащитные очки. Темный зал на другой стороне заполнен лишь отблесками с этой. Внутри никого, насколько можно судить с ракурса Фела.

Вскинув руки вверх, Лая без остановки кричит свое имя. Шагает в открывшееся окно и замирает посередине, как и приказала Лаура. Повернувшись к Безликим, девушка с обличением улыбается. Натянувшиеся струнки морщинок в уголках ее глаз радостно звенят, предвкусывая скорое освобождение.

Лаура сосредоточенно тарабанит пальцами по своему предплечью. Феликс и сам чувствует, что по-настоящему улыбается, впервые за этот мучительный день, хотя Лая вряд ли видит улыбку сквозь его поднятый воротник. Желто-оранжевое пламя сползает вниз по краям рамы, отчего окно становится все более прозрачным...

Внезапно пламя гаснет, будто его залили водой. Зал превращается в стену. От ужаса мышцы Феликса натягиваются как струны, вот-вот лопнут...

Улыбка так и остается впечатанной в лицо Лаи... В половину лица.

Один светло-карий глаз с благодарностью смотрит на Безликого. Одна рука отставлена в сторону. Одна нога не способна удерживать тело вертикально... Половину тела.

Феликс инстинктивно морщится, пытаясь избежать попадания брызг крови в глаза, но кровь не брызжет. Темной лужей растекается по полу, огибает ботинки Безликого, но тот не шевелится. Парализованный, не может отойти.

Гамул орет ее имя. Мучительно медленно ползет в сторону Безликих, но Феликс все так же стоит, не в силах отвести взгляд от полу-Лаи.

Жутко. Неестественно. Уродливо. К горлу подкатывает рвотный позыв.

– Черт. Черт. – бормочет Лаура где-то за спиной. – Создатель, прости меня... Умоляю, прости...

Глаза высохли настолько, что веки не в состоянии сомкнуться. Зрелище слишком неправильное, чтобы до конца осознать. Лая стоит, будто наполовину скрывшись за поворотом или в дверном проеме, улыбается...

Вот только двери больше нет, как нет и второй половины девушки. Мозг пытается достроить ее по памяти, Феликс закрывает рукой один глаз, чтобы сделать картинку хоть чуточку естественнее...

Новый скрежет порталной рамы. Новая вспышка желто-оранжевого пламени. Безликий жаждет, чтобы огонь по-

жрал его. Выжег глаза. Отнял память. Но такое наказание будет слишком мягким. Если Создатель существует, если захочет наказать, то Феликс спасется. Останется в живых. Будет проживать этот момент снова и снова, каждой ночью, и даже при свете дня.

Чья-то рука шарится по карманам, вытаскивает оттуда адаптер с имплантом Гарта и толкает в спину. Выйдя из равновесия, Феликс падает в порталное окно, но, в полете разворачивается так, чтобы продолжить пялиться на Лаю... На то, что от нее осталось.

Безликий валится на спину. Лаура вбегает следом. Последней проходит полу-Лая, и, продолжая улыбаться оставшейся половиной рта, приземляется рядом с Феликсом.

Окно закрывается. Безликий обещал, что с ней ничего не случится.

Неслучайная Жертва

Второй раз было менее волнительно. Та же парковка. Те же не замечающие ничего вокруг люди, зачем-то собирающиеся в колонны несмотря на огромное пространство. Тот же турникет впереди, больше не кажущийся зловещим. Вряд ли Карот отозвал пропуск, а если и отозвал, Далая всегда могла попросить еще раз провести ее внутрь. Карот не мог устоять перед ее обаянием.

Главный вопрос состоял в другом. Зачем Далая снова пришла в “Денорен”? Чего хотела добиться? Заседание не выходило из головы, но лучше оно, чем губы...

Снова вспыхнули воспоминания, но теперь это случалось так часто, что Далая была готова. Девушка зажмурилась и усилием воли направила все внимание на поиск разгадки.

“Денорен” – компания Ишшая Кассео – занимается разработкой и поддержкой Оракула. Системообразующая компания, от деятельности которой зависит функционирование общества. Определение врожденных способностей, выбор образования и профессии, распределение на работу, раскрытие преступлений. Корпорация, единственным источником финансирования которой являются налоги.

Но, в конце концов, любую корпорацию волнует только прибыль. Даже “Денорен”. По-другому не бывает, это Далая знала точно. Если не “Денорен”, то лично господина Кассео,

несмотря на все его могущество. Таким, как он, никогда не бывает достаточно. Но как увеличить доходы без повышения налогов или демографического взрыва?

Далая остановилась возле одной из колонн, и, зайдя за нее, чтобы не нервировать охранников, села на пол и обняла колени. Появилось мерзкое томящее чувство, когда кажется, будто поняла что-то, но пока до конца не осознала что. Дразнящая, ускользающая мысль.

“Тассин”, компания Ранеи Тассин, занимается производством имплантов, которые, как и линзы, активно используются Оракулом для сбора данных. Большинство производителей имплантов предлагают устройства бесплатно, а зарабатывают на продаже данных с сенсоров, которые используются, например, для таргетирования рекламы. Но не “Тассин”.

Госпожа Тассин всегда была против этой модели. “Тассин” зарабатывают исключительно на продаже устройств. Безопасных, уважающих свободу и личные границы, не предоставляющих данные никому... кроме Оракула, потому что так необходимо по закону.

Если бы не репутация госпожи Тассин, Далая бы точно решила, что именно она – главный выгодоприобретатель от сделки с Мацца. На заседании упомянули, что “Тассин” не удалось распродать последнюю партию имплантов.

Возможно, зная, что закон будет принят, “Тассин” произвели чрезмерное количество имплантов, продать которое в обычных условиях – невозможно. Местные производители

не имели таких запасов, что заставило корпорации закупить импланты “Тассин”. Сделать ее монополистом.

Закупка, наверняка, велась по завышенной цене. Учтывая, что производство запрещено переносить между планетами, расходы на доставку должны были быть просто космическими. Инициатива Маццы озолотила “Тассин”. И, если подумать, с момента имплантового бума, всюду говорили только об имплантах “Тассин”, как будто альтернативы не существует.

Так что же не давало Далае покоя?

– Все в порядке?

Далая подняла глаза. Высокий светловолосый мужчина обеспокоенно свесился над ней, прервав размышления ровно в момент, когда она почти поняла. После вчерашних переживаний зыбучие пески в голове никак не давали ухватиться за правильную мысль.

– Просто жду кое-кого. – сухо ответила Далая.

Мужчина пожал плечами и отправился дальше в сторону офиса. Девушка ждала совсем не того, кого желала увидеть. Захотелось стереть себе память, чтобы вернуть контроль над мыслями, но тогда она бы забыла о заседании. Оказалась бы в относительной безопасности, но утратила цель. Скука.

Кусочки мозаики никак не хотели собираться воедино. Слишком много вопросов. Слишком много неизвестных. Расследование не для журналистки-неудачницы, которая еще вчера готова была сдать и вернуться на Дамарак.

С другой стороны, Далая переборола себя, осталась и получила награду, а вместе с ней – дразнящую шершавость губ, горячее дыхание на лице... Далая зарычала.

Заседание снято с глаз госпожи Тассин, значит она и являлась источником утечки, но что побудило ее? Она работала, и, на первый взгляд, ничего не нарушила, даже не она внесла предложение! Если бы можно было доказать факт взятки Мацце, Ранея Тассин вряд ли стала бы сливать видео.

Антимонопольное законодательство запрещает какие бы то ни было союзы между корпорациями, но усмотреть здесь нарушение закона об абсолютной конкуренции практически невозможно.

Если “Тассин” не продают данные с сенсоров, то от союза Мацце нет никакого толка, в противном случае – это нарушение лицензии. Совместить два таких разнородных источника доходов, как реклама и продажа носимых устройств невозможно даже для крохотной компании с самой мягкой из возможных лицензий.

Далая снова пришла к выводу, что госпожа Тассин не стала бы записывать заседание, если бы была замешана в таком серьезном преступлении. Значит сделка была выгодна в первую очередь кому-то другому.

Для чего Мацце импланты? Почему “Тассин”, если через них нельзя получить доступ к данным? Доступ имеет только Оракул, и, если в сговоре не участвует еще и...

– Это что, главный офис?! – Далаю снова перебили, на

этот раз – раздраженное шипение с противоположного конца парковки. – Ты чокнулся?

В день, когда в голове кислотное болото, Далая выбрала, пожалуй, худшее место, чтобы подумать. Слишком беспокойное и шумное.

– Окно открыла ты, а не я! – другое шипение, более низкое, но от того не менее раздраженное, помешало погрузиться обратно в мысли.

Далая со злости сжала кулаки.

– Издеваешься? Ты дал координаты.

– Если бы ты воспользовалась ими сразу и, наконец, отказалась от своих идиотских планов...

– Идиотских?.. Тогда на кой черт ты пошел со мной?! – высокое шипение сорвалось, не выдержав собственной ярости. Говорящая закашлялась.

– Поначалу наши цели совпадали. Потом – хотел защитить мир от твоего безумия. – мужское шипение стало тише, концовка фразы утонула в монотонном гудении магистрали.

– И как успехи? В последнее время ты спас столько жизней!

Далая встала и осторожно, чтобы остаться незамеченной и не заглушить звук шарканьем шагов, двинулась к источнику. В противоположном направлении от проходной, но интуиция подсказывала, что решение верное.

– Мне нужно подышать. – вздохнул мужчина. Если бы Далая осталась на месте, у колонны, услышать бы не удалось.

– В таком виде? Сперва тебе нужно умыться. – голос девушки смягчился, в нем отчетливо прозвучала вина. – Прости. Ты не сделал ничего плохого. Это все я...

Она расплакалась. Далая уже различала сдержанные, но не беззвучные всхлипы.

Капсулы поредели. Вокруг стало безлюдно, как между оазисами на Дамараке. Чтобы оставаться незаметной, Далая пришлось ступать осторожнее, в такт с аритмичными непредсказуемыми всхлипами.

Установить, где точно находятся говорящие – за колонной или за одной из капсул – пока не удалось, но одно Далая понимала точно: ее саму отлично видно.

Всхлипы становились громче, но реже, идти – все труднее. Приходилось постоянно одергивать себя, замедляться, но, как ни старайся, шагать беззвучно по гулкой плитке невозможно. В очередной паузе между шагами Далая осторожно расстегнула застежки на сандалиях, и сдернув их с ног, начала запихивать в сумку...

– Я тоже виноват. Я должен был остановить тебя. Вместо этого – продолжал идти на поводу. Наверное, в глубине души надеялся, что у тебя получится.

Далая замерла, чтобы дослушать реплику, но рука предательски дернулась, и одна сандалия с гулким шлепком грохнулась на плитку...

Когда эхо рассеялось, стало совсем тихо. Издали, со стороны проходной, доносилось едва различимое жужжание, но

не более того. Черт. Стоило все-таки отдохнуть хотя бы денек.

– Подслушивать нехорошо. – почти беззвучно прошептал голос над правым ухом, и, одновременно, чьи-то руки обхватили Далаю, одна – поверх ключиц, другая – за голову, закрыв рот ладонью.

Девушку дернули назад. Сердце ударило в подбородок, вынудив издать глуповатый всхлип. Далая сбилась со счета, сколько раз ее уже хватали вот так, без разрешения, только за последние несколько дней. Возможно, она просто разучилась бояться, но первоначальный испуг, вызванный, в основном, неожиданностью, сменился раздражением, да и оно не разгорелось на полную.

Было что-то знакомое в держащих ее ладонях, в их сладковатом, с легкой кислинкой, запахе с примесью металла и пыли. Далая узнала его, хоть пока и не поняла, кому он принадлежит. Сегодня плохо удавалось переводить ощущения во что-то осмысленное. Сердце нащупало привычный ритм, Далая расслабилась и позволила рукам усадить себя на землю.

– Это же та самая журналистка! – прошипел женский голос.

– Сейчас я отпущу тебя. – прошептал мужской, и теплое влажное дыхание обдало волной мурашек. – Обещай, что не будешь кричать.

Далая осторожно кивнула.

– С ума сошел? Она знает меня в лицо. – шипение стало громче, настолько, что шептать дальше было бы бессмысленно: по громкости оно уже ничем не уступало полному голосу.

Далая хотела обернуться и наконец рассмотреть похитителей, но захват все еще оставался слишком тугим.

– Все вокруг знают тебя в лицо. Не то что бы мы как-то скрывали...

– Ты понял, что я имею ввиду. Она могла что-то слышать.

– И что ты предлагаешь? – холодно спросил он. – Ты хоть считаешь, сколько их уже было? Скоро лица перестанут помещаться и начнут стираться из памяти.

– Я жду этого момента. – прошептала его собеседница.

Гнетущая тишина. Даже проходная смолкла, оставив едва заметную вибрацию магистрали в одиночестве. Видимо, рабочий день уже начался. Далая хотела проверить время, но с тех пор как она ввязалась в историю с датакубами, включать линзы было страшно.

Окружающий мир от этого стал реальнее, но потускнел. Пропала реклама, но все вокруг стало серым, грубым и безжизненным. Далая стала чувствовать себя еще более одинокой и оторванной от общества.

Зато воспоминания стали ярче и, возможно, поэтому от них никак не удавалось спастись...

Молнией вспыхнуло осознание. Спутанные вязкие мысли под действием электричества выстроились в идеальном порядке. Далая вскочила на землю, воспользовавшись тем, что

незнакомец ослабил хватку.

– Ты обещала не дергаться. – губы незнакомца тронула тень улыбки.

– Я обещала не кричать. – парировала Далая.

Его шелковистые волосы сваялись и спутались, оливковая кожа покрылась разводами красно-коричневой сажи и следами от ногтей, но это точно был он. Парень из ресторана. Уже в третий раз.

– Что ты здесь делаешь? Следишь за мной? – сощурившись, сквозь зубы, надеясь скрыть радость от новой встречи, спросила Далая. – Подозрительно часто мы с тобой встречаемся.

– Вы знакомы?! – воскликнула незнакомка, запустив по парковке гулкое тревожное эхо.

– Лучше, чем ты можешь себе представить. – незнакомец виновато отвел взгляд в сторону.

– Ты же сказал, что вы с ней разминулись.

– Разминулись? – переспросила Далая, переведя взгляд на незнакомку. Белые волосы, холодные колючие глаза... – Элти?

– Элти?.. – незнакомец поперхнулся и с ужасом посмотрел на блондинку. – Она знает твоё имя? Я имею в виду... вы тоже знакомы?

Элти расхохоталась. Шахта неподалеку изрыгнула очередную капсулу, выпрыгнувший оттуда мужчина укоризненно посмотрел в их сторону, но тут же скрылся, затерялся среди

сотен безликих однотипных кабин.

– Что смешного? Что происходит? – возмутилась Далая. – Сначала ты говоришь, что работаешь в...

Незнакомец едва заметно покачал головой, неотрывно пялясь Далае в глаза. Его пальцы нервно царапали щеку, он словно пытался содрать с себя кожу, но от покраснения разводы на лице становились только отчетливее.

Неуклюжие фразы про имена... неужели эти двое...

– Я ведь ничего о тебе не знаю. – аккуратно взвешивая каждое слово, пробормотала Далая. Скрывать настоящие эмоции становилось все труднее – чем больше она узнавала о незнакомце, тем больше становилось загадок. Тем интереснее он становился. – Так почему вы следите за мной?

– Следим за тобой? – вытирая слезы переспросила Элти. – Какое самомнение!

– Тогда почему мы снова и снова встречаемся?

– Это ты мне расскажи. Как ты нашла ту штуку в терминале? Откуда знала, что искать? – лицо Элти мгновенно стало абсолютно серьезным, словно и не было приступа неуместного хохота. Глаза разрезал хищный колючий прищур.

– С чего ты взяла, что я что-то нашла? Я уже говорила тебе и твоей рыжей подружке, что у меня не вышло. Кстати, по слухам она добилась большего успеха.

Далая положила ладонь на декольте и осторожно пощупала куб. Элти и незнакомец были вместе, но почему-то хотелось скрыть от нее правду и, при этом, сделать это кокетли-

во, привлечь внимание незнакомца. Пускай тоже мучается от мыслей.

– Почему ты не оставила его себе? – взгляд Элти похолодел. Мороз пополз по коже Далаи от кончиков пальцев вверх по костям.

– Оставила себе что? – пальцы нервно пересчитали ребра, и, чтобы отвести подозрения, Далая сделала вид, что замерзла. Обхватила себя руками вокруг тела, сведя груди вместе, чтобы лучше ощущать успокаивающую теплоту куба.

– Может хватит? – спросил незнакомец. – Вы хоть представляете, как ваш диалог выглядит со стороны?

– Какая разница?! – Элти повысила голос. – Слишком много случайностей, не находишь?

В прошлую встречу она была более спокойной. Расчетливой и непрошибаемой. Сегодня... Поняв, что напротив обычный человек, а не какая-то безэмоциональная машина, Далая успокоилась и расслабила сжимающиеся тиски рук.

– Гении мыслят одинаково. – улыбнулась Далая. – Вы так и не ответили, почему следите за мной.

– Что ты здесь делаешь? – Элти будто бы разговаривала сама с собой, игнорируя реплики собеседников.

– Пришла поговорить с еще одним любителем поиграть в шпионов.

– У тебя есть связи в “Денорен”? – по слегка поджавшимся губам Далая поняла, что Элти начинает выходить из себя.

– Ага. Создатель нового Оракула, знаешь такого? – ехидно

спросила Далая.

– Ты знаешь Погота?

– Я говорю о Кароте. – хмыкнула Далая. Приятно наконец вывести стерву из равновесия и затащить на свое поле.

– О ком?..

– А он тут при чем? – перебил девушек незнакомец.

Его пальцы, царапающие то щеку, то пятна на одежде, наконец, замерли, а сам он обеспокоенно покосился на Далаю.

– Надеюсь, он поможет мне получить больше информации о заседании. – ответила Далая.

– Каком еще заседании? – Элти выглядела совершенно обескураженной, даже поза стала неуклюжей, словно девушка перебрала с алкоголем, и земля уходила из-под ног.

Потеря контроля над ситуацией гипнотически подействовала на Элти. Это можно использовать.

– И чем он может помочь? – незнакомец приблизился к Далае настолько, что кожи коснулось его сбивчивое влажное дыхание. Он даже не участвовал в разговоре, но выбил девушку из равновесия одним шагом, и за это она злилась на себя и, конечно, на него.

– Как-то же он узнал факты из моего детства. – Далая резко отошла в сторону.

– Есть много способов узнать прошлое. Может, ты кому-то рассказывала...

– Такое я никому не рассказывала. – буркнула девушка.

– Ты так в этом уверена? – не унимался незнакомец.

Он снова шагнул и закрыл Далаю от Элти. Положил руку на плечо и впился пальцами, попав между мышцей и костью. Дал еще один повод злиться.

– Эту историю я точно никому не рассказывала. – поморщившись, ответила Далая.

Попытавшись смахнуть назойливую руку, девушка доби-лась лишь того, что незнакомец усилил хватку. В глазах про-тивно защипало. Сегодня он казался другим, до этого в нем ощущалась загадочная манящая тьма, но теперь будто что-то надломилось.

– О каком заседании вы говорите, черт вас дерит?! – вскрикнула Элти.

– И что же это за секретная история, которую никто не может...

– Мою мать изнасиловал собственный психолог, и она по-кончила с собой! – прошипела Далая и саданула незнакомца коленом в пах. Тот согнулся пополам, и ошарашенно уста-вился на девушку.

На его лице не было признаков боли, только дурацкая смесь изумления и сочувствия. Далая даже засомневалась в том, что вообще попала в нужное место, а ведь это было меньшим из того, что он заслужил.

На парковке снова воцарилось молчание. Незнакомец, не шевелясь, словно статуя, стоял в пугающе неестественной позе, в неразрешимом конфликте между выражением лица и телом. На лбу Элти вздулась длинная горизонтальная вена,

а напряжение вокруг ее глаз усилилось настолько, что от нее вполне можно было бы запитать портал.

– О каком заседании речь? Сколько еще раз я должна перепарфразировать вопрос, чтобы кто-нибудь ответил?

– Верховной Ассамблеи. – буркнула Далая.

– Наконец-то! – Элти всплеснула руками. – Твоя очередь, Фел. Кто такой этот Карот?

– Разработчик системы синхронизации. Я тебе о нем рассказывал.

– Обо мне? Такая честь, господин!

– Господин?.. – поперхнувшись, переспросила Элти. Ее глаза расширились, от пронизывающего взгляда не осталось и следа.

Голова Карота идиотски выглянула из-за крыши ближайшей капсулы, словно та была телом. Огромным телом при непропорционально маленькой голове, что, впрочем, недалеко от истины.

Чертов шпион. Далая сжала кулаки.

– Извиняюсь, что подслушал кусочек разговора... – ссутулившись, как провинившийся ребенок, Карот короткими дерганными шагами вышел из-за капсулы. – Заседание Верховной Ассамблеи, о котором упомянула Далая... Вам удалось узнать, что было на датакубе? Не передать словами, как я рад, что оказался полезен!

– Датакубе?! – Элти заорала так громко, что срезонировавшие от крика капсулы загудели, как раши.

– Поттише! – прошипел Фел. – Ты же не хочешь, чтобы сюда прислали охра...

– Ты видела, что на нем?! – Элти выставила руку ладонью вперед, затыкая Фела. – Какого хрена происходит? Судя по всему, здесь знакомы все, кроме...

– Постой, а ты раньше не работала в “Денорен”?.. – спросил Карот.

– Нет. – буркнула Элти.

– Такую красотку я бы не забыл, ха-ха! – Карот подошел вплотную к Далае и осторожно положил руку ей на плечо. Чертов кретин. Девушка дернулась, стряхнув горячую потную ладонь. – Кажется, Элтисса?

На этот раз поперхнулся Фел. Он даже открыл рот, собираясь что-то сказать, но, судя по всему, онемел от шока.

– Элтара?.. Извини, у меня плохая память на имена.

– И проблемы с головой. – промурлыкала Далая. – Каким идиотом нужно быть, чтобы обсуждать другую девушку при мне?

– Извини, ха-ха! – Карот попытался приобнять Далаю, но та сделала широкий шаг вперед, отдалившись одновременно и от Карота, и от Фела. – Так зачем вам Далая, господин? Хотите придать историю огласке? Не поделитесь секретом: что было на заседании? Так сказать из первых уст, ха-ха!

– Далае решать. – сухо, словно сдерживая приступ кашля, сказал незнакомец. Его взгляд был направлен на Элти. – В конце концов, это ее расследование.

Обняв себя за плечи, Элти исподлобья смотрела на остальных. Истеричными сокращениями по коже ее лба пробегали варианты.

– Как ты раздобыл историю про мать Далаи? – Спросила она. – Сколько лет назад это случилось? Впрочем, не важно. Вряд ли в буфере хранятся данные старше пары недель.

– Это личное дело! – возмутился Карот.

– Вот именно. – Далая обернулась и злобно посмотрела на парня.

Воспоминания, уже почти потухшие, разгорелись с новой силой. Дрожь от переполняющей, едва сдерживаемой энергии гнева, барабанный грохот в ушах...

– Я хотел сказать, что это только между мной и тобой... – робко пробормотал Карот, и, повысив голос, но все так же неуверенно, добавил: – Я не собираюсь разглашать секретную информацию всем подряд.

– Ты уже растрепал ее всему миру. – Далая до боли напрягла все мышцы в теле, изо всех сил противясь всепожирающей ярости. Девушка чувствовала, что происходит что-то важное. Что-то, способное навсегда изменить ее жизнь.

– Я имею ввиду, что информация о буфере...

– То есть, ты не отрицаешь, что получил ее через буфер. – ехидно заметила Элти.

– Я... – закрыв рот ладонью, чтобы не подставиться еще сильнее, Карот, как загнанный зверь, принялся стрелять глазами по сторонам.

Его стало дыхание стало отрывистым, шея втянулась в плечи, до предела увеличив контраст между размерами тела и головы.

– Мистер Аэртан, получается, вы скрыли от меня часть сведений об этом, как вы его называете... буфере? – картинно почесывая подбородок, спросил Фел.

Возможно, он все еще невзначай пытался стереть с лица въевшуюся сажу.

– Что вы, господин... – глухо промямлил Карот, не успев оторвать ладонь от губ. – Я не думал, что вам может быть интересно... такое.

– Такое? – голос Фела стал строгим и властным. – Давайте уточним: зная, что мне пригодится любая доступная информация, вы посчитали, что случившееся ранее, чем пара недель назад, будет мне не интересно?

– Но вам же удалось...

– Интереснее другое. – хищно улыбнулась Элти. – Каким образом вы, мистер Аэртан, получаете данные напрямую с узлов Оракула?

– Вы знаете про узлы?... – Карот побледнел, и по его коже поползли бурые пятна.

– Какие узлы? – переспросила Далая.

– Он снова ничего не отрицает. – улыбнулся Фел.

– Умоляю вас, господин, только никому не говорите. Дала...

– Мне пока нечего говорить.

– Что это за способ? Какой-то бэкдор? – Элти почувствовала запах крови, но Далая вообще не понимала, о чем идет речь.

– Бэкдор?.. – дыхание Карота стало еще более поверхностным. Схватившись за воротник футболки, он постарался расширить горловину, судорожно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Успокойтесь, мистер Аэртан. Боюсь, вам придется еще раз нам помочь. В зависимости от результата, мы, возможно, забудем об этих малопонятных терминах. – сказал Фел.

– Но вам придется рассказать про бэкдор во всех подробностях. – с самодовольной улыбкой добавила Элти.

Бесчувственная

Шани не спалось. За стеной было тихо, но призраки стонов все еще гуляли по комнате. Девушка накрыла себя подушкой, пытаясь заглушить фантомные завывания... или придушить себя.

Чон еще не вернулась – значит Иган совсем один, но, почему-то, от этого Шани чувствовала себя только хуже. Парень казался одновременно соблазнительнее, и в то же время... Шани была сейчас не с ним. Даже так не удалось занять место Чон. Ужасная мысль, отчего-то больше не вызывающая стыда. Сколько можно стыдиться себя? Шани отшвырнула подушку в сторону.

Смирение – защитный механизм подсознания, не способного винить себя бесконечно. Не то же ли самое в конечном итоге происходит с преступниками и террористами, которых они пытаются разоблачить? Но тогда выходит, что Шани ничем не лучше, да и кто вообще дал ей право...

– Переодевайся и пойдем со мной! – Шани уловила глухое шипение из-за двери, к сожалению, адресованное не ей.

Девушка вскочила с кровати и бросилась к комоду, на котором лежало аккуратно сложенное платье Чон. Стоило сразу вернуть его Игану, но тогда Шани потеряла бы повод выскочить сейчас в коридор. Не пришлось даже одеваться: она уже одета. Девушка улыбнулась своей предусмотрительно-

сти.

– Куда ты опять собралась? – зевая, спросил Иган, без особого интереса скользнув глазами по Шани, которая как раз вышла из комнаты. – Вы уже добились, чего хотели.

– Ты хотел спросить: “Куда мы собрались”? – шикнула Чон и, злобно зыркнув на Шани, добавила: – Чего тебе?!

– Я собрался поспать еще пару часов. – пробурчал Иган, и, развернувшись, побрел вглубь комнаты.

– Хотела вернуть... – не успела Шани закончить предложение, как Чон уже выдернула платье из рук.

Последняя частичка человека, которым Шани мечтала стать, утекла сквозь пальцы.

– Ты мой должник, не забыл? – процедила Чон.

– Как я забуду? Ты теперь будешь напоминать об этом при любом удобном случае. – Иган тяжело вздохнул. – Только вот я ничего не нарушил.

– Ты знал обо всем и никому не сообщил!

– И как ты это докажешь?

– А мне и не нужно. Мы не в суде. Думаю, Кьяра охотно мне поверит.

– Ладно. Вопрос был риторический. Даже если не поверит, с тобой мне еще придется жить...

– Люблю, когда ты такой сговорчивый. Положи на кровать... – Чон протянула Игану платье настолько аккуратно, будто от любого неосторожного движения то могло рассыпаться в пыль. – ...и пойдём в твою депривационную.

– Это не может подождать хотя бы до утра?.. – голос Игана, доносящийся изнутри, звучал почти обреченно.

– Действительно! Отправлю Безликим сообщение: пускай притормозят, пока ты отсыпашься. Мы и так отставали от них на четыре часа, а теперь добавилось еще часов шестнадцать!

Иган снова вышел в коридор. Выражение его лица стало таким кислым, что у Шани свело скулы, но, тем не менее, он закрыл за собой дверь и послушно побрел за Чон. Шани последовала за ними...

– А ты куда собралась? – ехидно спросила Чон.

Сердце рухнуло в пропасть. Тело стало скованным и неповоротливым, как от перегрузки при разгоне магистральной капсулы. Выступил холодный липкий пот.

– Мне нельзя с вами?.. – сипло, сквозь сдавленное горло, прошептала Шани.

– А зачем ты нужна? – хмыкнула Чон, демонстративно не смотря на девушку. – Ты отстранена и совершенно бесполезна.

– Если бы не Шани, этого расследования вообще бы не было!

– Ой, я и не сомневалась, что ты будешь ее защищать! В том, что произошло, есть и твоя вина. С другой стороны, благодаря тебе мы узнали, что Шани любит рыться в чужом белье. Как ни крути, ваша работа отлично ей подходит: столько возможностей для подглядывания!

– Поэтому ты так рвешься в депривационную? – ехидно спросил Иган. С тоскливым пониманием посмотрев на Шани, парень покачал головой и одними губами прошептал: – Прости.

– У меня есть кое-какие границы. – ответила Чон и быстрым шагом устремилаь по коридору.

Помешкав пару секунд, Иган поспешил за ней. И без того серый коридор померк, стал совсем бесцветным. Остался лишь затухающий шорох шагов.

Главное, что Кьяра и Иган продолжают слежку за Безликими и, наверняка, раскроют их. Но почему Шани от этого не легче?! Почему так больно?..

Расследование она начинала вместе с Иганом, а теперь оно продолжится без нее... Как можно не завидовать, если у Чон есть все, что Шани так жаждет?.. Окажись Чон в таком же положении, она бы точно нашла выход, а если бы выхода не было, она бы прорубила его, прожгла своими огненными волосами.

Но Шани не Чон. Она могла одеться как Чон, могла бы сделать пластику, но этого все равно оказалось бы недостаточно. Шани не хватало дерзости, страсти, огня. Такое не подделать.

Шани могла прочувствовать Чон и, при помощи эмпатии, даже предсказать, ее поведение, но вряд ли смогла бы поступить так же сама. А даже если бы и смогла, получилось бы неестественно и неуклюже.

Чон права: Шани бесполезна. Настолько, что Чон назвала ее своей должницей, но даже не потребовала долг. У Шани просто нечего взять...

– Меня ждешь? – Ора возникла из ниоткуда и снова в момент, когда Шани ощущала себя максимально никчемной.

Черное матовое платье, состоящее из трех- и четырехугольных сегментов, симметрично расположенных относительно центра, показалось самым ярким предметом в коридоре, несмотря на то, что было, пожалуй, чересчур строгим. Сегменты наезжали друг на друга как редкие, излишне правильные чешуйки.

– Меня уволили? – тоскливо спросила Шани, рассматривая платье. Наулайское. Шани никогда не спрашивала Ору о прошлом, но платье рассказало все.

Собственно, Шани никогда и не общалась с Орой за исключением разговора, который состоялся сегодня... или вчера. Кажется, вчера, но две ночи без сна упаковали время в один бесконечный мучительный день.

– Пока не уволили. – ответила Ора, и ни по тону, ни по выражению лица, не удалось понять, шутит она или нет. – Может, я еще не знаю всех фактов?

Шани обняла себя за плечи, в поисках поддержки, но Ока Создателя больше не было, а рука, лишённая защиты рукава платья Чон, заледенела и стала склизкой от пота. Покрылась коркой застывших мурашек.

Мелкая эгоистка, как можно не замечать, кто тебя окру-

жает?.. Ора всегда казалась загадкой: собранная, сдержанная и рассудительная... Как вообще в отделе оказалась наулайка?.. Что наулайцы могут знать о чужих эмоциях? Способности к эмпатии развиваются в детстве для взаимодействия с окружающими, но что может усвоить ребенок, когда все вокруг ходят с каменными лицами?

– Тогда зачем ты здесь?..

Ора не ответила. Неужели Шани вчера ляпнула что-то лишнее?.. Или, может быть, Ора и правда шутит, без какого бы то ни было подтекста?.. Как можно понять наулайку?!

Ну неужели Ора не могла родиться хотя бы на Шивартане?.. Шивартанцы сдержаны и аскетичны, но хотя бы не отрицают собственные эмоции! Наулайцы же...

– Так ты, все-таки, не рада меня видеть? – уголки губ Оры дрогнули, едва намекнув на улыбку. Скорее всего, Шани показалось. – Жаль. Я думала, ты наконец расскажешь, что происходит. У нас как раз есть два часа до начала.

– До начала чего?..

Шани думала, что стала фаталисткой, что после всего, что произошло, ей уже плевать на будущее, но фатализм не выдержал первой же проверки. Уступил место страху.

– Зависит от твоего ответа, – еле заметное напряжение снова коснулось линии губ Оры, заставив засомневаться в серьезности слов. – За что тебя отстранили?

Каждая реплика наулайца кажется двусмысленной! Во время обучения у Шани всегда были проблемы с ними, осо-

бенно с молодыми. Зрелые наулайцы больше похожи на роботов, но молодые позволяют себе редкие, неадекватные, кажущиеся случайными эмоциональные всплески. Настоящие социопаты.

– Спроси у Кьяры. – огрызнулась Шани.

– Спросила. Как видишь, ее ответ меня не удовлетворил. Твои предыдущие выходки... Никогда не поверю, что ты просто отлынивала от работы. Думаю, ты вела какое-то расследование.

– Какая теперь разница?..

– Даже не отрицаешь? Странно. Думала, начнешь оправдываться. Ладно, в любом случае, я шла поговорить обо всем с Иганом.

– Тогда тебе в другую сторону. – горько заметила Шани.

– Он уже ушел?

– Они оба... Ой! То есть... – слова сами вырвались изо рта. Телом и рефлексами управляла другая, заточенная глубоко внутри, но все чаще перехватывающая контроль. Маленькая эгоистичная дрянь, жаждущая мести.

– Оба?! – глаза Оры расширились, рот приоткрылся почти на сантиметр. – Ты была так напугана... Я думала, ты боишься за свою жизнь или переживаешь, что не удастся закончить расследование... Впрочем, первое недалеко от истины. Медальон был просто поводом открыть комнату, чтобы выпустить Кьяру? На это я уже не могу закрыть глаза, извини. Кьяра сейчас в депривационной вместе с Иганом?

– Нет! Стой... – Шани схватила Ору за руку, удивившись, что впервые за несколько дней делает что-то не ради себя. – Чон просто пошла проводить его!..

Взгляд Оры стал пронизывающим и колючим. Для наудайки ее глаза казались невероятно живыми.

– Хороший ответ. Тем не менее, даже если ты сообщишь Игану, что я иду, это не изменит того, что ты натворила. И того, что он обо всем знал и промолчал. Ради чего все это? Из-за Харона Церра? Из-за агента полиции?

– Не могу сказать...

– Жаль, ведь сегодня я за главную. – Ора сбросила руку Шани и двинулась по коридору к лифту.

– Что? То есть... Почему?..

Казалось, что надежда умерла, но, воскреснув, она вселила страх, что все равно ничего не выйдет.

– После вчерашнего Кьяра плохо себя чувствует.

– А что случилось вчера?..

– Ты случилась. – бросила Ора и ускорила шаг.

– Я не понимаю... – Шани устремилась за ней, пытаясь укротить сбившееся от страха дыхание.

– Кьяра пытается оградить тебя... – Ора остановилась, и Шани едва не налетела на нее. – ...От себя самой. Чтобы тебя не постигла участь...

– Кого?..

– Не важно. Кьяра сама расскажет, если захочет. Та история случилась еще до меня.

– То есть, она меня не ненавидит?..

– Это все, что тебя волнует? – Ора едва заметно покачала головой. – Не понимаю, зачем Кьяра столько с тобой носится. Думала, если узнаю, чем таким важным вы с Иганом занимаетесь, ради чего подставляете коллег, то...

– Можешь пустить меня в мою депривационную?

– Издеваешься?

– Я... Мы с Иганом отправили все собранные материалы на Безликую-полицейскую наружу. Чон пропустила наш запрос...

– То есть, вы подставили еще и ее? Молодцы, что сказать.

– Ты не понимаешь! Полицейская переметнулась на сторону Безликих! Нам ответили и разрешили доступ к ее импланту с задержкой в три часа.

– Продолжай.

– Чон думает, что она дочь господина Кассео, и что он в чем-то замешан. Мы собирали доказательства. Иган отказался, и...

– Правильно сделал. Если замешан господин Кассео – расследование слишком опасно даже для нас. То есть ты, все-таки, привела Чон в депривационную?

– Она очень помогла! Имплант Безликой не записывает звук, а Чон умеет читать по губам!

– Если все вскрыется, ни ее, ни тебя такие аргументы не спасут. Ладно, пока я за главную, могу выдать ей разрешение находиться внутри в качестве консультанта. И до чего

вы дошли?

– Возможно, нашли датакуб, который госпожа Тассин передала Безликим. Мы видели, как одна девушка отправила куб на орбитальную станцию, а полицейская сознательно ей не помешала. Чон получила доступ к камерам на станции...

– Хватит тараторить. Твоя взяла: мне становится интересно. Боюсь только, что Кьяра меня убьет, если похмелье не убьет ее раньше. Посидишь со мной в комнате, под присмотром. У меня ведь тоже есть доступ?

– Должен быть... – пробормотала Шани. – Или можем посидеть в моей комнате.

– В твоей слишком мрачно.

– Они разные?!

Ора посмотрела на Шани, но взгляд не выражал ничего конкретного. Чертовы наулайцы, на этот раз это точно была шутка! Девушка почувствовала себя глупо, но, впрочем, за последние дни она не совершила ничего особенно умного.

– Только Кьяра может открыть твою комнату, поэтому надеюсь...

– Мы послали анонимный запрос, а Иган говорил что-то про перехват ответа...

– Чтобы Кьяра ничего не узнала. Если честно, я шла вразумить Игана и попытаться в последний раз вразумить тебя. Не думала, что тебе удастся втянуть меня в это безумие. Видимо, я плохо себя знаю.

Страх испарился, цветком распустилось воодушевление.

Как тут не поверить в Создателя: Шани подумала не о себе, захотела защитить Игана... и Чон, и мгновенно была вознаграждена! Но может ли один поступок окупить череду ошибок?

Ора вошла в лифт, и Шани шагнула за ней. Когда двери закрылись, все сомнения остались снаружи. Шани ни в чем не виновата. Харон Церра – преступник, его убили, но не Шани придумала законы. И не важно, ненавидит ли ее Кьяра, завидует ли, или пытается защитить, если в результате Кьяра плохо справляется с работой. Видимо, поэтому Ора и встала на сторону Шани.

Двери открылись. Спокойно и тихо – никто на этаже не начинает работать так рано. С момента прибытия Шани успела забыть, как звучит умиротворение. На Ханвароне жизнь была беззаботной и легкой, на станции же маленькие победы беспрестанно сменялись тяжелыми поражениями. Только сейчас девушка поняла, насколько ей не хватало этой безмятежности.

Ора – главная, а значит и вся ответственность теперь ляжет на нее. Приятно, когда сложные решения принимают за тебя. К тому же, Ора – наулайка, и вряд ли согласилась бы участвовать в расследовании, если бы не видела в нем потенциала...

– Как ты оказалась здесь? – выпалила Шани. – Извини, бестактный вопрос... Вечно я говорю невпопад!..

– Думаешь, я с Наулая? – в голосе Оры проскользнуло что-

то отдаленно похожее на сожаление. – С чего ты взяла?

– Если у тебя не атрофия лицевых мышц, то у меня нет других вариантов. – Шани попыталась разрядить обстановку, но вышло, как всегда, неуклюже.

Шани была лучшей эмпаткой на курсе, но это не сделало ее хорошей собеседницей. Мало уметь поставить себя на место другого, мало уметь сопереживать. Нужно хотеть этого. Стремиться к этому. Фокусировать внимание на людях в обычной жизни, не только на работе или при прохождении теста. С этим у Шани всегда были проблемы.

– Просто не хочу, чтобы появились ранние морщины. – ответила Ора, и на этот раз голос прозвучал совершенно безэмоционально.

Интересно, испытывают ли наулайцы эмоции?

Конечно испытывают. Наулайцы – обычные люди, радикальные переселенцы с Шивартана, а уж кто-то, но аскетичные шивартанцы никогда не отличались особой экспрессией. Вопрос в том, понимают ли наулайцы собственные эмоции? Осознают ли их?

Если нет, то Ора оказалась бы не способна выполнять свою работу. А если да... Как должно быть сложно всю жизнь держать чувства внутри, не имея возможности выплеснуть переполняющие эмоции. Поделиться ими с кем-то.

Шани всегда побаивалась и недолюбливала наулайцев, но сейчас, испытав долгожданное умиротворение, девушка поняла, для эмпата нет лучшего собеседника, чем наулаец.

Каким бы прочным ни был ментальный барьер, раздражающий гул людских эмоций никогда не затихал. Шани жаждала одиночества и одновременно ненавидела его за нескончаемые самокопания. Ора одновременно была компанией, и не нарушала ментальную тишину. С ней было по-настоящему спокойно.

Девушки вошли в депривационную. Прежде чем Ора закрыла дверь, Шани успела бросить тоскливый взгляд на комнату Игана. Чон сейчас там, наедине с ним, и Шани могла бы быть на ее месте, если бы все не испортила... Сожаление горьким налетом проступило на языке.

– С чего начнем? – спросила Ора, плюхнувшись в кресло.

– Наверняка Иган и Чон всю заняты поисками датакуба... – Шани осторожно опустилась на пол рядом с креслом. – Давай посмотрим, что делает Безлика?

На этот раз Шани оказалась в роли Чон. Ну почему люди не ценят то, что имеют?.. Шани до глубины души ненавидела депривационные с их осточертевшими черными креслами, но сейчас все бы отдала за то, чтобы не сидеть на полу. Но дело даже не в удобстве. Просто доведя расследование до текущего состояния, Шани оказалась вынуждена ютиться на полу, пока другие в креслах пользуются плодами ее труда.

Конечно, она не злилась на Ору, в конце концов, Ора дала

ей шанс в то время как те, кого Шани считала самыми близкими людьми на станции, от нее отвернулись. Девушка злилась в первую очередь на Чон. И на Кьяру.

Парковка станции магистрали. Шани еще не видела столько капсул в одном месте. Шестиугольные колонны с барельефами из черного матового минерала с золотым отливом...

– Интересно, все Безликие не различимы на камерах, или нам просто повезло? – спросила Ора, глядя на несуществующее лицо компаньона Безликой. Неестественное, будто вырезанное из кадра неумелым ретушером и залитое серым.

– Мы с Чон так и не смогли разобраться, почему второго не видно.

– Думаю, дело в том, что они “Безликие”.

Шани улыбнулась, хотя шутки без проявления эмоций воспринимались... странно. На Ханвароне принято всегда улыбаться, но сейчас с Орой было даже комфортнее, чем среди своих. Купаться в фальшивых эмоциях, пытаюсь донырнуть до сути, – довольно утомительно, а во время штиля отчетливо видно каждый всплеск, каким бы незначительным тот ни был.

Судя по жестикуляции, Безликие спорят. Понять что-либо еще невозможно. Лишенная и зрения, и слуха Шани чувствует себя беспомощной. Безликая резко поворачивает голову в сторону одной из ближайших капсул, делает короткий жест рукой, подавая сигнал спутнику и бросается в противоположную сторону. Оббегает транспорт...

– Опять эта девушка! – воскликнула Шани, узнав незнакомку со спины. – Она была на станции, где Безликая оставила куб. Была в офисе “Денорен”. И это она отправила куб на орбиту вчера в космопорту.

– Но ее лицо почему-то видно. – пробормотала Ора и, увидев, как Безликая схватила девушку, добавила: – Ничего не понимаю. Вдобавок, я не умею читать по губам. Может быть, отмотаем в прошлое и попытаемся понять хотя бы, где мы находимся?

– Давай... У меня пока нет других идей.

Безликая отпустила девушку и спиной двинулась обратно между капсулами. Пожестекулировав, спустилась в люк, должно быть в тоннель для рабочих, обслуживающих магистраль...

Стало абсолютно темно. Шани начало казаться, что видео закончилось. Тупик. Спираль в животе сжалась в точку, в крохотный, бесконечно тяжелый свинцовый шарик, набирающий массу из сожалений и невыплаканных слез. Шани поняла, что в конечном итоге, она больше хотела утереть нос Чон, чем на самом деле завершить расследование. Показать, что без Шани Чон ни на что не способна.

Получается, Шани не изменилась ни на йоту. Она не пыталась никого защитить, никому помочь... Разве что, Игану. Исключительно из эгоистичных побуждений...

Вспышка света резанула по глазам. Шани с опаскойглянула в сторону входа в депривационную: никого; и тут же

осознала, что видела вспышку порталного окна, и...

Шани, до этого момента продолжавшая елозить в поисках удобной позы, оцепенела. Тело пришибло к полу, будто гравитация вдруг выросла в сотни, а то и тысячи раз. Потяжелели даже мысли. Ора издала странный звук, похожий на икоту и сняла видео с обратной перемотки.

Увиденное повторилось.

– Создатель... – хрипло прошептала Ора.

Наулайцы не были религиозны. Официально, креационизм на Наулае находился под запретом, но бывают моменты, когда даже наулайка, даже отучившаяся на эмпата, не в силах совладать с эмоциями. Моменты, когда увиденное повергает в такой шок, с которым не способен справиться ни один человек.

Помещение на видео снова погрузилось в темноту, слившись с абсолютным мраком депривационной. Четвертая стена рухнула, граница между там и тут перестала существовать. Все вокруг перестало существовать, кроме увиденного, заикленного, снова и снова продолжающего проигрываться перед глазами, несмотря на паузу.

Шани закрыла глаза, надеясь что дополнительный заслон защитит, но веки не способны укрыть от памяти. Поставила мысленный барьер, но он помогает лишь в отделении своих эмоций от чужих. Шани не умела отключать эмоции. Как оказалось, на это не способна даже Ора.

Шани чувствовала сквозящий от Оры ужас, и не могла от-

городиться даже от него. Кто вообще смог бы не потерять самообладание, увидев, как острые зубы порталного окна перекусывают человека пополам?

Шани осторожно приоткрыла глаза, но несмотря на то, что Безликая уже продиралась сквозь пустыню, картинка из памяти перекрыла видео. Портальное окно продолжило набивать свой ненасытный желудок.

Какая-то девушка сорвалась в овраг, напоследок ударившись головой. Безликая набросилась на какого-то парня и вместе с компаньоном столкнула его тело в овраг. Происходящее даже не вызывало эмоций.

– Кажется, все это время ты была права... Даже если нет, я не знаю, получала ли полиция эти записи... – запинаясь затараторила Ора. – Мы обязаны доложить о произошедшем. Парень и девушка могут быть еще живы!

Шани казалось, что следует рыдать, но не удавалось выдавить из себя ни слезинки. Эмоциональный свинцовый шарик набух и заполнил все пространство в грудной клетке. Что-то внутри впало в спячку. Вмуровалось в свинец. Оставалось надеяться, что это действительно спячка, а не смерть. Неожиданно Шани с Орой поменялись ролями, но даже от осознания этого факта ничто внутри не всколыхнулось.

– Ну что ты сидишь?! – вскрикнула Ора и вскочила из кресла.

Шани отлично понимала ее бушующие эмоции, но совсем их не ощущала. Не могла пошевелиться...

Не могла заставить себя пошевелиться. Не хотела заставлять. Ничего не хотела. Все вокруг потеряло смысл. Жадная пасть портала расколола барьер Оры, превратив наулайку в обычного человека, но Шани никогда не имела такого прочного барьера.

Означает ли это, что наулайское мировоззрение в конечном итоге правильнее? Что наулайцы лучше, потому что прочнее? Кажется, Шани знала ответ, но он не имел никакого значения, потому что вопрос перестал казаться интересным.

Ора схватила Шани за плечи и рванула вверх. Острая боль прострелила позвоночник, но Шани не издала ни звука. Не дернулась. Даже не поморщилась. Схватив Шани за руку, Ора выволокла ее в коридор...

– Мы не взяли ее с собой, и она решила без спроса забраться в твою комнату? – спросила Чон. – Вполне в духе Шани...

– Отвали от нее! – прошипела Ора – Нужно, чтобы ты передала эти фрагменты наружу.

Ора хлестнула себя по предплечью, отправляя файлы. Чон замолчала, но Шани осознала, что не может установить причину молчания.

– Вы в порядке? Что случилось? Впервые вижу тебя такой... резкой. – спросил Иган. – Шани, тебе плохо?

С чего он решил, что ей плохо? Шани еще никогда не чувствовала себя так... никак.

– Вы посмотрите, какой заботливый!

– Завали и делай, что сказали, пока я не сообщила никому да о том, что твой парень несанкционировано провел тебя в свою депривационную. – процедила Ора.

– Если у тебя хреновый день, не надо проецировать свою злость на меня! Я и так собиралась к себе.

– Нашли что-то?

– С кубом все сложно, слишком много людей. Это как искать... – запнулся Иган. – Метафора не нужна. Это как искать куб на орбитальной станции: непонятно, с чего начать. Мы переключились на Безликих. Они общались с каким-то разработчиком... как там его?

– Системы синхронизации. Мы с Шани видели его вчера. – ответила Чон. – Они обсуждали узлы...

– Узлы?! – переспросила Ора. – Твою мать!

– Я же говорила, что это что-то важное. – улыбнулась Чон.

– Важное?! – вскрикнула Ора. – Они пытаются определить координаты станций! На одной из которых мы с вами, между прочим, находимся!

Последний Луч Надежды

– Кто-нибудь, наконец, расскажет, что такое узлы Оракула?

– Тише, Дала! Ты с ума сошла?.. – Красные пятна на лице Карота выцвели, стали землистыми.

Двери лифта сомкнули губы, отрезав гулкое пространство парковки. Усталость в теле сменилась дрожью зудящего возбуждения, заставляющего Далаю переминаясь с ноги на ногу, постукивая пальцами по бедру. Даже дурацкие неконтролируемые вспышки воспоминаний пропали, уступили предвкушению.

– Расскажу, когда выберемся отсюда, – пробормотал Фел.

– Боишься, что сбегу, не попрощавшись? Каждый видит то, что у него внутри.

Барабанная дробь пальцев не утихала. Казалось, сердце – всего лишь эхо их нервного стука, стоит прекратить, как оно тот час же остановится.

– Чем меньше ты знаешь, тем безопаснее для тебя. Особенно, если что-то пойдет не по плану. – ответил Фел.

Судя по кроваво-молочным переливам на костяшках сжатых кулаков, он тоже волновался.

– Пойдет не по плану?.. Господин, вы же сказали, что расследование официальное... – Карот попытался схватиться за сердце, но дрожащая ладонь не смогла нащупать нужное ме-

сто.

– Дела, в которых замешаны влиятельные люди, очень опасны.

Карот громко сглотнул. Лифт остановился и, открывшись, выпустил в кабину офисный шум и лазурное небо. Фальшивое небо за невесомым стеклом.

– Закончим начатое, мистер Аэртан. – Фел попытался вытолкнуть Карота из лифта, но, учитывая разницу в габаритах, это оказалось невозможно.

Закатив глаза, Далая вынырнула из-за спин и первой вышла наружу. Со вчера ничего не изменилось, но магия первого раза развеялась. Даже потолок, хоть и остался великолепен, был не в силах повторить первое впечатление.

Далая посмотрела назад, на мужчин. Один – в стильной свободной футболке с очередным переоцененным принтом Дюро, а под ней – безликость, обыденность и предсказуемость. Другой – в нелепой оливковой накидке с высоким воротником и бордово-черными пятнами, стилизованными под кровь. Фел выглядел комично, будто оделся для поездки в пустыню, но в его одежде таилась загадка, пятна крови заставляли сомневаться, настоящие они или фальшивка, как все вокруг. А под накидкой...

На груди под накидкой витатуирована картина Калия Тоссе. Далая залилась краской. Возбуждение от предвкушения и опасности трансформировалось в другое, более первобытное, тут же перешедшее в раздражение от очередной

потери контроля над мыслями и реакциями тела.

– Долго вы собираетесь толкаться?! – воскликнула Далая.

– Если я не сдвину его с места, мы ничего не добьемся. – от напряжения щеки Фела покраснели настолько, что краснота проступила даже сквозь толстый слой сажи.

– Здорово распределяешь роли. Раньше я верила, что происхождение не важно, что могу достигнуть чего угодно, но теперь вижу гигантскую разницу между олигархами и простыми смертными. Ну и какая роль у меня?

– Только ты знаешь, что было на датакубе и что искать мистеру Аэртану.

– Думаю, ему стоит поискать свои яйца.

– Для этого ему придется выйти из лифта. Если они существуют, то находятся у тебя.

Покорившись малоэффективным, но многочисленным толчкам Фела, или, может быть, в поисках утраченного, Карот вышел из лифта, но спустя пару шагов остановился и едва слышно прошептал:

– Я думал, что день уже не может стать хуже...

– Не ожидала снова тебя увидеть! – просияла невесть откуда взявшаяся Анла. – Впрочем, не могу сказать, что огорчена.

Узкие белые брюки с высокой талией. Свободный кроп-топ в виде белого прямоугольника с высоким горлом и свисающими от нижнего края золотыми нитями в пол. От каждого шага нити раскачивались так уверенно, словно и правда

были из настоящего золота.

– Я тоже не ожидала. Думала, вы заняты своей важной работой. – сухо ответила Далая.

Она привыкла всегда быть самой эффектной в комнате. Вне Системы не существовало другого способа выжить, пробиться, стать достаточно известной, чтобы перестать считать каждый ауреус. По крайней мере, другой способ был ей не известен.

– Я уже говорила, что она мне нравится? – улыбка Анлы стала шире. Сегодня ее зубы отливали мягким золотым свечением. – Не пойму, как нашему “Создателю” удалось снова тебя заманить? Что он пообещал? Интервью с господином Кассео? В таком случае, тебя опять провели, но, на твоём месте я бы тоже с радостью обманулась.

Анла томно посмотрела на Фела. Гипнотически покрутив пальцем у виска, сделала из пряди волос спираль, оставив ту медленно колыхаться в воздухе, будто в невесомости.

– Карот сегодня такой молчаливый. – хмыкнул подошедший Погот. – Обслужить столько задниц язык оказался не в состоянии?

– С удовольствием перехвачу эстафету. – сделав вид, что расправляет затекшую спину, Анла вытянулась изящной струной. Влекомый поднявшимися плечами топ оголил нижнюю часть упругой подтянутой груди.

Многоцветные виниры, биоволосы... Интересно, сиськи хоть настоящие? Тем не менее, без особого интереса скольз-

нув по Далае, большинство взглядов в зале цеплялись и оставались на Анле. Фел тоже смотрел на нее.

Далая прикусила губу: роль невидимки бесила. Анла выглядела девушкой из другой лиги: слишком эффектная, слишком дорогая. Ее наряд стоил как полугодовой гонорар Далаи. Кого можно обвинить в том, что он предпочел смотреть на Анлу? Только Фела.

– Может уже пойдем? – строго спросила Далая. – Снаружи нас ждет такая же. Не хотелось бы ее злить.

– Такая же? – переспросил Фел, все еще не сводя с Анлы глаз.

– Для вас мы все на одно лицо и отличаемся только цветом волос.

– Извини. Забыл, как она выглядит. – уголок рта Фела дрогнул, но эмоция, на мгновение отразившаяся на лице, была больше похожа на смятение, чем на улыбку.

– О ком вы говорите? – вмешалась Анла, повесив в воздухе очередную кудряшку.

– О его девушке. – буркнула Далая.

– Не знала, что у господина...

– Давай без господ. Не люблю формальности.

– Как жаль. Обожаю выполнять приказы... – промурлыкала Анла.

– Какая мерзость. – Далая изобразила приступ тошноты.

– Зачем вам понадобился этот шарлатан? – окатив Карота презрительным взглядом, спросил Погот. – Я могу все то же,

что и он, и еще в сто раз больше.

– Что означает, что у тебя и так полно дел. – ответил Фел.

В нынешней роли он казался спокойным и властным, совсем как вчера, в космопорте. С Элти Фел вел себя иначе, становился другим человеком. Далая никак не могла понять, какая из личностей настоящая.

– Анла сможет меня заменить. – ухмыльнулся Погот.

– Я могу все, стоит лишь попросить... – Анла сделала шаг вперед, демонстративно заслонив Погота.

– Выходит, не так уж ты и незаменим. – буркнула Далая.

– Просто я не менее хороша. А в чем-то – даже лучше. – взяв топ пальцами у груди Анла несколько раз встряхнула его, сделав вид, что пытается добиться циркуляции воздуха.

– Избавь меня от этого. – холодно сказал Фел. – У меня есть зеркало. Я не настолько горяч.

– И когда ты в последний раз в него смотрелся? Пойдем, я провожу тебя в уборную.

– Как быстро мы перешли на “ты”. – Фел протер лицо ладонью, но разводы въелись так глубоко, что проще было сразу пересадить кожу. Пригладил накидку, но из-за количества пятен это было все равно, что красить стены в разрушенном доме.

– Это все конкуренция. Гляди, как злобно на меня смотрит брюнетка.

– Возможно, она ненавидит лицемерие и фальшь. – процедила Далая.

– В таком случае, она совершенно не разбирается в людях. – высокомерно заявила Анла.

– Возвращайтесь к работе. – сказал Фел. – Чем меньше людей знает о происходящем, тем лучше. Мистеру Аэртану не повезло, и он, против своей воли, уже посвящен во все.

– Должно быть, у него и правда потрясающий язык. – бросил Погот, и, резко развернувшись, быстрым шагом направился прочь.

– Ты даже не представляешь. – хмыкнула Далая, с удовлетворением отметив, что по лицу Анлы спазмом пробежало отвращение.

Анла ушла, не оглядываясь. Когда оцепенение спало, Карот, понуриив голову, побрел в сторону своего оазиса.

– Выше нос, мистер Аэртан. – Фел похлопал того по плечу. – Скоро все закончится, и мы оставим вас разбираться с космической популярностью. Разве не этого вы хотели?

– Впервые вижу его таким молчаливым. – Далая по-дружески ткнула Карота локтем в бок, но тот даже не дернулся. – Может, поэтому он ничего не испортил?

– Спасибо. – прошептал Карот. – Я просто хотел, чтобы меня признали. Раньше надо мной издевались, но теперь ненавидят, а ненавидеть можно только равного. Как минимум равного.

– Я прослежу, чтобы вас наградили. Возможно, вам даже поставят памятник.

– Представляю их кислые мины, и внутри сразу становит-

ся тепло. – Далая блаженно прикрыла глаза.

– Как вы познакомились? – спросил Карот.

– В ресторане. – ответила Далая, и сердце тут же пропустило удар.

– В космопорте. – одновременно с ней ответил Фел.

– В ресторане космопорта. – протараторила девушка. – Когда я узнала, что ты обманул меня... В общем, я собиралась вернуться на Дамарак. В космопорте я случайно помогла господину с одним делом, и, в благодарность, он предложил мне поучаствовать в освещении расследования.

– Выходит, это было только вчера? – спросил Карот. – Мне почему-то показалось, что вы хорошо друг друга знаете.

Сердце съежилось от укола жалости. Карот не заслужил того, что сделала Далая. Это было только первое свидание, их не связывали и до сих пор не связывают никакие обязательства, но девушка манипулировала им ради своей выгоды, давала ложную надежду. Обычное поведение для ее ремесла, но обычное – не значит правильное.

Пусть в последствии оказалось, что Карот следил за ней, вывернул наизнанку и вывалил перед всей Системой ее прошлое, но теперь, несмотря на то, что от воспоминаний кровь все еще закипала, Далая лучше понимала Карота. Понимание причин меняет отношение к поступкам.

Да и чем она лучше? В ресторане Далая просто хотела унижить Карота. Отомстить за скуку. Какое ребячество!

– Вы хороший человек, господин. – сказал Карот. – Лучше

других... таких, как вы.

Фел кисло улыбнулся ему в ответ, и принялся снова соскребать грязь со щеки и разглаживать накидку.

– Вот мы и на месте. – Карот вошел в маленький оазис у самого окна. – Располагайтесь, где удобно.

– Тесновато. – заметила Далая. Внутри стояло всего два стула и стол, но даже вдвоем пришлось бы сидеть впритирку друг к другу.

– Гости ко мне заходят нечасто. Вот и ты вчера убежала.

– Главное, что я вернулась.

Просачиваясь сквозь реечные стены, Аэрдэн оставлял на приятной шероховатой поверхности стола оранжевые полосы. Далая забралась на столешницу и облокотилась на пробивающийся через центр ствол дерева. Стулья оставила Кароту и Фелу: пускай лапают друг друга, а не ее.

– Подключитесь к сети. Я вас авторизую. – сказал Карот.

– У меня... сломались линзы. – замялась Далая. – После космопорта они перестали выводить картинку.

– С линзами всегда так. – улыбнулся Фел. – То рвутся, то теряются.

– Поэтому и нужно переходить на импланты! Они не ломаются, их сложно потерять. Ха-ха! А вы, господин?

– Думаю, пока не стоит оставлять следы. Нужно успеть узнать как можно больше.

– Но как же...

– Можете вывести картинку на столешницу? – спросил Фел.

– Протокол запрещает это, господин. Кто-то может посмотреть.

– Я прослежу, чтобы никто не вошел. Тогда Далая сможет сесть на стул. В любом случае, ей придется убрать свои прекрасные ноги с экрана.

– Ты не будешь смотреть? – удивилась Далая, аккуратно соскользнув на пол.

– Пока нет. Только ты знаешь, что нужно искать. А я, чтобы никого не подставить, передам найденное тобой начальству.

Фел вышел наружу и спиной облокотился на речную стену, безразлично уставившись в окно. Странное поведение, но Далая не стала задавать лишних вопросов. Каждое дополнительное слово отдаляло от желанных ответов.

Карот провел пальцами по предплечью, и столешница окрасилась в одно из полотен Дюро. Поразительное помещательство. Оторвав глаза от экрана, Далая покачала головой, но промолчала. В ближайший оазис заскочила девушка с двумя стаканами краспа, в черном коротком платье с Дюро на спине. Впервые в жизни Далая почувствовала, что перестала понимать моду и уже никогда не сможет за ней угнаться.

На экране появилось семь кругов с нечитаемыми идентификаторами вместо названий, в каждом тикал таймер, от-

считывающий разное время.

– Те самые узлы? – спросила Далая. – Ни капли не сомневалась, что их именно семь. Система повернута на этой цифре.

– Дала, пожалуйста, не задавай вопросов!.. – прошептал Карот. – Если не будешь осторожной, тебя просто убьют.

– В таком случае, как тебе удалось выжить?

– На этот раз он говорит правду. – не оборачиваясь, бросил Феликс. – То, что ты видишь, и есть Оракул.

Далая снова посмотрела на столешницу. Над семью одинаковыми кругами появился еще один, большой, с отдельным таймером и шкалой, заполненной на девяносто два процента.

– И где это все находится...

– Дала! – взвизгнул Карот. – Впрочем, я все равно не знаю. Никто не знает.

– Как такое возможно?

– Ну хватит! – Карот строго посмотрел на Далаю. Впервые его взгляд был таким решительным. – Что мы ищем?

– Давай начнем... с недавних выборов на Дамараке. – задумчиво пробормотала девушка.

– И как это связано с госпожой Тассин? – спросил Фел, все так же демонстративно глядя в окно.

– Это нам и предстоит выяснить.

– Уверена? – уточнил Карот. – Ближайшая синхронизация через семь минут, следующую за ней придется ждать час.

– Ты можешь искать только во время синхронизации?

– Ну сколько можно?! – прошипел Карот. – Я вообще не могу ничего искать. Я могу задать пару вопросов и надеяться, что ответ будет достаточно коротким, чтобы успеть проскочить за мгновение, пока будет открыто нано-окно. Если ответ не устроит – придется ждать час.

– Ого! – присвистнула Далая. – Сколько же месяцев ты копался в моем прошлом?

– Вы жутко терпеливый человек, мистер Аэртан. Я бы даже сказал: “Жутковато”.

– Я... Прости, я... – Карот покраснел, но краснота уже не так бросалась в глаза, как раньше, будто за последние часы кожа приобрела иммунитет.

– Можешь не отвечать. – буркнула Далая. – Узнай еще про последние выборы на Ханвароне.

– Ты хоть представляешь, какой объем данных подходит под эти критерии?... Данные с сенсоров каждого участника и каждого избирателя за весь период предвыборной кампании!

– Меня особенно интересует реакция Мавара Лодии на победу. И, что важнее, его связь с Эмелерденом Маццей, предвыборная компания Маццы, возможная связь Маццы с Тассин...

– Черт, Дала! Ты просишь невозможного! Осталось две минуты.

– Пока спорите – подключите это к интерфейсу. – не обращившаяся, Фел просунул между рейками какой-то датакуб. –

Залейте на него все, что успеете нарыть.

Зависнув на секунду, Карот подчинился, хотя Далая заметила, с каким трудом ему далось это решение.

– Данные с сенсоров помощника Лодии после победы. То же самое – для Маццы. – сказала Далая. Приятное покалывающее возбуждение незаметно переросло в панику. Если она задаст неправильный вопрос, а второго шанса уже не...

– Тридцать секунд! Мацца или Лодия? Черт, я даже не знаю, когда были выборы! Я просто не успею узнать столько всего за...

– Лодия... Точно Лодия! Или нет...

– ДАЛА!

– Мацца. Черт подери этого мерзкого тантара, но Мацца!

Далая закрыла лицо руками и задрожала от скрипучего напряжения в мышцах. Даже в космопорте она волновалась не так сильно. Девушка нутром чувствовала, что второго шанса не будет.

Фел казался спокойным, но что-то в его позе выдавало неуверенность. Карот нервно тарабанил пальцами по предплечью, но выглядел при этом скорее воодушевленным, словно происходящее доставляло ему удовольствие.

– ЕСТЬ! – закричал он, вызвав серию заинтересованных взглядов из соседних оазисов.

– Вы привлекаете слишком много внимания, мистер Аэртан.

– Прошу прощения... Мне удалось выцепить фрагмент

разговора господина Маццы с помощником сразу после оглашения результатов. Что дальше? Господин Лодия, или стоит поискать еще что-то на господина Маццу? Теперь у нас целый час, чтобы составить план. Может быть, займемся госпожой Тассин? Все-таки, господин Кассео, в первую очередь, интересовался ей...

– Столько господ в одном предложении, мистер Аэртан. – Фел покачал головой. – Поберегите энергию. Мы не на заседании Ассамблеи.

– Простите, господин...

– Кассео в курсе? – удивилась Далая.

– Господин Кассео приказал... не знаю, можно ли рассказывать... – Карот вопросительно посмотрел на Фела, но тот даже не шелохнулся. – Удалить все, что касается госпожи Тассин.

– Так она и вправду замешана... – прошептала Далая. – Но тогда зачем она сняла заседание?

– Оно снято с ее глаз? – спросил Фел. – Скорее всего – шантаж, но это не главный вопрос. Почему узнав, что госпожа Тассин слила данные, Ишшай решил стереть весь возможный компромат на нее?

– Чтобы стать единственным обладателем этого компромата? Или потому, что компромат изобличает еще и его.

– Знаешь, что это может быть?

– Не хочу ничего слышать! – Карот снова побледнел и закрыл уши руками. – Лучше схожу за краспом.

Погасив интерфейс, он поднялся и на трясущихся ногах вышел из оазиса. Остановившись возле выхода, сделал несколько поверхностных судорожных вдохов и двинулся прямо, так, чтобы оазис всегда оставался за спиной.

– Какой же трус. – хмыкнула Далая.

Тем не менее, девушка прониклась к нему небольшой симпатией. В конце концов, все стремятся к признанию, но Карот стал заложником собственной гениальности: одновременно лишил себя ежедневной работы и потерял возможность перевестись в другой отдел.

– Это ты безрассудна. Ты даже не представляешь, во что ввязалась и что поставлено на карту.

– Чем выше риск, тем больше...

– Если не станешь осторожнее, никакой награды не будет. Убьют тебя. Всех твоих близких. Всех, кто тебя знает. Сорут, словно тебя никогда и не существовало.

– Выходит, мне совсем нечего терять. – оскалилась Далая.

– То есть, ты решила идти до конца? Я не смогу тебя защитить.

– Мне не нужна ничья защита. – сквозь зубы процедила девушка.

– Всем нужна защита.

– И кто защищает Безликих? – саркастически спросила Далая. По напряжению, появившемуся в позе Фела, девушка с удовлетворением отметила, что не ошиблась: он и Элти – Безликие. – Может быть, пока посмотрим фрагмент?

– Посмотрите вместе с Элти, когда выберемся отсюда.

– Тебе нельзя ничего видеть? Поэтому ты отдал датакуб мне? Не многовато доверия к той, кто годится лишь для одноразового удовлетворения физиологических потребностей?

– Не многовато нотаций от той, кто была инициатором? – Фел впервые заглянул внутрь оазиса.

– Я ничего о тебе не знаю. Кроме того, что ты, непонятно зачем, спас меня вчера. Твое лицо и одежда, вероятнее всего, в крови. – сказала Далая. Фел отвернулся и снова протер щеки. – Почему Элти может просмотреть фрагмент, а ты нет? Почему она не знает о кубе, который ты мне отдал? Почему...

– Ты была нашей последней надеждой, Дала.

– Я тебя умоляю! Мне нравится, как это звучит, но я никто. Никому неизвестная журналистка с Дамарака, без денег, связей...

– Связями ты обзавелась. И тебе хватило смелости, или безрассудства, чтобы выбросить бесполезный кусочек металла на орбиту прямо на глазах у таможенника.

– Бесполезный? – в легком замешательстве переспросила Далая.

– Я не должен был спасать тебя. Этим я, вероятно, подписал себе приговор. Но я это заслужил. – его голос дрогнул. – Не знаю, зачем говорю это. Наверное, просто нужно выговориться.

– А Элти?

– Она не тот человек, с которым можно быть откровенным.

– Тебе говорили, что ты плохо разбираешься в людях? – усмехнулась Далая.

– Не думаю, что в тебе я ошибся.

– Тебе нельзя видеть, но слышать то можно?

– Да. – ответил Фел.

– Как связаны Кассео и Тассин?

– Они ненавидят друг друга.

– Тогда почему из всех производителей имплантов выбор пал именно на “Тассин”? Одни недостатки: данные с сенсоров закрыты, личная неприязнь. При этом только один из ста носителей использует устройства других производителей.

– Закрытые сенсоры – не обязательно недостаток. К “Тассин” общественность относится лояльнее. Попытка насадить людям импланты других производителей в лучшем случае привела бы к массовым волнениям: люди не любят, когда за ними шпионят. Только почему-то они всегда забывают про Оракул. – В голосе Фела прозвучала легкая ирония.

– Так я и думала. Если добавить в уравнение Маццу, направо и налево обещавшего победу на выборах за перевод сотрудников всех корпораций на импланты...

– Твою мать. – Фел с ужасом посмотрел на Далаю. Опустившийся Аэрден наполовину скрылся за его спиной, превратив парня в черный безликий силуэт.

– Да. Господин Кассео тоже замешан. Думаю, что Мацца получает данные напрямую от Оракула.

– Сколько их? – прошептал Фел. – Сколько у нас времени?

– Кого “их”?

– Хватай датакуб! Нужно срочно выбираться отсюда. –

Фел развернулся вокруг своей оси, полностью загородив Аэрдена. Погасив последний луч надежды.

Миссия Семнадцатый Этаж

– Шесть человек в полной броне. – шепот Лауры утонул в грохоте сердца. – Направляются к лифту.

Почему полиция здесь, Фел ведь был так осторожен?! При разговоре, или делая что-то подозрительное, всегда смотрел в сторону, звуковых сенсоров у его импланта нет... Все из-за Лаи?..

Вряд ли. Феликс не виноват в ее смерти. Лишь в том, что не выполнил обещание.

Перед глазами снова, как пятно от долгого взгляда на солнце, возникла ее неестественная ухмылка. Неправильная. Незавершенная. Отчаянно захотелось дорисовать, восстановить симметрию.

В ушах с каждым ударом сердца хлопало падающее тело. Феликс потер грязную щеку, и раздраженная кожа ответила жжением. Попытался скovyрнуть запекшуюся кровь с одежды...

Нужно выбирать. Должен быть выход.

– Попробуем дождаться их и спуститься к тебе, пока полиция будет осматривать этаж. – сказал Феликс.

– Еще пятеро дежурят на станции. Боюсь, что не смогу долго прятаться.

Феликс уже хотел дернуться в сторону лифта, но последними словами Лаура растоптала едва вылупившуюся надеж-

ду.

– Что происходит, Фел? – Далая выскочила из оазиса и преградила путь, но Безликий и не собирался никуда идти. В этом больше не было смысла.

Взгляд завяз в ее темных, приоткрытых от страха губах. Мягкое сиреневатое свечение эмали, такое ослепительное в тот вечер в ресторане, сейчас казалось напряженным. Что, если Фел украдкой смотрел на нее и раньше? Что, если Далая говорила в тот момент нечто компрометирующее? Феликс давно подозревал, что Оракул умеет читать по губам.

– Уходи. Нам до тебя не добраться. – Феликс услышал себя как будто со стороны. Глухой, чужой, потусторонний голос, словно из закрытого гроба.

Губы Далаи скривились в ухмылке. От лба до подбородка пробежала неестественно прямая вертикальная трещина. Половина лица исчезла...

– Черт. Все не может закончиться так... – пробормотала Лаура. – Вирус на датакубе должен был извлечь координаты станции, к которой подключался Карот. Отправь их мне.

– Не могу.

– Не можешь что?.. – Далая схватила Фела за плечи, и легкая дрожь от прикосновения выдернула из транса.

– Опять ты за свое?! – прошипела Лаура. – Мы столько пережили вместе, а ты до сих пор мне не доверяешь? Еще есть время. Спрячься и, пока полиция тебя не нашла, перешли мне содержимое датакуба.

– Почему ты никогда не слушаешь? Я не могу!

Движение лифтового троса заставило Феликса вытянуть-ся в струну, и даже остановка лифта на другом этаже не позволила сбросить напряжение.

– Зачем все это было?! Лая умерла напрасно? А ты? То же умрешь, ничего не добившись? А мой брат?.. А Далая? Кем еще ты готов пожертвовать ради своих идиотских принципов?

– Прекрати меня игнорировать! – вскрикнула Далая и неуверенно толкнула Фела в грудь.

Безликий почувствовал, что практически потухший интерес сотрудников к его личности разгорается с новой силой, но их взгляды больше не имели значения. В глазах Далаи за тонким слоем показной решительности спряталась мольба. Между ребрами кольнуло от осознания, что ему нечем ее обнадежить. Сейчас Фелу хотелось кричать вместе с ней.

– За нами пришли. – Феликс обхватил запястье Далаи и повел ее по кругу вдоль окна, прозрачного, будто выдуманного, дарующего иллюзорную надежду на спасение.

Безликий коснулся стекла рукой, оставив мутный след от пота. Было бы так просто шагнуть вниз и понадеяться на чудо, но чертово окно все-таки существовало.

– Если координаты узнаю я, то узнают и они. Будут готовы вас встретить. – прошептал Феликс, поймав очередной загнанный, ищущий поддержки взгляд Далаи.

Безликий окончательно потерял осторожность: на этот раз

Далая точно видела и слышала, что он сказал. Пускай ее линзы выключены, пускай собственное отражение в ее глазах ведет себя на записи так же, как ускользающие очертания Лауры, но Фел смотрит на нее сейчас, а значит смотрел и ранее. Видел, как она задавала безрассудные вопросы.

– Если ты не расколешься, они не узнают. Продержись. Дай нам время. Мы тебя вытащим. – сказала Лаура.

В шахте снова началось движение. Феликс замедлил шаг, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Невозможно.

Время остановилось, как останавливалось каждый раз, когда Фелу грозила опасность, но на этот раз все было по-настоящему. Люди вокруг превратились в недвижимые куклы, перестали существовать. Только он, Далая, голос Лауры и укорачивающийся фитиль троса.

Безликий тащил Далу по большому кругу, чтобы оказаться с противоположной от входа в лифт стороны. Собственное напряжение смешалось со страхом, сковавшим тело девушки, ее движения стали ломанными и неуклюжими. Далая закусила губу, лишила цвета, окрасила в серый. В небо Шивартана.

– Ты и правда такой трус, что даже не готов попробовать?

Шахта прозрачная. Стенки лифта – тоже. Какой смысл прятаться? На что они надеются? Что полицейские не в состоянии повернуть голову?

– Ты не понимаешь. – прошептал Феликс. – Они пробе-

ругся в мозги и просмотрят каждое воспоминание. Найдут то, что им нужно.

От мыслей о беспомощности по телу пробежала гадкая судорога. Далая посмотрела на Фела так, будто что-то поняла. Возможно, просто считала реакцию его тела.

– Таких технологий не существует! – воскликнула Лаура. – Если бы существовали, Сопротивление было бы обречено...

– Уходи. Ты еще можешь спастись, – из шахты вынырнуло два зеркальных шлема. Безликий двинулся от окна к центру помещения, к лифту, стараясь чтобы речные, кажущиеся теперь такими редкими, стенки оазисов перекрывали хотя бы часть обзора. – У тебя будет шанс попробовать снова.

– А ты?

– На семнадцатом этаже есть портал. Попробуем добратся туда.

Кабина лифта поровнялась с полом. Шлемы отрасли массивные тела. Когда ты сам без брони, она выглядит угрожающе. Феликс и Далая замерли у стенки ближайшего к шахте оазиса. До лифта оставалось метров десять.

– Что происходит, господин?.. – неожиданно возникший Карот, кажется, напугал не только Феликса, но и Далаю.

– Возвращайся к себе и не высовывайся. – Феликс старался говорить как можно тише, но собравшихся вокруг работников он больше не интересовал. – Если будут задавать вопросы, переводите стрелки на меня.

Лицо Карота снова покрылось пятнами. Лифт остановился и полицейские медленным шагом двинулись прямо, в противоположную от Фела и Далаи сторону, оставив шахту за спиной. Висящий в воздухе звон голосов затих, превратился в шелест.

Навстречу полицейским вышли сияющие Анла и Погот. Возможно, не стоило им грубить. Что если они обо всем догадались? Если Фела сдали они? В таком случае Безликий мог бы снять с себя хотя бы часть вины.

– Долбанные портье! – прошипела Далая, до дрожи сдавив ладонь Феликса.

Безликий украдкой посмотрел на нее. Придется, все-таки, смириться и принять ответственность за собственные ошибки. Рядом с Далой он совершенно не контролировал направление взгляда.

Карот набрал в грудь воздуха, но Феликс жестом остановил его.

– Если бы ты был Безликим, что в этом здании стало бы твоей целью?

– В здании Безликий?.. – просипел Карот, но вокруг стало так тихо, что любой шорох распространялся по этажу быстрее, чем пожар по гидропонной ферме.

К счастью, зеркальные фигуры специального отряда полиции все еще приковывали гораздо больше внимания, чем Феликс и Карот. Даже больше, чем Далая.

– Отвечай тише и быстрее. У меня мало времени.

– Это здание – не лучшая цель, господин... Оракул – децентрализованная система. Здесь ведется только разработка...

– И тем не менее?

– Не знаю... То есть, в этом нет никакого смысла...

– Твою мать, ты можешь просто ответить?! – Далая отбросила руку Феликса и метнулась к Кароту, заставив того отшатнуться, испуганно заслонившись руками. – Безликие прямо сейчас пытаются украсть технологию Оракула, чтобы использовать в планировании операций! Какой этаж, Карот?

– Ох, Создатель... Т-третий. Там находятся сервера, на которых тестируют систему.

Снова схватив Феликса за руку, Далая поволокла его к лифту. Как маленький мальчик, без единой попытки сопротивления, Безликий потащился за ней, едва успевая переставлять вялые, умоляющие спрятаться обратно за речную стенку, ноги. Уже второй раз он наблюдал, как решительна может быть Далая, если загнать ее в угол. Полная противоположность его Безликой половины.

Полицейские и Анла с Поготом встретились метрах в двадцати от лифта. От взгляда на шахту сердце сжалось в точку: пусто. Лифт уехал с этажа.

Полицейских всего двое, но Феликс почувствовал себя голым и незащищенным. Люди в броне всегда кажутся массивнее, но эти двое были бы огромными и без брони. Феликс содрогнулся от воспоминаний о сминающей ребра хватке Де-

цима, об огромной фигуре Ишшая, нависающей над сидящим под столом крохотным мальчиком.

Далая тащит Феликса дальше, и они оббегают шахту. Безликий касается панели, вызывает лифт...

Анла флиртует. Вскидывает подбородок и весело смеется.

Лифта все нет. Время остановилось. Несмотря на поднятую голову, неподвластные гравитации волосы Анлы не шевелятся. Не меняют плоскость. Возможно, дело не во времени. Ее волосы всегда вели себя неестественно.

Далая тарабанит пальцами по панели, словно скорость движения лифта зависит от количества и скорости ударов. Погот разговаривает со вторым полицейским и отводит того в сторону. Ведет к оазису Карота.

Лифт вползает на этаж. Погот и второй полицейский уже достаточно далеко, но Анла и первый все так же воркуют. Лифт останавливается. Нехотя раскрывает створки...

Феликс заталкивает Далаю внутрь, не дожидаясь, пока те разъедутся до конца. Втискивается следом. Касается панели, мысленно выбирая семнадцатый этаж...

Первый слой напряжения лопается. Феликсу едва удастся устоять на ногах. Лицо Далаи все так же сосредоточенно, девушка смотрит вниз...

Анла снова вскидывает голову и, за мгновение до того, как перекрытие верхнего этажа скрывает ее, взгляды пересекаются.

– Она нас заметила... – Далая сжала кулаки и беззвучно

затряслась.

Повинуясь мимолетному порыву, Феликс попытался обнять ее, но девушка выставила перед собой руку.

– Все будет в порядке. – Феликс выпалил первое, что пришло в голову, надеясь хоть как-то заглушить смущение, но первое – не значит самое умное.

Он не имел ни малейшего представления, что делать дальше, а импровизация... в последний раз привела к ужасным последствиям.

– Если Анла узнала нас...

– Я вытащу тебя. Обещаю. – Безликий чувствовал себя идиотом, но слова вырывались изо рта без спроса.

Даже если Анла их не видела, – точнее, если не поняла, кого видела – с первого по пятнадцатый этаж стенки шахты прозрачные, и сейчас Феликс и Далая как на ладони.

– Не стоит обещать того, что не сможешь выполнить. В любом случае, я привыкла надеяться только на себя.

Может быть, поэтому Фела так тянуло к Далае? Поэтому было так сложно оторвать от нее взгляд? Противоположности притягиваются.

Феликс никогда не был один. Рядом всегда находились те, на кого можно положиться, пускай даже они не всегда оправдывали надежды. Да и опасность, если честно, никогда ему не грозила. До того момента, как Безликий пошел на поводу у Лауры.

– У нас получится. – сказал Феликс. – Благодаря тебе, если

Карота допросят, он отправит полицию по ложному следу. Выиграет для нас немного времени.

– Идея была твоя. Я лишь немного ускорила его.

– Идеи ничего не стоят. Особенно, когда на счету каждая секунда.

– На моем счету пусто, поэтому я обожаю свежие идеи.

Лифт остановился и открылся слишком быстро. Отвлекаясь на разговор, запутавшись в хаотично мелькающих мыслях, Феликс не придумал даже подобие плана.

Далая первая шагнула наружу. Граница между кабиной и этажом была границей между смелостью и безрассудством, но девушка не колебалась ни мгновения.

Феликсу пришлось последовать за ней. Как в ресторане. Как в космопорту, когда он не решился остановить ее и позволил забросить датакуб на багажную ленту, тем самым так глупо подставившись. Феликс лишь надеялся, что после того, как он сообщил о произошедшем на орбиту, полиция сможет перехватить куб.

Безликий снова почувствовал кислотоватый привкус ее матовых, пересохших от волнения губ. Зажмурился, отгоняя наваждение. Далая настороженно оглядывалась, но Феликс знал, что она не найдет того, что ищет.

Семнадцатый этаж отличался от остальных. Никаких окон, никакого декора. Черные стены. Невзрачный пол из черного дерева. Ни одного растения. Только несколько едва видимых черных дверей, ведущих в кабинеты высшего ру-

ководства.

Приглушенного, гнетущего света, едва хватало, чтобы увидеть что-либо дальше вытянутой руки. Все, чтобы усилить шок от яркости кабинета Ишшая, вывести из равновесия, дезориентировать, лишить уверенности в себе, но на этот раз Кассео просчитался. Феликс чувствовал страх, беспомощность, отчаяние... что угодно, но точно не уверенность.

– Его нет на месте, господин. – все еще привыкающие к темноте глаза с трудом различили приближающийся силуэт.

От неожиданности Далая качнулась назад, наткнувшись на Феликса, но тут же отпрянула в сторону и сжала кулаки, исподлобья вглядываясь в полумрак холла.

– Мы к Аверену. – спрятав руку за спину, Феликс сомкнул большой и указательный пальцы в кольцо, молясь Создателю, чтобы тот сотворил еще одно чудо.

В определенные моменты верующими становятся все. Даже шивартанцы.

– С ним вы тоже разминулись, господин. Он уехал больше часа назад.

– Жаль. Стоило сообщить о своем прибытии. – Феликсу с трудом удалось изобразить разочарование. Вернувшаяся надежда опьянила сильнее ала.

Или слова прозвучали слишком фальшиво, или Далая снова прочитала ситуацию, но ее поза стала расслабленнее.

– Я передам господину Аверену.

– Не стоит. – Феликс покачал головой. – В любом случае, нам пора.

– Это как-то связано с прибытием ваших коллег? – охранник подошел достаточно близко для того, чтобы зловещая пронизательность его черных глаз стала угрозой.

– Боюсь, что да. – план в голове все еще оформлялся, но воодушевление горячей волной неслось по венам. – В здании, предположительно, находятся Безликие. – сделав паузу, Феликс с удовлетворением отметил, как от удивления раскрылись губы охранника. – Скорее всего, на третьем этаже, но пока их найти не удалось. Нам нужны координаты портала.

– Под зданием? Разве они не известны полиции? – охранник поразительно быстро взял себя в руки. Впрочем, на что вообще рассчитывал Фел? На семнадцатом этаже работали лучшие.

– Не нужно строить из себя идиота, мистер Лойно. Я прекрасно знаю, что находится за дверью по правую руку от вас.

– Что ж, в таком случае, вы также прекрасно знаете, что мне нечем вам помочь.

– Координаты, мистер Лойно. В третий раз повторять не буду, – аргументов не осталось, а авторитет Феликса на этом этаже значил недостаточно. – Станция перекрыта и портал за дверью – единственный путь для Безликих. Нужно срочно вызвать подкрепление.

– Думаю, с кучкой замаскированных уродов мы как-ни-

будь справимся. – Лойно презрительно поморщился. – Слава Создателю, господина Кассео и Аверена в здании нет.

– Мистер... Лойно, значит? – Далая окатила того настолько презрительным взглядом, что Феликсу стало не по себе от мысли, что сейчас, когда едва родившийся план почти провалился, на него она могла бы посмотреть так же. – Можете быть уверенным, что я запомнила ваше имя.

– Не могу сказать, что это взаимно. Ваше я не расслышал.

– Потому что я его не называла. Такому, как вы, достаточно знать, что я невеста господина Маццы, и, отказываясь открыть портал, вы подвергаете меня опасности.

– Могу лишь гарантировать, что с вами ничего не случится. – Лойно развел руки в стороны и обезоруживающе улыбнулся.

Далая повернулась и с надеждой посмотрела на Фела. В голове снова лихорадочно закрутились бессвязные мысли.

Всю жизнь он боялся разочаровать других, Подвести мать и не оправдать надежд отца. Даже несмотря на то, что эти надежды обычно противоречили друг другу, Феликс старался не концентрироваться на противоречиях чтобы не сойти с ума. Сделать все возможное, чтобы им гордились.

Став Безликим, он лишь увеличил количество критиков, а количество противоречий стало чудовищным. Тем не менее, Фелу удавалось нащупать баланс. До смерти Децима. До смерти Лаи...

Волосы Далаи такие же черные, кожа – такая же белая, а

имя... И ей он так же пообещал то, чего не мог гарантировать...

Лицо девушки покрылось коркой ужаса. Леденящее движение еще недавно стоячего воздуха костлявой рукой схватило Феликса за горло...

– А вот и они! – до тошноты знакомый скрипучий голос вынудил содрогнуться.

В ушах зашумело громче гула взлетающей капсулы. На только привыкшие к темноте глаза опустились еще одни черные шоры. Волна адреналина распалила кожу, Феликс с трудом сдержался, чтобы не содрать ее с себя.

Из лифта вышел Аверен в сопровождении троих полицейских.

– Всегда говорил господину, что от тебя одни проблемы, но такого я, конечно, не предвидел. – Аверен покачал головой, но его глаза сияли от удовлетворения.

Испуганным взглядом скользнув по форме, Феликс с ужасом осознал, что Аверена сопровождают не полицейские: вместо тройных полос, тянущихся по броне от плеч до кончиков пальцев – двойные; более угловатые, хищные шлемы. Служба охраны “Денорен”.

Один из охранников коснулся управляющей панели, и, сделав несколько размашистых жестов, отправил лифт вниз. На уровне пола шахту затянула блестящая перегородка из нескольких лепесткообразных сегментов. Последний оставшийся путь к отступлению захлопнулся.

Впрочем, Феликс и не собирался его использовать: внизу ждала полиция, хотя теперь он бы предпочел встречу с полицией. Лишь бы не стать снова пойманным здесь.

В голове зажужжали пробуждающиеся, глубоко запрятанные воспоминания, очередной неразрешимый конфликт в памяти. Один из последних, но не менее болезненный.

– Отведи меня к нему. – в горле пересохло, и слова вышли слишком тихими, слишком неуверенными. Даже если бы Феликс пытался отрицать вину, голос мгновенно выдал бы его.

Но Фел не пытался. Он хотел лишь, чтобы все наконец закончилось. Чтобы кто-то разрубил клубок противоречий, потяжелевший после трех дней в депривационной. Если бы не обещания, которыми Феликс так щедро разбрасывался, он бы давно уже плюнул на все.

– Кто ты такой, чтобы мне указывать? – Аверен приблизился настолько, что его длинные рыжие волосы практически коснулись лица Фела. – Отведите девушку на допрос.

Уставившиеся сверху вниз болотные глаза ликовали, но, какого бы мнения ни был о себе Аверен, Феликс его не боялся. Фел боялся Ишшая. Боялся, ненавидел и совершенно не мог совладать со страхом.

Один из охранников вынырнул из-за спины Аверена и потянулся к Далае, но та отмахнулась от него и выкрикнула:

– Убери руки! Я пойду сама.

Тем не менее, охранник схватил Далаю за предплечье и

тут же был вынужден ловить голень, устремленную в пах. Девушка зарычала, запрыгала на одной ноге, беспомощно колотя охранника по плечу, но сквозь броню вряд ли ощущалось что-либо, кроме стука. Далае, определенно, было больнее.

Феликс дернулся на помощь, но его, заломив руки за спину, тут же швырнули лицом вниз. Чье-то колено вонзилось в позвоночник, спровоцировав парализующий спазм. Жесткая шершавая перчатка вдавила голову в пол. Зудящая щека с треском растеклась по доскам.

Замерев от увиденного, Далая с жалостью посмотрела на Феликса. Он уставился на нее в ответ, пытаясь, сквозь стремительно наползающую красную пелену, запомнить девушку как можно детальнее, но ее жалостливый взгляд раздирал на части.

Жалость была последней эмоцией, которую Фел хотел бы вызывать. Он закричал от собственной бесполезности, но из сдавленной груди вырвался лишь нечленораздельный хрип.

Дождавшись утвердительного сигнала от Аверена, охранник, держащий Далаю, ослабил хватку, позволив девушке высвободиться. Жалость в ее глазах, все еще не готовых проститься, смешалась со страхом и разочарованием, и Безликий почувствовал, что разочарование ранит сильнее всего.

Феликс обещал, что вытащит, но подвел ее. Обещал теми же грязными губами, которые уверяли Лаю, что все будет хорошо. Лица девушек снова наложились друг на друга.

Охранник подтолкнул Далаю вперед, и та растворилась в черноте коридора. Феликс зарычал, и снова попробовал вырваться, но его держали слишком крепко.

Опустившись на корточки, Аверен, играючи смахнув тяжелую, как рухнувшая колонна, ладонь охранника, рванул голову Феликса за волосы вверх. Безликий попытался харкнуть ему в лицо, но во рту не осталось влаги. Аверен ухмыльнулся.

– Ты хорошо помнишь, каково это? Она сдаст тебя в течение минуты, хотя, в сущности, это больше не имеет значения. Мне просто слишком нравятся допросы. – Аверена обнажил острые длинные зубы. – Так хочется поиграть еще и с тобой, но господин желает напоследок тебя увидеть. Кто я такой, что перечить?

– Мерзкий пресмыкающийся тантар, не задающий лишних вопросов? – улыбнулся Феликс, и по пересохшим губам прошла трещина.

– Разве это я сейчас вытираю собой пол? – Аверен отпустил голову Феликса, и тот, от неожиданности, ударился подбородком.

Боль перестала иметь значение. Нарастающее воодушевление от вновь появившегося шанса выжить столкнулось со стыдом от жажды милости Ишшая. Разве Феликс не поклялся его уничтожить?

– Отведите его в портальную. – продолжил Аверен, и тело Феликса, подхваченное руками, взмыло в воздух как тря-

пичная кукла. – Мистер Лойно, проконтролируйте включение портала и дождитесь прихода господина.

Аверен отправился в свой кабинет.

Феликса поволокли в порталную, но Безликий даже не сопротивлялся. Клубок противоречий теперь с трудом умещался в черепной коробке. Ненависть боролась с надеждой.

Лойно потянул на себя тяжелую металлическую дверь, такую же толстую, как в здании в пустыне. Феликса захлестнули воспоминания. В прошлый раз семнадцатый этаж разделил его жизнь на до и после, но тогда Фела волокли в противоположном направлении. И он наблюдал за собой со стороны, не в силах помешать, да и не имея такого желания.

Красный длинноворсовый ковер со сложным узором напоминал реку крови. Так и не вымытые щеки снова зазудели, Феликс попытался почесать их о плечи, но тело встряхнули, заставляя идти ровно.

Лойно остановился у портала в углу помещения и наклонился к сканеру сетчатки глаза. Жестом скомандовал охранникам в смотровых подключить раму.

Когда-то Феликс и сам посылал координаты этого портала в систему перемещения Безликих, чтобы один из кораблей открыл окно извне, но тогда скорость света подвела его. Ожидание оказалось слишком долгим.

Неужели деанонимизация одного порталного корабля стоила того, чтобы быть пойманным? Он мог ввести координаты любого портала и мгновенно оказаться на другой сторо-

не, но предпочел следовать правилам и ждать, пока корабль получит сигнал. Решение, перевернувшее его жизнь.

Смерть отца, решение ждать и встреча с Далаей. Три поворотных момента. И вот он снова здесь. Снова ждет. Хотя, иногда приятно снять с себя ответственность и вверить судьбу в чужие руки.

– Далеко еще? – Далая старалась, чтобы голос звучал как можно более уверенно и дерзко, старалась замаскировать закравшиеся нотки страха, создать хотя бы иллюзию контроля. Хотя бы для себя.

Ответа снова не последовало. Шумное дыхание охранника за спиной путало мысли, вызывало внезапные, но повторяющиеся раз за разом, приступы дрожи.

Черный коридор порядком надоел. Позади осталось пять или шесть поворотов, но за каждым девушка видела одну и ту же картину. Казалось, что над ней издеваются, что охранник намеренно водит ее кругами, чтобы нагнать волнения. Как следует промариновать, чтобы допрос прошел с большим успехом.

– Может хотя бы назовешь свое имя? Меня учили не гулять с незнакомцами. – обернувшись, Далая одарила охранник своей самой обезоруживающей улыбкой, но тот лишь снова подтолкнул ее, кивком приказав двигаться вперед.

Должно быть, сиреневое покрытие смылось с эмали, иначе почему охранник так груб?.. Сейчас быгодились цветные виниры, как у Анлы, и тогда Далая точно была бы достаточно неотразима...

“Надеяться можно только на себя,” – такими словами она напоследок наградила Фела. В этом убеждала себя всю жизнь, но в моменты реальной опасности замирала и ждала спасения.

Иногда выручала внешность, иногда другие, Фел... Второй раз он играл с ее надеждами. Когда он бросился на помощь, внутри что-то вспыхнуло, и тут же погасло, когда...

От мыслей о его судьбе бросило в холод. Ноги стали ватными, пальцы на руках скрючились, словно из девушки высосали жизнь. Черт, почему сейчас? Почему в момент, когда она должна думать только о себе, ее волнует, что с ним? Далая осталась одна. Никто не придет.

Воротник куртки врезался в горло. Тело против воли рвануло назад, затем вперед и в сторону. Больно впечаталось в дверь. Жесткая шершавая броня прижалась к спине. Перчатка оцарапала живот и рванула верх, под куртку. Схватила за грудь.

– Почти на месте. – хрипло прошептал охранник.

К горлу подкатила тошнота. В Системе не хватит воды, чтобы Далая смогла отмыться. Упершись руками в стену, девушка со всей силы оттолкнулась, но острые грани брони лишь сильнее впились в спину.

Дверь открылась, и Далая, беспомощно хватаясь руками за воздух, повалилась внутрь. По крайней мере, удалось вырваться из омерзительных объятий. Если бы не ледяной металлический стол, стоящий посреди маленького помещения, девушка уже поцеловалась бы с полом. Не самый приятный поцелуй, но, по крайней мере, это был бы ее выбор.

Хлопнула дверь. Далая вздрогнула. Наверное, от холода. По вырывающемуся изо рта облаку пара девушка поняла, насколько холодно в помещении.

Она не могла пошевелиться. Не могла заставить себя обернуться и посмотреть на похитителя. Старалась убедить себя, что от холода ладони примерзли к металлу, но каждое новое оправдание казалось все слабее. Остатки смелости испарялись вместе с теплом. Вместе с выходящим из легких паром.

Металлический стол. Один металлический стул, чтобы холод полакомился костями сидящего. Помещение такое крохотное, будто стены вот-вот сомкнутся и раздавят. Еще один слой бесцеремонных, непрошенных объятий. От липкого, еще слишком свежего воспоминания, девушка задрожала.

– Не стоит так бояться. Я не кусаюсь. – тошнотворный хриплый голос стал звонче, пробрался прямо в мозг. Должно быть, охранник снял шлем.

Далая зажмурилась, но в этом не было смысла. Охранник все еще стоял за спиной. Почему сейчас, когда нужно найти

выход, ей так страшно? Хорошо, что в не стихающем приступе дрожи можно обвинить холод. Никто не должен видеть ее страх.

Из запертого навсегда раздела памяти без спроса выбрался образ мамы. Далая была даже рада, что теперь не одна. Мягкие волосы. Теплые глаза. Холодное бледное тело на полу...

Она теперь на мамином месте. Новый приступ тошноты, гораздо сильнее предыдущего. Желудок едва не вывалился из горла. Далая закрыла рот ладонями, то ли пытаясь удержать его внутри, то ли запирая рвущиеся наружу рыдания.

– Ну перестань. – голос прозвучал совсем близко, прямо над ухом. Настолько, что сальное дыхание оставило гадкий отпечаток на шее.

Взобравшись на стол, Далая на четвереньках, проскальзывая то одной ногой, то другой, рванула на другой конец комнаты и спряталась за стул, выставив его перед собой, как защитное поле. Ледяная металлическая спинка обожгла ладони, но девушка не могла заставить себя разжать кулаки.

– Можем договориться... – охранник подмигнул и улыбнулся так широко, что обнажил едва ли не все зубы.

Несмотря на то, что он действительно снял шлем и положил на стол, Далае никак не удавалось рассмотреть его лицо. Все внимание приковал тупой похотливый оскал.

– ...Если мне понравится, а потом ты по-быстрому все расскажешь, мы не будем дожидаться господина Аверена.

Он испытывает странную слабость к...

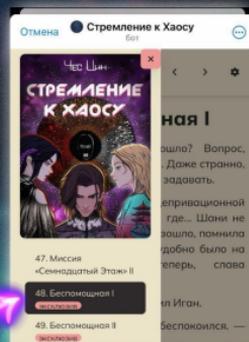
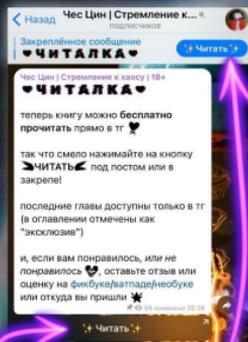
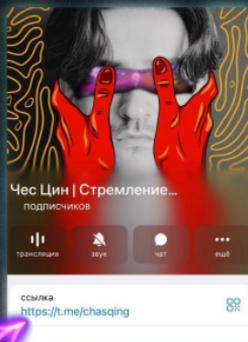
С огромным трудом оторвав руку, Далая, дрожащими пальцами крутанула кольцо...

– ...Да брось, стал бы я рисковать, если бы все было так просто? В коридоре ты была такой дерзкой. Обожаю смотреть, как эти комнаты сбивают с вас спесь. Как господин развлекается с вами. Тебе не удастся включить линзы. Даже импланты, к сожалению, здесь не работают. Ничего не записать. Приходится полагаться на память.

Охранник медленно двинулся к ней. Мучительно медленно. Далая чувствовала, какое удовольствие доставляет ему ее страх, но не могла лишить его пищи. Хотела стереть с его лица самодовольную ухмылку, двинуть стулом по омерзительно ровным зубам, но не могла пошевелиться. С каждым его шагом сердце сжималось все сильнее. Девушка услышала, как изо рта вырывается тихий сдавленный писк, но не могла прекратить. Ножки стула беспорядочно заколотили по полу...

Об авторе

Арты, эстетики, новости
и **продолжение**
можно найти здесь:

Телеграм-канал

Бот-читалка

Удобная навигация

@chasqing